

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2023. Том 2. №3
2023. Volume 2. Number 3

Екатеринбург 2023 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2023. VOLUME 2. NUMBER 3

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

EDITOR

Mikhail V. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Elena K. Sozina, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2023. ТОМ 2. № 3

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к.и.н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к.и.н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к.и.н. А. В. Дедук, к.г.н. А. А. Зайцев, к.и.н. К. И. Зубков, к.и.н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д.и.н. А. А. Метельский, к.и.н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к.и.н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д.фил.н. Е. К. Созина, д.г.н. В. Н. Стрелецкий, д.и.н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414

hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

- Бубенько Т. С., Метельский А. А.* К вопросу о генезисе Новогрудка 6
- Кунавин К. С., Мизис Ю. А.* К вопросу о локализации населенных пунктов Тамбовского края XVII в. по данным поздних картографических источников 22

РЕГИОНАЛИСТИКА

- Диденко Д. В., Гришин Е. С.* Оценка влияния факторов природных условий на накопление человеческого капитала в восточных регионах Российской империи конца XIX — начала XX вв. 38
- Кондакова Т. Ю.* Историко-географические особенности развития типов хозяйственного районирования Европейской России в конце XIX — начале XX вв. 58

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ

- Балабейкина О. А., Кузнецова Ю. А.* Социальная роль религиозной организации: историко-социологический аспект (кейс Римско-Католической Церкви Филиппин) 74

ИСТОЧНИКИ

- Бурцев И. Г., Дедук А. В.* Два описания южных земель Русского государства конца XVI в. 82
- Шумкин Г. Н.* Записка министра земледелия и государственных имуществ о поездке на Черноморское побережье Кавказа в 1894 г. 110
- Вебер М. И.* Несентиментальное путешествие: письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь летом 1918 г. 132

СООБЩЕНИЯ

- Этноботаническая база данных *PhytoLex* 152
- «Археология Волго-Уралья» в семи томах: современный научный подход к реконструкции древней и средневековой истории региона 154

CONTENTS

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

Bubenko T. S., Metelsky A. A. On The Question of the Genesis of Novogradok 6

Kunavin K. S., Mizis Yu. A. On the Issue of Localization of the 17th Century Settlements
in the Tambov Region According to the Late Cartographic Sources 22

REGIONAL STUDIES

Didenko D. V., Grishin E. S. Assessment of the Influence of Natural Conditions on the Accumulation
of Human Capital in the Eastern Regions of the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Century 38

Kondakova T. Yu. Historical and Geographical Features of the Development of Types
of Economic Regionalization of European Russia in the Late 19th – Early 20th Century 58

CONFESSIONAL GEOGRAPHY

Balabeikina O. A., Kuznetsova Ju. A. The Social Role of a Religious Organization:
A Historical and Sociological Aspect (The Case of the Roman Catholic Church of the Philippines) 74

SOURCES

Burtsev I. G., Deduk A. V. Two Descriptions of the Southern Lands of the Russian State
at the End of the 16th Century 82

Shumkin G. N. The Minister of Agriculture and State Property's Note On His Trip
to the Black Sea Caucasian Coast in 1894 110

Weber M. I. An Unsentimental Journey: The Letter from A. I. Tarasov-Rodionov to Petrograd Bureau
of Central Committee of RCP(B) about His Trip to Siberia in the Summer of 1918 132

INFORMATION

PhytoLex Ethnobotanical Database 152

“Archaeology of the Volga-Ural Region” in Seven Volumes: A Modern Scientific Approach
to the Reconstruction of the Ancient and Medieval History of the Region 154

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

УДК 94(476):528.9

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-6-21

Бубенько Татьяна Станиславовна

к.и.н., доцент кафедры истории и культурного наследия, факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Беларусь, Витебск)
ORCID: 0000-0003-3254-2747
E-mail: tanya.bubenko@mail.ru

Метельский Андрей Анатольевич

д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Беларуси IX–XVIII вв. и археографии Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, Минск)
ORCID: 0000-0002-0930-6415
E-mail: andreika.miacelski60@gmail.com; andreika.miacelski60@mail.ru

К вопросу о генезисе Новогрудка

АННОТАЦИЯ. В статье на основе анализа археологического материала предшествующих исследователей и новых материалов, полученного авторами статьи, утверждается, что поселение на территории летописного Новогородка возникло в конце X в. и с самого начала существовало как крупный ремесленно-торговый пункт в Верхнем Понёманье. Оно состояло из небольшого укрепленного центра и открытого ремесленно-торгового поселения. Преобразование его в город — административный, военный, ремесленно-торговый, культовый и культурный центр региона — произошло только в начале XII в., когда был возведен мощный детинец (площадью около 3,5 га), объединяющий в себя современные Замковую гору и Малый замок Новогрудка, к западу от которого располагался посад. Строительство нового укрепленного городка в начале XII в. (Новогородка) хронологически укладывается в деятельность династии гродненского княжеского дома, появившегося в Понёманье в начале XII в., первым представителем которого был гродненский князь Всеволодка, а затем его сыновья Борис, Глеб и Мстиславль правившие в середине — второй половине XII в. Археологические исследования проведенные на Замковой горе и Малом замке Новогрудка показывают, что изначально единый детинец города был топографически разделен на две части. На территории современного Малого замка располагались усадьбы феодальной верхушки и обслуживающих их ремесленников, возможно, княжеский двор и каменный храм. Территория современной Замковой горы была занята хозяйственными постройками. Единый детинец Новогрудка был разрезан оборонительным рвом на Замковую гору и Малый замок в первой половине XIV в., в связи с началом строительства каменного замка, вызванного походами крестоносцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация населенного пункта, детинец, Новогородок, Понёманье, гродненские князья

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

UDC 94(476):528.9

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-6-21

Tatiana S. Bubenko

Candidate of Historical Sciences, Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Belarus, Vitebsk)

ORCID: 0000-0003-3254-2747

E-mail: tanya.bubenko@mail.ru

Andrey A. Metelsky

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, Minsk)

ORCID: 0000-0002-0930-6415

E-mail: andreika.miacelski60@gmail.com; andreika.miacelski60@mail.ru

On The Question of the Genesis of Novogrudok

ABSTRACT. The article, based on the analysis of the archaeological material of previous researchers and new materials obtained by the authors of the article, states that the settlement on the territory of the chronicle Novogorodok arose at the end of the 10th century and from the very beginning existed as a large craft and trade point in the Upper Ponemanye region. It consisted of a small fortified center and an open craft and trading settlement. Its transformation into a city — an administrative, military, craft and trade, cult and cultural center of the region — occurred only at the beginning of the 12th century, when a powerful detinets (with an area of about 3,5 hectares) was erected, combining the modern Castle Hill and the Small Castle of Novogrudok, to the west of which the posad was located. Construction of a new fortified town at the beginning of the 12th century (Novogorodka) chronologically fits into the activities of the dynasty of the Grodno princely house, which appeared in the beginning of the 12th century, the first representative of which was the Grodno Prince Vsevolodka and then his sons Boris, Gleb and Mstislavl, who ruled in the middle – second half of the 12th century. Archaeological research carried out on Castle Hill and the Small Castle of Novogrudok shows that initially a single detinets of the city was topographically divided into two parts. On the territory of the modern Small Castle there were estates of the feudal elite and the artisans serving them, possibly a princely court and a stone temple. The modern Castle Hill territory was occupied by outbuildings. The single detinets of Novogrudok was cut by a defensive ditch on Castle Hill and the Small Castle in the first half of the 14th century due to the start of construction of a stone castle caused by the crusaders' campaigns.

KEYWORDS: transformation of the settlement, detinets, Novogorodok, Ponemanye, Grodno princes

Первое бесспорное летописное сообщение о Новогородке (современном г. Новогрудке Гродненской области Республики Беларусь) относится к 1252 г., когда в связи с военными действиями против Литвы Даниил Галицкий и его брат князь Василька «...поидоиста к Новоугородоу. Даниль же и Василько братья его разгадавъ, со с(ы)н(о)мъ брата си посла на Волковыескъ, а с(ы)на на Оуслонимъ, а самъ иде ко Здитову»¹.

Тем не менее, несмотря на то, что летописные источники не упоминают Новогрудок ранее XIII в., историки пытаются найти более ранние даты первого упоминания города и определить имя его основателя.

В первой половине XIX в. Т. Нарбут выдвинул гипотезу об основании Новогрудка в 1116 г. сыном Владимира Мономаха Ярополком. Главным посылом для Т. Нарбута было кажущееся созвучие в названии города Желня, куда Ярополк Владимирович вывел жителей Друцка, с упоминаемым в источниках второй половины XVI в. Желненским подзамчием в Новогрудке². В 1858 г. тезис об основании Новогрудка Ярополком Владимировичем повторил М. Дмитриев³. Однако данная версия ничем не подкреплена, так как Ярополка Владимировича с Понеманьем ничто не связывает.

С начала 70-х гг. XX в. Н. И. Ермолович со ссылкой на Софийскую первую, Новгородскую четвертую летописи и В. Н. Татищева продвигал тезис о том, что Новогрудок впервые упоминается в письменных источниках под 1044 г.⁴ (это положение со ссылкой на В. Н. Татищева было высказано еще в первой половине XX в.⁵). Данный тезис Н. И. Ермоловича оставался малозаметным вплоть до выхода его монографии, посвященной истории Беларуси полоцкого и новгородского периодов⁶. Поскольку эта дата — 1044 г. — в последние десятилетия активно пропагандируется⁷, историки вынуждены упоминать о существовании такой точки зрения, хотя она вызывает недоумение⁸.

Действительно, в упомянутых летописях и у В. Н. Татищева под 1044 г.⁹ имеется сообщение: «Ходил Ярослав на Литву и на весну заложил Новгород». Однако сама запись указывает на то, что дата 1044 г. не имеет отношения к Новогрудку. Во-первых, здесь речь идет о Новгороде, а во-вторых, если уж читать внимательно, то Новгород был «заложен» не в 1044 г., а на весну, то есть в 1045 г.

Кроме того, ссылка на В. Н. Татищева неуместна, так как в комментариях к сообщению 1044 г. исследователь пишет: «Сие, разумеется, о литовском Новагородке, но паче мнится о Северском, ибо с сего времени о нем упоминание началось, и Ярослав в сие времени в Новгороде не был»¹⁰. И это действительно так. Новгородская первая летопись старшего извода хотя и сообщает о походе Ярослава в 1044 г. на Литву, но строительство Новгорода, а не Новогрудка, в 1045 г. приписывает Владимиру Ярославичу¹¹. Неуместны в данном случае и ссылки на Н. М. Карамзина, для которого география, связанная со строительством Новгорода в 1044 г., осталась непонятной¹².

¹ ПСРЛ. Т. 2. М.: 1962. Стб. 816.

² Narbutt T. Dzieje starożytnie narodu litewskiego. Wilno, 1838. Т. 3. S. 273–274.

³ Дмитриев М. Несколько слов краткого исторического обозрения русско-литовского Новогрудка // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Вып. 24. С. 229, 230.

⁴ Ермолович Н. И. Из истории Новогрудка (с середины XI до конца XIII в.) // Беларускія старажытнасці. Матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мн., 1972. С. 343; Ён жа. Старажытная Беларусь. Полацкі і новагародскі перыяды. Мн., 1990. С. 103.

⁵ Żmigrodzki J. Nowogródek i okolicy. Nowogródek, 1931. S. 7.

⁶ На данную публикацию отреагировала лишь Ф. Д. Гуревич, уделив несколько строк в своей публикации: Гурэвіч Ф. Д. Заснаванне Навагрудка (па пісьмовых і археалагічных дадзеных) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 3. С. 71–75.

⁷ Гайба М. П. Навагрудак: гістарычны нарыс. Навагрудак, 1992. С. 5; Он же. Навагрудак: гады і падзеі. Навагрудак, 1995. С. 10; Он же. Навагрудак // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: Ў 6 т. Мн., 1999. Т. 5. С. 254–256.

⁸ Бубенька Т., Звяруга Я. Старажытны Наваградак // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Навагрудскага раёна. Мн., 1996. С. 35; Звяруга Я. Г. Гарады Беларускага Панямоння // Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэднявекавы перыяд (IX–XIII стст.). Мн., 2000. С. 290. Хотя Я. Г. Зверуго в монографии «Верхнее Понеманье в IX–XIII вв.», изданной в 1989 г., об этой дате вообще не упоминает; Баранускас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum. Зборнік навуковых прац. Прывячаецца памяці прафесара Міхася Ткачова. Баранавічы, 2002. С. 29.

⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 116; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Москва, 2000. Стб. 180; Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 79.

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 79, 243.

¹¹ НПЛ. С. 16, 181.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 т. Москва, 1991. Т. 2–3. С. 204.

Против отождествления Новгорода, упоминаемого в летописном сообщении 1044 г. с Новогрудком, еще в XIX в. выступали В. Б. Антонович, Н. П. Барсов. Позже их поддержал В. Т. Пашуто¹³.

Действительно, ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи ничего не знают о походе Ярослава на Литву под 1044 г. Сведения об этом походе появляются только в летописях конца XV в., поэтому его достоверность вызывает сомнение.

А самое главное то, что археологически давно доказано возведение в середине XI в. детинца в Новгороде Великом, что подтверждает летописное сообщение о его строительстве в 1044–1045 гг.¹⁴ Таким образом, к Новогрудку дата 1044 г. не имеет никакого отношения, о чем неоднократно писала и исследователь древностей Новогрудка Ф. Д. Гуревич¹⁵.

Несмотря на большую и плодотворную работу по исследованию древностей Новогрудка¹⁶, на сегодняшний день все же остается нерешенным вопрос о локализации ядра раннего Новогрудка X–XI вв. и его генезисе.

Исходя из летописного названия города — «Новгородокъ», «Новгородок», «Новоугородок» — Новый городок, возникает предположение о существовании в его ближайшей округе «Старого города», в противовес которому и было основано новое поселение. Причин для возникновения нового города могло быть множество, но суть одна: летописный Новгородок — Новый городок — должен был иметь своего предшественника.

Проблеме локализации долетописного Новогрудка уделили внимание как сама Ф. Д. Гуревич, так и последующие исследователи. Однако поиски изначального ядра города не увенчались успехом. Ни одно из обследованных городищ в окрестностях Новогрудка (Городечно, Радогоща) не могло претендовать на роль центра X–XI вв. Исходя из этого, Ф. Д. Гуревич высказала гипотезу, что «Новым городом» памятник стал называться относительно ранее существовавших догородских поселений на новогрудских возвышенностях¹⁷.

Данную мысль развил С. А. Пивоварчик, который усмотрел здесь процесс синойкизма: два соседних родовых поселка объединяются в город, который и стал «новым» не только в отношении неукрепленных догородских поселений, но и «новым» вообще в данном регионе¹⁸.

На наш взгляд, предложенные версии генезиса поселенческих структур на территории современного Новогрудка не дают ответа на вопрос о местоположении города X–XI вв. и причинах возникновения Нового города¹⁹.

¹³ Антонович В. Б. Монография по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Ч. 1. С. 11–14; Барсов Н. П. Географический словарь русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865. С. 136; Он же. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 40; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 11.

¹⁴ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М., 1962. Вып. 14. С. 3–11; Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. 1970. № 4. С. 57; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 37.

¹⁵ Гурэвіч Ф. Д. Указ. сач. С. 71–75; Она же. Летапісны Новгородок (Старажытнарускі Наваградак). СПб., Наваградак, 2003. С. 52–54.

¹⁶ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981; Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок...; Ткачю М. А. Замкі Беларусі. Мн., 1977. С. 15–21; Каргер М. К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 80–87; Малевская М. В. Монументальные сооружения новогрудского детинца XIV–XV вв. (по раскопкам 1968 г.) // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 90–97; Она же. Архитектурный комплекс новогрудского детинца XIII–XIV вв. // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 122–125; Краўцэвіч А. К. Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII стст. (планіроўка, культурны слой). Минск, 1991. С. 46, 93, 94; Бубенько Т. С. Новые данные о детинце Новогрудка в свете археологических исследований 1991–1992 гг. // Материалы международной научной конференции. Гродно, 2008. С. 150–154; Она же. Новые данные о детинце средневекового Новогрудка // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Новгород, 2011. Т. 2. С. 127–129; Собаль В. Е. Некаторыя вынікі даследаванняў мураванага замка ў Наваградку // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2006. Вып. 22. С. 220–230; Метельский А. А. Дозорная башня Новогрудского замка (по материалам археологических исследований 2011 г.) // Людзі і ўлада Наваградчыны: гісторыя ўзаемадзення (да 500 годдзя надання Наваградку магдэбургскага права). Зборнік навуковых артыкулаў. Минск, 2013. С. 27–31.

¹⁷ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок... С. 71.

¹⁸ Пивоварчик С. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1996. Nr 2 (6). S. 11.

¹⁹ Гуревич Ф. Д. Два этапа в истории древнерусских городов Понёманья // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 25–31; Она же. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 гг. // СА. 1980. № 4. С. 87–101; Она же. Заснаванне Наваградку... С. 71–76; Она же. О формировании городов Чёрной Руси по археологическим данным // СА. 1983. № 3. С. 61–71; Яна ж. Летапісны Новгородок... С. 56–71; Пивоварчик С. А. Возникновение древнего Новогрудка //

Археологические памятники Новогрудка представлены Замковой горой (детинец — по определению Ф. Д. Гуревич), которая занимает один из самых высоких холмов Новогрудской возвышенности (317–316 м над уровнем моря). Гора имеет форму неправильной трапеции, вытянутой с севера на юг на 75 м, а с запада на восток — на 100 м. Она окружена кольцевым валом высотой до 6 м, шириной у основания 25–27 м, а по гребню — 4–5 м.

К западу от Замковой горы расположен Малый замок, по определению Ф. Д. Гуревич, посад — окольный город. Последний отделен от Замковой горы рвом глубиной до 10 м и шириной 20–35 м. Малый замок имеет неправильную конфигурацию, размеры площадки с севера на юг — 225 м, а с запада на восток — 130 м.

Южнее Малого замка располагается еще одна возвышенность (рис. 1), которая сегодня частично нивелирована. Данная возвышенность — назовем ее условно Борисоглебская — на современной карте Новогрудка с запада ограничена трассами улиц Почтовой и Октябрьской, затем поворачивает вдоль трассы ул. Котовского в направлении ул. Гродненской и доминиканского костела. Восточная ее оконечность достигает перекрестка ул. Минской и Свердлова и далее идет вдоль Замковой горы. На плане Новогрудка 1810 г. в этом районе еще показаны две самостоятельные возвышенности²⁰. Кроме того, остатки одной возвышенности размерами 80×50 м, как отмечала Ф. Д. Гуревич, просматривались еще в середине XX в.²¹

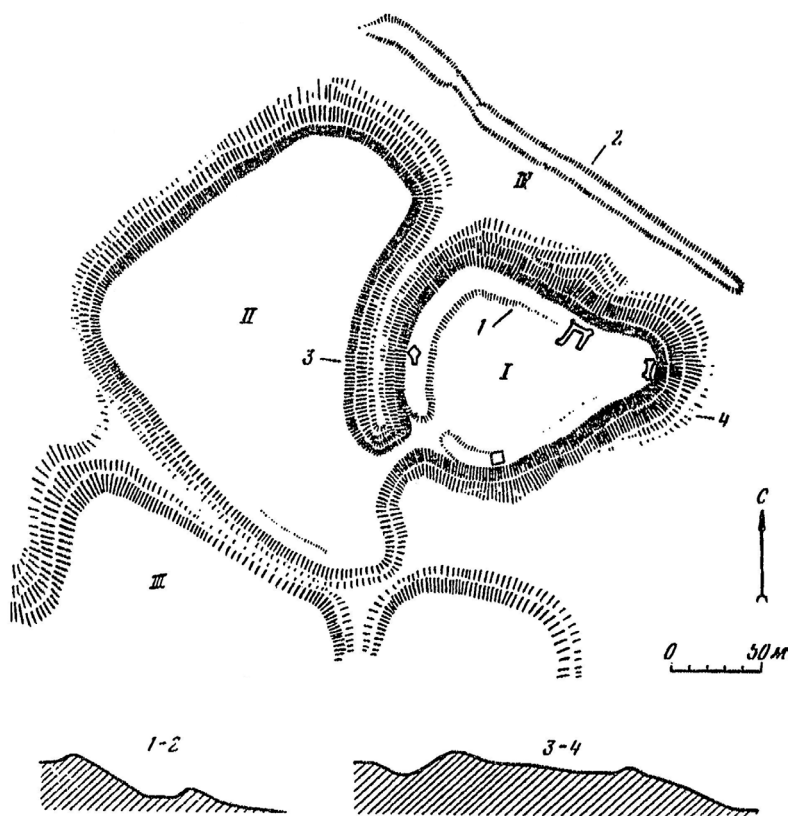

Рис. 1. Возвышенности в северной части Новогрудка:
1) Замковая Гора; 2) Малый замок; 3) Борисоглебская возвышенность; 4) Нижний вал

Города Верхней Руси: истоки и становление. Торопец, 1990. С. 9; Он же. Аб пытанні паходжання і назвы Навагрудка // Навагрудскія чытанні. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі прысвечанай 740-годдзю каранцыі Міндоўга. Навагрудак, 1993. С. 59–61; Краўцэвіч А. К. Фарміраванне тэрыторыі сярэдневяковага Навагрудка // Навагрудскія чытанні. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі прысвечанай 740-годдзю каранцыі Міндоўга. Навагрудак, 1993. С. 83–84; Півавэрчык С. А. Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка // Беларускі зборнік. Стат'і і матэрыялы па гісторыі і культуры Беларусі. СПб., 2002. Вып. 2. С. 172–173.

²⁰ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. Мінск, 1978. С. 46, мал. 20.

²¹ Гуревич Ф. Д. Отчет славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции за 1956 год // Архив АНД Института истории НАН РБ. Ед. хр. 18. С. 7.

Археологическими изысканиями установлено, что не позднее конца X в. на Борисоглебском холме возникло поселение, которое в XII–XVIII вв. функционировало как городской посад. Материалы XII–XIII вв. встречаются в шурфах возле аптеки на ул. Гродненской, в раскопе возле гостиницы на ул. Мицкевича, возле доминиканского костела, в шурфах возле приходского костела²². Это дает основание утверждать, что Новогрудок XII–XIII вв. занимал гораздо большую площадь, чем принято считать, и, кроме современной Замковой горы и Малого замка (общая площадь около 3,5 га), город охватывал территорию около 35 га. В пользу очерченных границ Новогрудка в XII–XIII вв. свидетельствует и то, что за пределами вышеназванных улиц начинается естественное понижение местности и в ходе шурфовок тут встречались материалы не ранее XIV в.

Ф. Д. Гуревич считала, что основой для формирования топографической структуры города послужили три поселения, существовавшие с конца X в. на Замковой горе, Малом замке и на прилегающей к нему с юго-запада возвышенности²³, где расположен Борисоглебский храм XVI в. Это положение стало аксиомой в дальнейшем при построении концепции генезиса и развития Новогрудка.

Однако визуальное знакомство с местностью, анализ соотношения Малого замка и Замковой горы Новогрудка вызывает сомнения в правомерности трактовки наличия изначально в Новогрудке трех холмов. На наш взгляд, Замковая гора и Малый замок Новогрудка первоначально представляли собой единое плато прямоугольной формы со сторонами около 180×180 м (площадью около 3,6 га), которое для удобства мы будем в дальнейшем называть Замковая возвышенность. Ров, отделяющий сегодня Замковую гору и Малый замок, выкопан гораздо позже, чем заселились эти высоты²⁴.

В соответствии с исследованиями Ф. Д. Гуревич, первоначальное поселение в Новогрудке возникает на Малом замке. Наиболее ранние материалы тут представлены находками лимонovidных бусин, бытование которых доходит до начала XII в., односторонними гребнями, ключом типа «А», бронзовыми пластинчатыми перстнями, керамикой, характерной для X–XI вв., жилыми и хозяйственными комплексами, относящимися к нижнему стратиграфическому горизонту, которые она датирует X–XI вв.²⁵

На Борисоглебской возвышенности в ходе раскопок церкви XII в. зафиксирован культурный слой мощностью до 1,8–2 м, в нижнем заполнении которого найдены бусы — лимонки, керамика X–XI вв., втульчатый двушипный наконечник стрелы VIII–XIII вв. Это позволило исследователю обосновать начальную дату заселения возвышенности X в.²⁶

На Замковой горе, которая, по мнению Ф. Д. Гуревич, доминировала над остальными заселенными холмами, под первоначальным валом обнаружен культурный слой с керамикой, бытовавшей не ранее первой половины XI в. (по аналогии с керамикой Малого замка)²⁷. В центральной части будущего детинца, по наблюдениям Ф. Д. Гуревич, «в предматериковом слое и на уровне материка не встретились находки древнее XII в.»²⁸. Таким образом, получается любопытная картина: территория будущего детинца летописного города начала заселяться позже, чем остальные районы города.

Однако причины столь позднего заселения восточной части Замковой возвышенности (территории Замковой горы) становятся понятны после привязки геодезических высот к мощности культурного слоя. Сегодня Малый замок и Замковая гора Новогрудка практически имеют одинаковую высоту (без учета высоты валов) на отметках 317–316 м на Малом замке и 316,5 м над уровнем Балтийского моря на Замковой горе. В районе Борисоглебского храма современная дневная поверхность имеет высоту 311,2 м.

²² Краўцэвіч А. К. Гароды і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII ст. С. 46.

²³ Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город... С. 90–91; Яна ж. Летапісны Новогородок... С. 61.

²⁴ О времени разделения Замковой горы и Малого замка смотри ниже в тексте статьи.

²⁵ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок... С. 11, 15, 18–32, 102–104.

²⁶ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новогородок... С. 61; Гуревич Ф. Д. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 36.

²⁷ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новогородок... С. 59.

²⁸ Гуревич Ф. Д. Отчет о работе Новогрудской экспедиции за 1973 // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 456. С. 20; Она же. О датировке и застройке древнего Новогрудка // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 47; Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новогородок... С. 61.

Принимая во внимание мощность культурного слоя — от 1 до 3 м на Малом замке и от 3,5 м (в северной части раскопа 1) до 5 м в южной части (раскоп 2) Замковой горы, можно утверждать, что первоначально площадка будущего Малого замка была значительно выше остальных холмов²⁹. Самая высокая ее точка приходится на центральную часть (отметка 315 м), к краям площадки отмечается уклон до 3 м (западный, северный и северо-восточный склоны).

На Замковой горе культурный слой имеет мощность от 3 м в северной части до 5 м в юго-восточной части, поэтому первоначально площадка располагалась на высотах 313–311 м и имела естественный наклон с севера на юг. Борисоглебская возвышенность первоначально имела высоту около 310–309 м и практически находилась на одном уровне с современной Замковой горой.

Доминантное высотное положение западной части Замковой возвышенности (сегодняшнего Малого замка) стало причиной первоначального заселения данного участка славянами, восточная же ее окраина (Замковая гора), по мнению Ф. Д. Гуревич, оставалась незаселенной до второй половины XI в.³⁰

Одновременно с поселением на западной части Замковой возвышенности возникло поселение на Борисоглебской возвышенности. Учитывая незначительное расстояние между этими поселками (до 100 м), логично рассматривать их как составные части одного поселения, существовавшего в историческом центре Новогрудка на предгородской стадии площадью до 2 га.

Как могли распределяться функции между данными поселениями, сегодня можно предполагать лишь в гипотетичной форме. Материалы Малого замка указывают, что к XI в. здесь сложился поселок с развитыми торговыми связями и зарождающейся ремесленной деятельностью. Его жители занимаются бронзолитейным производством, обработкой черных металлов, косторезным ремеслом³¹, безусловно, существовало гончарное производство, торговля.

Со временем (XI в.) здесь формируется ремесленная элита, которая начинает работать с полудрагоценными и драгоценными металлами, кварталы которых концентрируются в северной и западной части Замковой возвышенности. На начальном этапе жилые постройки располагались в северной части поселка, а в южной и в центре — хозяйственные, там же были открыты ямы, предназначенные для производственной деятельности³². Несмотря на то, что вплоть до конца XI в. на поселении господствовала свободная застройка, все же в ней отмечаются черты стабильности и своеобразной зональности.

Археологические разведки в окрестностях Новогрудка выявили в радиусе 20 км от него большое количество курганных могильников и поселений X–XI вв. Возможно, уже тогда, учитывая наличие высокого уровня развития ремесла и торговли, поселение на Замковой возвышенности стало брать на себя функцию центра округа в процессе освоения славянами Верхнего Понёманья и являлось погостом.

Косвенное подтверждение тому есть в уставной грамоте об основании Туровской епархии. В соответствии с ней, в 6513 г. (1005/1006 гг.) великий киевский князь Владимир вместе с женой и сыновьями организовали епархию в Турове: «И придал к ней города и погосты в послушание и священство и благословение держать себе Туровской епископии; Пинск, Новгород (Новогрудок), Городен, Слоним, Берестей, Волковыск, Здитов, Небле, Степан, Дубровица, Высочна, Слуцк, Копыл, Ляхов, Городен, Смедянь»³³.

Создавая во второй половине XIV в. грамоту, когда возник весь комплекс туровских грамот³⁴, автор не владел конкретным материалом относительно времени зарождения того или иного населенного пункта, а заносил в нее ситуацию, существовавшую на момент написания. Так, не было в начале XI в. Гродно, не совсем ясна ситуация с зарождением Степани, Небля, Дубровицы. Однако большая часть упоминаемых в грамоте населенных пунктов в начале XI в. в том или ином виде уже развивалась.

²⁹ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 8; Яна ж. Летапісны Новгородок. С. 271.

³⁰ Она же. О застройке Новогрудского детинца XII–XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 54.

³¹ Она же. Древний Новогрудок. С. 20, 28, 128; Она же. О датировке и застройке древнего Новогрудка. С. 47.

³² Она же. О планировке и застройке древнего Новогрудка. С. 45.

³³ Щапов Я. Н. Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 271–272.

³⁴ Там же. С. 255–256, 271.

Скорее всего, сведения грамоты опирались на существовавшую традицию летописания и ведения документации в Туровской епархии³⁵. Упоминание же в ней Новгорода (Новогрудка) позволяет отнести существующее поселение X–XI вв. (первоначальное название которого уже стерлось из памяти ко времени составления грамоты) на территории современного Новогрудка к категории погостов — центров налогообложения зарождающейся волости.

Без сомнения, центр волости должен был иметь какое-то укрепленное ядро, каковым мог быть небольшой изолированный холм размерами около 80×50 м, расположенный южнее Замковой возвышенности, в районе сегодняшнего Борисоглебского храма.

Археологические изыскания Ф. Д. Гуревич (1956 г.), М. К. Каргера (1965 г.) и Т. С. Бубенько (2012 г.) в центральной части Борисоглебской возвышенности показали, что первые славяне появились здесь в конце X в. одновременно с заселением территории Малого замка³⁶. Мощность культурного слоя конца X — начала XII в. тут составляет 0,4–0,6 м. Верхняя граница древнейших напластований фиксируется строительным мусором времени сооружения Борисоглебской церкви (вторая четверть XII в.). Материалы нижнего горизонта и материковых ям представлены явно выраженными «городскими» материалами, временные рамки бытования которых не выходят за пределы X–XI вв.: бусы-пронизки из желтого и синего стекла, которые поступали на Русь из Средиземноморья в X–XI вв. и «доживали» на Руси до второй четверти XII в., пастовая бусина, кольцевидная фибула со спирально замкнутыми концами четырехгранного сечения (X в.), бронзовая накладка от дружинного пояса X–XI вв., перстнеобразное полутораоборотное височное кольцо, крест-тельник скандинавского типа (X–XI вв.), трапециевидная привеска, пластинчатые браслеты, бронзовый перстень, круговая керамика ранних типов (типы 1–2, 6). Встреченные здесь же кусочки белого металла (серебра?) и обломки сосуда с застывшей на внутренней стенке стекломассой указывают на занятие населения бронзолитейным делом.

Немаловажное значение в вопросе локализации раннего политического центра имеет наличие на поселении культового сооружения. Строительство на этой возвышенности каменного храма может служить одним из доказательств возможного существования здесь старого центра княжеской власти. Ведь церкви во имя святых мучеников Бориса и Глеба, как правило, возводились на княжеском дворе³⁷. А традиция размещения княжеских дворов за пределами городских детинцев прослеживается в Смоленске, Полоцке, Галиче, Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Владимире³⁸ и отражает существование определенной автономии городов от княжеской власти, что находит подтверждение в составлении «рядов» между городом и князем³⁹.

Возможно, что каменный храм был возведен на месте более раннего деревянного. Косвенным подтверждением этому может служить факт размещения на восток от церкви кладбища, где нижний ярус погребений отделен от захоронений XII–XIII вв. стерильной прослойкой желтого песка. Кроме того, отдельные костяки были перекрыты доломитовыми плитами времени сооружения Борисоглебского храма.

В таком виде в качестве административного, ремесленно-торгового, возможно, культового центра округа и подошли поселения в историческом центре современного Новогрудка к XII в., который круто изменил их судьбу.

Камнем преткновения на сегодняшний день в истории поселения в Новогрудке остается вопрос датировки первоначального вала вокруг Замковой горы, а стало быть, и времени превращения ее в детинец Новогрудка. В результате исследований Ф. Д. Гуревич пришла к выводу, что фортификационные

³⁵ Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. М., 1989. С. 42.

³⁶ Гуревич Ф. Д. К истории древнего Новогрудка // Swiatowit. 1962. Т. 24. S. 566; Она же. О времени постройки церкви Бориса и Глеба... С. 36.

³⁷ Боровой Р. В., Булкин Вал. А. Из истории церкви Бориса и Глеба в Витебске // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 67–72.

³⁸ Мокеев Г. В., Шенков А. С. Планировочная структура города // Древнерусское градостроительство XII–XV веков. М., 1993. С. 44.

³⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства // Исторические записки. 1972. № 89. С. 390–392.

сооружения были возведены на Замковой горе Новогрудка во второй половине XI в.⁴⁰ При этом обычно даются ссылки на П. А. Раппопорта и М. А. Ткачева⁴¹.

Однако непосредственное знакомство с отчетами этих исследователей не вносит ясности в разрешение вопроса. П. А. Раппопорт, который прорезал вал Замковой горы с северной стороны, отмечает, что укрепление возникло не на обжитом месте, а одновременно с возникновением здесь поселения — в X в.⁴² Правда, на чем базируется данное утверждение, исследователь не объясняет; отсутствует подобная информация и в публикации, и в археологическом отчете⁴³. Скорее всего, данный вывод П. А. Раппопорт сделал, полагаясь на датировку начала заселения территории Малого замка.

Подобная ситуация обстоит и с документацией М. А. Ткачёва. В отчетах исследователя отсутствуют какие-либо материалы, указывающие на время возведения фортификационных сооружений на Замковой горе Новогрудка, хотя в публикациях он утверждает, что первоначальные укрепления вокруг поселения были сооружены в конце X — начале XI в. и до середины XIII в. они не менее пяти раз усиливались⁴⁴.

Не вносит ясности и прорезка вала, проведенная В. Е. Соболев (траншея № 4, 2002 г.). Исследователь приводит датировку раннего вала, предложенную ранее Ф. Д. Гуревич, поскольку датирующих материалов под насыпью вала он не обнаружил, и на опубликованном профиле вала В. Е. Соболев уверенно указывает — «вторая половина XI в.»⁴⁵.

Т. С. Бубенько в юго-западном углу раскопа, расположенного возле Малой башни, зафиксировала небольшой участок внутреннего склона вала. Датирующих вещей за исключением нескольких фрагментов керамики в насыпи вала обнаружено не было. Тем не менее анализ материалов из нижнего горизонта раскопа 2, вошедшего частично в раскоп 1992 г., позволяет определить предположительное время сооружения исследованного участка вала.

Под вскрытым в 1962 г. участком того же склона вала, кроме керамики типов 1 и 2, были обнаружены вещи не старше XII в. Их присутствие в древнейшем слое Ф. Д. Гуревич объясняет «случайностью» или, возможно, более ранним их происхождением⁴⁶. Среди таких вещей упомянут крюк для шнуровки, который следует связывать с половецким миром (XII–XIV вв.)⁴⁷, и пряжка, инкрустированная серебряной насечкой, аналогия которой известна в древностях каменных могильников Подляшья XII в.⁴⁸

Дополнительными аргументами в пользу возникновения укреплений вокруг восточной части Замковой возвышенности не ранее начала XII в. могут служить: слабая заселенность участка (мощность напластований старше XII в. — 20–25 см, почти полное отсутствие бытовой застройки второй половины XI — начала XII в., бедность слоя на находки, указывающие не только на непривилегированный состав населения детинца, но и на городской характер поселения — «материальная культура поселения до возведения вала на Замковой горе и после того, как вал там был сооружен, совершенно однородна»⁴⁹.

Неоднократно в публикациях Ф. Д. Гуревич отмечает, что во второй половине XI в. Замковая гора практически оставалась незастроенной⁵⁰. По ее данным, активная застройка Замковой горы

⁴⁰ Гуревич Ф. Д. Летапісны Новгарадок... С. 75.

⁴¹ Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. Л., 1967. С. 122. (МИА; № 140); Ткачев М. А. Исследование памятников военного зодчества Белоруссии // АО 1969 года. М., 1970. С. 311–312.

⁴² Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель... С. 122.

⁴³ Раппопорт П. А. Отчет об полевых работах в Гродненской и Брестской областях за 1959 год // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 59.

⁴⁴ Ткачев М. А. Указ. соч. С. 312; Ткачоў М. А. Замкі Беларусі. С. 13.

⁴⁵ Соболев В. Некаторыя вынікі даследванняў мураванага замка ў Навагрудку. С. 220–232.

⁴⁶ Гуревич Ф. Д. Летапісны Новгарадок... С. 302.

⁴⁷ Савинов Д. Г. Сибирские реалии половецких каменных изваяний // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 117.

⁴⁸ Зильманович И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 97. Рис. 35.

⁴⁹ Гуревич Ф. Д. Летапісны Новгарадок... С. 61; Она же. Детинец и околный город... С. 95.

⁵⁰ Гуревич Ф. Д. О планировке и застройке древнего Новогрудка. С. 45; Она же. Отчет об археологических раскопках Новогрудской экспедиции в 1971 году // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 404. С. 12–15; Она же. Отчет о работе Новогрудской экспедиции за 1973 год // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 456. С. 15, 19–20.

начинается лишь с начала XII в., а как показали раскопки 1985 г., юго-восточная часть площадки детинца начала застраиваться не ранее конца этого столетия⁵¹. Тогда возникает вопрос, зачем в XI в. возводить оборонительные сооружения на незастроенной территории?

Время возведения фортификации вокруг Малого замка Новогрудка — начало XII в.⁵² — не вызывает сомнения, однако остается загадкой, почему земляной вал с городнями окружал окольный город только с трех сторон? С востока, то есть со стороны Замковой горы, фортификация отсутствовала, что, без сомнения, снижало оборонительные способности окольного города.

В ходе исследований на восточном краю площадки Малого замка, обращенному к Замковой горе, Ф. Д. Гуревич была зафиксирована постройка — П-29, относящаяся к пятому строительному горизонту, датированному ею второй половиной XII — рубежом XII–XIII вв.⁵³ Судя по опубликованному сводному плану построек Малого замка, данный сруб был обрублен склоном рва, а это позволяет утверждать, что на рубеже XII–XIII вв. ров между Замковой горой и Малым замком еще не существовал и эти два памятника еще представляли собой одно целое — единую площадку Замковой возвышенности, на которой и возник детинец Нового городка.

Таким образом, комплексное изучение планов города, топографических карт с их привязкой к современному рельефу местности, а также археологических материалов, полученных как Ф. Д. Гуревич, так и авторами, указывает, что поселение на территории современного Новогрудка первоначально возникло на западной части Замковой и на Борисоглебской возвышенностях в конце X в. На протяжении XI в. оно прошло путь от простого поселения до погоста, центра волости в Верхнем Понёманье. Превращение этого поселения в город со всеми присущими ему социально-экономическими признаками началось не ранее XII в. Именно строительство в начале XII в. нового укрепленного центра — Нового городка, который заменил старый городок (возможно, он и так назывался — Городок) на Борисоглебской возвышенности, существовавший там с конца X в., подарило новому укрепленному центру и соответствующее название Новый город — «Новгородок», «Новгородок», «Новоугородок», который, с небольшим изменением под влиянием польского языка, существует до сегодняшнего дня как Новогрудок. Чем же было вызвано возведение Новогрудка в начале XII в., и кто мог быть его основателем?

Возведение города-крепости Новогрудка в первые десятилетия XII в. не было случайным или каким-то уникальным процессом на Верхнем Понёманье. К этому же времени относится возведение фортификационных сооружений и в других городах региона. Практически одновременно с возведением города-крепости в Новогрудке была восстановлена после пожара фортификация поселка, возникшего в самом конце XI в. на месте современного Гродно⁵⁴. В начале XII в. фортификационные сооружения возводятся в Слониме вокруг поселения XI в.⁵⁵ Подобная картина наблюдается и в Волковыске.

Здесь первоначальное поселение, возникшее на Шведской горе в середине — второй половине X в., только в конце X — начале XI в., после какого-то пожара, было укреплено оборонительным валом. Под стенами крепости с рубежа X–XI вв. существуют поселения на Муравельнике и Замчище. Возведение оборонительного вала вокруг Замчища в начале XII в. превратило его в окольный город⁵⁶.

Вероятно, тогда же возник и Турийск на Нёмане (летописный «Тоурск», «Тоуриискъ»), впервые упомянутый в летописях в связи с событиями 1253 г. Его фортификация, к сожалению, уничтожена, однако археологические материалы показывают, что населенный пункт функционировал с конца XI — начала XII в.⁵⁷

Как видим, вся эта грандиозная и практически единовременная градостроительная деятельность на Верхнем Понёманье укладывается в узкие хронологические рамки — начало XII в., что,

⁵¹ Гуревич Ф. Д. О планировке и застройке древнего Новогрудка. С. 48.

⁵² Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель... С. 124; Ткачев М. А. Отчет аспиранта Института истории АН СССР за полевой сезон 1969 года // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 444. С. 8.

⁵³ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 85–86; 117. Рис. 7.

⁵⁴ Зверуго Я. Г. Верхнее Понёманье в IX–XIII вв. Мн., 1989. С. 63–65.

⁵⁵ Там же. С. 73.

⁵⁶ Он же. Древний Волковыск X–XIV вв. Мн., 1975. С. 18–22; Он же. Верхнее Понёманье. С. 70.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 819; Зверуго Я. Г. Верхнее Понёманье IX–XIII вв. С. 74.

вероятно, было связано с деятельностью одного из князей. И на наш взгляд, в поисках ответа на вопрос об основателе Новогрудка интерес представляет фигура гродненского князя Всеволодки.

Всеволодка впервые появляется в летописях в 1116 г. в связи с тем, что Владимир Мономах «отда дщерь свою Огафью за Всеволодка»⁵⁸. В сообщении не говорится, где княжил Всеволодка, но уже в 1127/1128 гг. говорится, что «Всеволодка из Городна» в составе коалиции князей идет против Глеба Всеславича менского, а в 1132 г. принимает участие в походе на Литву⁵⁹. Городенским назван Всеволодка и в сообщении о его кончине под 1141/1142 мартовским годом⁶⁰.

А. В. Назаренко не согласен с устоявшимся мнением, что Всеволодка был сыном Давыда Игоревича⁶¹. Исследователь считает, что его отцом был берестейский князь Ярослав Ярополчич, умерший в августе 1102 г. в заточении в Киеве — в результате возмущения последнего против своего дяди, киевского князя Святополка Изяславича.

Дети Ярослава, по мнению А. В. Назаренко, до 1117 г. находились в Киеве. Чтобы дело не выглядело как ущемление династических прав, Владимир Мономах по достижении Всеволодкой совершеннолетия дал ему Городенскую волость, выделив Верхнее Понёманье из владений Ярослава Святополчича⁶². А женив Всеволодку на своей дочери Агафье, Владимир Мономах привязал династию гродненских князей к своим потомкам. Не случайно на протяжении XII в. Всеволодка, а затем и его сыновья Борис, Глеб и Мстислав всегда выступают в союзе с киевскими князьями. Более того, именно киевский князь Всеволод Ольгович в 1144 г. организовывал замужество дочерей Всеволодки⁶³.

Вышеизложенное позволяет предположить, что возникновение городов в Верхнем Понёманье напрямую связано с целенаправленной деятельностью гродненского князя Всеволодки по обустройству им своего удела, строительству на основе административных и военных центров предшествующей эпохи полноценных городов — административных, ремесленно-торговых, военных, культурных и культовых центров Гродненского княжества.

Политика одной руки (в нашем случае Всеволодки. — Т. Б., А. М.) прослеживается не только в градостроительстве, но и в храмовом строительстве, где приоритеты отданы культуре святых — Бориса и Глеба, именами которых были названы старшие сыновья гродненского князя.

В Гродно на Замковой горе возводится так называемая Нижняя церковь, построенная, по мнению Н. Н. Воронина, во второй четверти XII в. (1116–1141 гг.), а по мнению П. А. Раппопорта, время ее возведения относится ко второй половине XII в.⁶⁴

В Новогрудке также возводится каменный храм на Борисоглебской возвышенности, который М. К. Каргер датирует серединой — второй половиной XII в. Схожесть строительной техники новогрудского храма и витебской Благовещенской церкви в комплексе с артефактами, обнаруженными в культурном слое внутри постройки, позволили Ф. Д. Гуревич подкорректировать время возведения культового сооружения в Новогрудке — вторая четверть XII в.⁶⁵, то есть практически совпадает со временем строительства Нижней церкви в Гродно. Начало строительства каменного храма в Волковыске П. А. Раппорт относит ко второй половине XII в.⁶⁶

В честь кого первоначально возводились храмы в Гродно и Новогрудке, неизвестно. Однако следует обратить внимание, что в Новогрудке на месте церкви XII в. в начале XVI в. возводится храм в честь Бориса и Глеба, а это может служить косвенным указанием, что и ранний храм был

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

⁵⁹ Там же. Стб. 292, 294.

⁶⁰ Там же. Стб. 309. В Никоновской летописи сообщается, что это произошло 1 февраля 1142 г. ПСРЛ. Т. 9. С. 166.

⁶¹ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII веке // Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., 2009. С. 129; Рапов О. М. Княжеские владения в Киевской Руси в X — первой половине XIII веков. М., 1971. С. 202.

⁶² Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII веке. С. 126–139.

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303, 312, 317, 438, 491–492.

⁶⁴ Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1954. Т. 3. С. 140. (МИА; № 41); Раппорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. С. 102. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1–47).

⁶⁵ Каргер М. К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. С. 81; Гуревич Ф. Д. О времени постройки церкви Бориса и Глеба... С. 36–41; Гуревич Ф. Д. Летапісны Новогородок... С. 232.

⁶⁶ Раппорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. С. 104.

посвящен этим двум первым русским святым⁶⁷, которые почитались на Руси в XII–XIII вв. как патроны княжеской семьи. В Гродно в конце XII в., после пожара замковой Нижней церкви, на соседней возвышенности возводится Борисоглебский храм, существующий до сегодняшнего дня. Поэтому нельзя исключить, что Нижняя церковь изначально была посвящена Борису и Глебу.

Култ Бориса и Глеба был широко распространен в Понёманье в XII в. На это указывает не только возведение Борисоглебских храмов, но и распространение среди горожан предметов культа с изображением этих святых. В Новогрудке на Замковой горе найден прямоугольный складень из оловянистой бронзы размером 5×4,5 см. На правой створке изображен Борис в плаще с согнутой правой рукой. В вытянутой левой руке он держит модель одноглавого храма со шлемообразным куполом. Левую створку занимает фигура Глеба. Подобно Борису, он одет в плащ, на его голове княжеская шапка с круглой тульей. В вытянутой правой руке Глеб так же, как и Борис, держит макет храма, его левая рука опущена.

Единовременность возведения культовых сооружений в трех наиболее крупных городах гродненского княжества — Нижней церкви (возможно, во имя святых Бориса и Глеба) в Гродно и предположительно Борисоглебского храма в Новогрудке, а также закладка каменного храма в Волковыске — может свидетельствовать об административном делении территории княжества на уделы, имевшем место после смерти Всеволодки Ярославича.

В 1144 г. «Всеволодовича два Борис и Глеб» обозначены среди участников похода киевского князя Всеволода Ольговича (1139–1146 гг.) на Владимирка Володаревича Галицкого, следовательно, они должны были иметь к этому времени свои столы⁶⁸. Вероятнее всего, это были Гродно и Новогрудок. Нельзя исключать, что свой удел в середине XII в. был и в Волковыске, так как косвенные материалы о существовании династической близости между Гродно и Волковыском дает сфрагистика⁶⁹. Возможно, в Волковыске в это время княжил младший сын Всеволодки, Мстислав. Судя по летописным сообщениям, на гродненском столе поочередно сидели: Борис Всеволодович (княжил 1141/1142 — не позднее 1166 г.), Глеб Всеволодович (не позднее 1166–1170 гг.) и Мстислав Всеволодович (1170 — не ранее 1183 г.)⁷⁰. Строительство в Новогрудке церкви во имя святых Бориса и Глеба позволяет предположить, что новогрудский удел мог достаться среднему брату, Глебу. Аргументом в пользу его правления в Новогрудке может служить фресковая роспись постройки первой половины XII в. на Малом замке, именуемой Ф. Д. Гуревич повалушей.

На одной из фресок сохранилось изображение мужчины в княжеской шапке. Художник нарисовал человека безбородым, а надпись, от которой сохранились отдельные буквы, могла пояснить, кто именно здесь изображен. Ф. Д. Гуревич предполагает, что это мог быть молодой князь Глеб, которого обычно рисуют без бороды⁷¹. Но тем не менее она интерпретирует эту постройку как жилище боярина либо как дом ремесленника-ювелира.

Если принять во внимание, что рядом с повалушей в западной части Замковой возвышенности отмечена концентрация богатых домов, сменяющих друг друга на протяжении довольно длительного времени и существование здесь квартала златокузнецов, то вполне допустимо, что жилище с фресковой росписью, где работал вотчинный ювелир, могло принадлежать князю Глебу.

Идентичность химического состава фресок из постройки и Борисоглебской церкви может указывать на одного заказчика, которым в данной ситуации однозначно выступал князь. На то, что в этой части Замковой возвышенности располагались и другие княжеские постройки, указывает находка в постройке № 9, расположенной рядом с постройкой № 12, буллотерия для клеймения пломб⁷², который относится к разряду предметов, принадлежащих представителям княжеской администрации. Не исключено, что именно здесь, в западной части Замковой возвышенности — детинца, и располагалось княжеское подворье Новогрудка, тем более что, по наблюдениям Ф. Д. Гуревич, на данном участке практически отсутствовали хозяйственные постройки, амбары и кладовые.

⁶⁷ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок... С. 121.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315.

⁶⁹ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII веке. С. 146.

⁷⁰ Там же. С. 126.

⁷¹ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 121; Яна ж. Летаписны Новгородок... С. 249.

⁷² Там же. С. 99. Рис. 77:6.

В то же время данные строения на протяжении XII–XIII вв. были сосредоточены в восточной части площадки Замковой возвышенности⁷³, на территории современной Замковой горы. Случаи обособленного размещения жилых и хозяйственных строений известны и в других древнерусских городах⁷⁴.

Таким образом, градостроительные процессы в Верхнем Понёманье начала XII в. связаны с целенаправленной деятельностью князя Всеволодки Ярославича, направленной на трансформацию «городков» — центров волостей — в полноценные города, которые стали административными, торгово-ремесленными, военными, культовыми и культурными центрами. Новогрудок, начав свою историю как поселок на пути освоения славянами Верхнего Понёманья, в конце X — начале XI в. стал административным центром волости. Отделение в конце первой четверти XII в. при князе Всеволодке Ярославиче от основного берегового плато Замковой возвышенности и возведение по периметру ее площадки оборонительного пояса с деревянными клетями — городнями — завершило процесс трансформации торгово-ремесленного поселения в средневековый город и формирования его детинца, объединяющего в себя современные Замковую гору и Малый замок, которые только в начале XIV в. стали самостоятельными географическими и топографическими единицами на карте Новогрудка.

Referenses

Alekseev L. V. [Ancient Mstislavl (Based on Materials from Excavations of 1959–1964, 1968 and 1969)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1976, iss. 146. pp. 44–52. (In Russian).

Alekseev L. V. [Ancient Rostislavl]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1974, iss. 139, pp. 81–92. (In Russian).

Aleshkovsky M. Kh. [Novgorod Detinets of 1044–1430. (Based on New Research)]. *Arkhitekturnoye nasledstvo* [Architectural Heritage]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1962, iss. 14, pp. 3–11. (In Russian).

Aleshkovsky M. Kh., Krasnorechye L. E. [On the Dating of the Rampart and Ditch of the Novgorod Fort (In Connection with the Question of the Formation of the Urban Territory)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1970, no. 4, pp. 54–73. (In Russian).

Baranauskas T. [Novogrudok in the 13th Century: History and Myth]. *Castrum, urbis et bellum. Zbornik navukovych prac. Prysviačajecca pamiaci prafiesara Michasia Tkačova* [Castrum, Urbis et Bellum. Collection of Scientific Works. Dedicated to the Memory of Professor Mihlas Tkachev]. Baranavichy: Baranav. uzbuyn. druk. Publ., 2002, pp. 29–45. (In Russian).

Borovoy R. V., Bulkin Val. A. [From the History of the Church of Boris and Gleb in Vitebsk]. *Problemy izucheniya drevnerusskogo zodchestva (po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati P. A. Rappoport, 15–19 yanvarya 1990 g.)* [Problems of Studying Ancient Russian Architecture (Based on Materials from Architectural and Archaeological Readings Dedicated to the Memory of P. A. Rappoport, January 15–19, 1990)]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1996, pp. 67–72. (In Russian).

Bubenka T., Zvyaruga J. [Ancient Navahrada]. *Pamiać. Historyka-dakumentalnaja chronika Navahrudskaha rajona* [Memory. Historical and Documentary Chronicle of Navagrud District]. Minsk: Belarus Publ., 1996, pp. 29–36. (In Belarussian).

Bubenko T. S. [New Data about the Detinets of Medieval Novogrudok]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress]. Saint Petersburg; Moscow; Novgorod: IIMK RAN Publ., 2011, vol. 2, pp. 127–129. (In Russian).

Bubenko T. S. [New Data about the Novogrudok Detinets in the Light of Archaeological Research in 1991–1992]. *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Materials of the International Sci. Conf.]. Grodno: S. n., 2008, pp. 150–154. (In Russian).

Cherepnin L. V. [On the Question of the Character and Form of the Ancient Russian State]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 1972, no. 89, pp. 353–408. (In Russian).

⁷³ Павлова К. В. Хозяйственные постройки XII–XIII вв. на детинце древнего Новогрудка // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 77–83.

⁷⁴ Алексеев Л. В. Древний Ростиславль // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 81–92; Он же. Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959–1964, 1968 и 1969 гг.) // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 44–52.

Ermolovich N. I. [From the History of Novogrudok (From the Mid-11th to the End of the 13th Century)]. *Bielaruskija starožytнасці. Materyjaly kanfierencyi pa archiealohii BSSR i sumiežnych terytorij* [Belarusian Antiquities. Materials of the Conference on Archaeology of the BSSR and Adjacent Territories]. Minsk: S. n., 1972, pp. 343–344. (In Russian).

Ermolovich N. I. *Starožytnaja Bielaruś. Polacki i novaharodski pieryjady* [Ancient Belarus. Polotsk and Novgorod Periods]. Minsk: Mastackaja litaratura Publ., 1990. (In Belarussian).

Gaiba M. P. [Novogrudok]. *Encykłapiedyja historyi Bielarusi: u 6 t.* [Encyclopedia of the History of Belarus: In 6 Vols.]. Minsk: BielEn Publ., 1999, vol. 5, pp. 254–256. (In Belarussian).

Gaiba M. P. *Navahrudak: hady i padziei* [Novogrudok: Years and Events]. Navagrudok: S. n., 1995. (In Belarussian).

Gaiba M. P. *Navahrudak: historyčny narys* [Novogrudok: A Historical Essay]. Navagrudok: S. n., 1992. (In Belarussian).

Gurevich F. D. [About the Planning and Construction of Ancient Novogrudok]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1991, iss. 205, pp. 45–52. (In Russian).

Gurevich F. D. [About the Time of Construction of the Church of Boris and Gleb in Novogrudok]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1986, iss. 187, pp. 36–40. (In Russian).

Gurevich F. D. [Detinets and the Roundabout City of Ancient Russian Novogrudok in the Light of Archaeological Works of 1956–1977]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1980, no. 4, pp. 87–101. (In Russian).

Gurevich F. D. [On the Formation of the Cities of Black Rus' According to Archaeological Data]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1983, no. 3, pp. 61–71. (In Russian).

Gurevich F. D. [On the History of Ancient Novogrudok]. *Swiatowit*, 1962, vol. 24, pp. 557–575. (In Russian).

Gurevich F. D. [The Founding of Novogrudok (According to Written and Archaeological Data)]. *Viesci AN BSSR. Sieryja hramadskich navuk* [Bulletin of the Academy of Sciences of the BSSR. Social Science Series], 1985, no. 3, pp. 71–75. (In Belarussian).

Gurevich F. D. [Two Stages in the History of Ancient Russian Cities of Ponemanya]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1976, iss. 146, pp. 25–31. (In Russian).

Gurevich F. D. [About the Construction of the Novogrudok Detinets of the 12th–13th Centuries]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1984, iss. 179, pp. 53–59. (In Russian).

Gurevich F. D. *Drevniy Novogrudok. Posad — okol'nyy gorod* [Ancient Novogrudok. Posad — A Roundabout Town]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. (In Russian).

Gurevich F. D. *Lietapisny Novhorodok (Starožytnaruski Navhradak)* [Chronical Novgorodok (Ancient Russian Navagrudok)]. Saint Petersburg, Navagrudok: Novohrudok Publ., 2003. (In Belarussian).

Karger M. K. [Excavations of the Church of Boris and Gleb in Novogrudok]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1977, iss. 150, pp. 80–87. (In Russian).

Krautsevich A. K. [Formation of the Territory of Medieval Novogrudok]. *Navahrudskija čytanni. Materyjaly mižnar. navuk.-prakt. kanf. prysviečanaj 740-hoddziu karanacyi Mindauga* [Novogrudsk Readings. Materials of the International Sci. And Pract. Conf. Dedicated to the 740th Anniversary of the Coronation of Mindaugas]. Novogrudok: S. n., 1993, pp. 83–85. (In Belarussian).

Krautsevich A. K. *Harady i zamki Bielaruskaha Paniamonnia XIV–XVIII st. (planiroŭka, kułturny sloj)* [Towns and Castles of the Belarusian Panemonia of the 14th–18th Centuries (Planning, Cultural Layer)]. Minsk: Navuka i tehnika Publ., 1991. (In Belarussian).

Malevskaya M. V. [Architectural Complex of the Novogrudok Detinets of the 13th–14th Centuries]. *Drevnerusskoye gosudarstvo i slavyane* [Old Russian state and Slavs]. Minsk: Nauka i tehnika Publ., 1983, pp. 122–125. (In Russian).

Malevskaya M. V. [Monumental Constructions of the Novogrudok Detinets of the 14th–15th Centuries (According to the 1968 Excavations)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1973, iss. 135, pp. 90–97. (In Russian).

Metelsky A. A. [Watchtower of the Novogrudok Castle (Based on the 2011 Archaeological Research)]. *Liudzi i ūlada Navahrudčyny: historyja ūzajemadziennia (da 500 hoddzia nadannia Navahrudku mahdeburhskaha prava)*. Zbornik navukovych artykulaŭ [People and Power of Navahrudchyna: The History of Interaction (To the 500th Anniversary of the Grant of Magdeburg Law to Novogrudok). A Collection of Scientific Articles]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2013, pp. 27–31. (In Russian).

Mokeyev G. V., Shchenkov A. S. [Planning Structure of the City]. *Drevnerusskoye gradostroitel'stvo XII–XV vekov* [Ancient Russian Urban Planning of the 12th–15th Centuries]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1993, pp. 41–54. (In Russian).

Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god)* [Ancient Rus' and the Slavs (The Ancient States of Eastern Europe, 2007)]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009. (In Russian).

Pashuto V. T. *Obrazovaniye Litovskogo gosudarstva* [Formation of the Lithuanian State]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1959. (In Russian).

Pavlova K. V. [Outbuildings of the 12th–13th Centuries on the Detinets of Ancient Novogrudok]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1972, iss. 129, pp. 77–83. (In Russian).

Pivavarchik S. A. [On the Question of the Origin and Name of Novogrudok]. *Navahrudskija čytanni. Materyjaly mižnar. navuk.-prakt. kanf. prysviečanaj 740-hoddziu karanacyi Mindauga* [Novogrudsk Readings. Materials of the International Sci. And Pract. Conf. Dedicated to the 740th Anniversary of the Coronation of Mindaugas]. Novogrudok: S. n., 1993, pp. 59–61. (In Belarussian).

Pivavarchyk S. [Belarusian Panemonia in the Early Middle Ages (10th–13th Centuries)]. *Białoruskie Zeszyty Historyczne* [Belarusian Historical Notebooks], 1996, no. 2 (6), pp. 5–21. (In Belarussian).

Pivavarchyk S. A. [Radogoshcha Settlement — A Possible Predecessor of Novogrudok]. *Belorusskiy sbornik. Stat'i i materialy po istorii i kul'ture Belarusi* [Belarusian Collection. Articles and Materials on the History and Culture of Belarus]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU Publ., 2002, iss. 2, pp. 172–173. (In Belarussian).

Pivovarchik S. A. [The Emergence of Ancient Novogrudok]. *Goroda Verkhney Rusi: istoki i stanovleniye* [Cities of Upper Rus': Origins and Formation]. Toropets: S. n., 1990, pp. 9–12. (In Russian).

Rapov O. M. *Knyazheskiye vladeniya na Rusi v X — pervoy polovine XIII veka* [Princely Possessions in Rus' in the 10th — First Half of the 13th Century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1971. (In Russian).

Rappoport P. A. *Russkaya arkhitectura X–XIII vv.* [Russian Architecture of the 10th–13th Centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. (Archaeology of the USSR. Collection of Archaeological Sources; iss. E1–47). (In Russian).

Rappoport P. A. *Voyennoye zodchestvo zapadno-russkikh zemel' X–XIV vv.* [Military Architecture of Western Russian Lands in the 10th–14th Centuries]. Leningrad: Nauka, Leningrad. otd-ye Publ., 1967. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 140). (In Russian).

Savinov D. G. [Siberian Realities of Polovtsian Stone Sculptures]. *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archaeology of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984, pp. 115–121. (In Russian).

Shchapov Ya. N. [Turov Statutes of the 14th Century on Tithes]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1964 god* [Archaeographic Yearbook for 1964]. Moscow: Nauka Publ., 1965, pp. 252–273. (In Russian).

Shchapov Ya. N. *Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi* [State and Church of Ancient Rus']. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian).

Sobal V. E. [Some Research Outcomes on the Stone Castle in Navagrudak]. *Historyčna-archiealahičny zbornik* [Historical-Archaeological Collection], 2006, iss. 22, pp. 220–232. (In Belarussian).

Tkachev M. A. [Research of Monuments of Military Architecture of Belarus]. *Arkheologicheskiye otkrytiya za 1969 god* [Archaeological Discoveries for 1969]. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 311–312. (In Russian).

Tkachev M. A. *Abarončyja zbudavanni zachodnich ziamieł Bielarusi XIII–XVIII st.* [Defensive Structures of the Western Lands of Belarus in the 13th–18th Centuries]. Minsk: Navuka i tehnika Publ., 1978. (In Belarussian).

Tkachev M. A. *Zamki Bielarusi* [Castles of Belarus]. Minsk: Belarus Publ., 1977. (In Belarussian).

Voronin N. N. [Ancient Grodno (Based on Materials from the 1932–1949 Archaeological Excavations)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov* [Materials and Research on the Archaeology of Ancient Russian Cities]. Moscow: AN SSSR Publ., 1954, vol. 3. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 41). (In Russian).

Yanin V. L., Aleshkovsky M. Kh. [The Origin of Novgorod (Towards the Formulation of the Problem)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1971, no. 2, pp. 32–61. (In Russian).

Zilmanovich I. D. [Excavations in the Novogrudok Detinets in 1962]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1965, iss. 104, pp. 93–98. (In Russian).

Żmigrodzki J. *Nowogrodek i okolicy* [Novogrudok and the Surrounding Area]. Novogrudok: Nakładem Nowogrodzkiego Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego Publ., 1931. (In Polish).

Zverugo J. G. *Drevniy Volkovysk X–XIV vv.* [Ancient Volkovysk of the 10th–14th Centuries]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1975. (In Russian).

Zverugo J. G. *Verkhneye Poneman'ye v IX–XIII vv.* [The Upper Ponemanye in the 9th–13th Centuries]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1989. (In Russian).

Zvyaruga J. G. [Cities of the Belarusian Panemonia]. *Archiealohija Bielarusi. Siarednieviakovy pieryjad (IX–XIII st.)* [Archaeology of Belarus. The Middle Ages (9th–13th Centuries)]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2000, vol. 3, pp. 278–320. (In Belarussian).

УДК 94(470.326)«16»:528.9

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-22-37

Кунавин Константин Сергеевич

к.и.н., ведущий научный редактор-картограф, АНО «Большая российская энциклопедия»
(Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-0259-4928

E-mail: kunavinks@yandex.ru

Мизис Юрий Александрович

д.и.н., профессор кафедры истории, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(Россия, Тамбов)

E-mail: ymizis49@yandex.ru

**К вопросу о локализации населенных пунктов Тамбовского края XVII в.
по данным поздних картографических источников**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются некоторые особенности локализации (определения географических координат) населенных пунктов Тамбовского края (территории Моршанского, Тамбовского и Козловского уездов по состоянию на начало XVIII в.), встречающихся в писцовых книгах первой половины XVII в. Приведен разбор особенностей самих писцовых книг. Основная сложность локализации заключается в том, что доступные картографические источники, с которыми можно сопоставить данные книг, относятся к более позднему периоду — не раньше последней трети XVIII в. Приведен обзор использованных картографических источников. Рассматриваются практические подходы к исходному списку населенных пунктов для их локализации — «экспертный» и «поточный». Утверждается эффективность второго в качестве первого этапа исследования. Проведено сопоставление исходного списка населенных пунктов со списком пунктов, не поддающихся потоковой локализации по ряду параметров. Установлено эмпирическое соотношение количества душ мужского пола к количеству дворов для каждого типа населенного пункта. Обнаруживаются критерии, влияющие на дальнейший шанс обнаружения населенного пункта XVII в. на картах XVIII в. — сам тип населенного пункта и его размер (в пересчете на количество душ мужского пола). Последнее не имеет ожидаемой линейной зависимости и сильно связано с типом населенного пункта. Вводятся и подтверждаются сценарии развития населенных пунктов, приводящих к тому, что объект писцовой книги XVII в. становится невидимым на карте конца XVIII в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: писцовые книги, планы межевания, населенный пункт, локализация, топонимика, колонизация

UDC 94(470.326)«16»:528.9

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-22-37

Konstantin S. Kunavin

Candidate of Historical Sciences, ANO «Great Russian Encyclopedia» (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0002-0259-4928

E-mail: kunavinks@yandex.ru

Yuri A. Mizis

Doctor of Historical Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Russia, Tambov)

E-mail: ymizis49@yandex.ru

On the Issue of Localization of the 17th Century Settlements in the Tambov Region According to the Late Cartographic Sources

ABSTRACT. The article discusses some features of the localization (determination of geographical coordinates) of the settlements of the Tambov region (the territories of the Morshansky, Tambovsky and Kozlovsky uyezds as of the early 18th century), found in the cadastral books of the first half of the 17th century. It provides an analysis of the features of the cadasters. The main difficulty of localization lies in the fact that the available cartographic sources with which the book data can be compared belong to a later period — not earlier than the last third of the 18th century. An overview of the used cartographic sources is given. The authors consider two practical approaches to the initial list of settlements for their localization — «expert» and «streaming». The effectiveness of the second approach as the first stage of the study is approved. A comparison of the original list of settlements with the list of settlements that are not amenable to stream localization in a number of parameters is carried out. An empirical ratio of the number of male souls to the number of households for each type of settlement is established. Criteria are found that affect the further chance of finding a 17th century settlement on the 18th century maps — the type of settlement itself and its size (in terms of the number of male residents). The latter does not have the expected linear relationship and is strongly related to the type of settlement. Scenarios for the development of settlements are introduced and confirmed, leading to the fact that the object of the 17th century book becomes invisible on the map of the late 18th century.

KEYWORDS: cadastral books, land surveying plans, settlement, localization, toponymy, colonization

ВВЕДЕНИЕ

Исследования, посвященные исторической географии России эпохи Средневековья и Раннего Нового времени, часто сталкиваются с проблемой позднего возникновения картографических источников. Чем ниже устанавливаются хронологические рамки исследования, тем сильнее разрыв между письменными источниками и источниками, запечатляющими местность графическим способом. Эта же проблема проявляется при попытках локализации населенных пунктов территории Тамбовского края в XVII в. Основная информация о пунктах содержится в многочисленных фискальных источниках того времени. Представляющие по форме текстовый массив, они плохо иллюстрируют пространственные отношения объектов между собой, их расположение и морфологию. Источники, графически изображающие пространство и помещающие в него населенные пункты, в данном регионе с приемлемой точностью появляются (за небольшим исключением) ближе к концу XVIII в.

Хронологическая лакуна, возникающая между письменными и картографическими источниками, не является уникальной проблемой в отечественной историографии. Так, в середине прошлого века М. В. Витовым была предпринята успешная попытка составления исторических карт XVI–XVII вв. на основе кадастровых описаний этого периода и более поздних картографических источников¹.

Комплексное исследование, посвященное исторической географии новгородской земли XVI–XVII вв., затрагивающая также проблемы соотношения и сопоставления разных по хронологии источников, проведено А. А. Селиным². Большое внимание применению обширного комплекса фискальных и картографических источников для реконструкции пространства с применением современных средств ГИС уделено в работах А. А. Фролова³. Н. В. Пиотух, иногда в соавторстве с А. А. Фроловым, применяет схожий комплекс источников и технологий для реконструкции не только поселенческой сети, но и аграрной истории XV в.⁴

В контексте истории Тамбовского края нижнюю хронологическую границу, заданную текстовыми источниками, и верхнюю границу, заданную ранними картографическими источниками, разделяет период активного хозяйственного освоения, роста населения и населенных пунктов, развития сети дорог, трансформации ландшафта (вырубка лесов, осушение части болот, заболачивание некоторых пойм, распашка степи и т. д.). Эти процессы не могли не сказаться на сети изначальных населенных пунктов, спровоцировав изменения или катализируя дальнейшее естественное развитие⁵. Однако существовавшие в первой трети XVII в. села обладают большим потенциалом устойчивости. Формировавшиеся стихийно, в условиях большого выбора доступных мест, первые села были расположены на местах наилучшего сочетания ландшафтов в близкой доступности

¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962; Он же. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 231–264; Он же. Севернорусская топонимия (к постановке топонимического источниковедения) // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 74–90; Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Приморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.

² Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

³ Фролов А. А. Территориально-административная система сельских территорий Новгородской земли в X–XVII веках // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. № 1. С. 79–89; Он же. Русские чертежи Замосковского края XVII века: особенности источниковой базы геоинформационной системы // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V Международной конференции по исторической географии. СПб., 2015. Ч. 1. С. 119–123; Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 379–385; Фролов А. А. Геоинформационная система «Географические чертежи Московского государства XVI–XVII вв.» // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1–2 (11–12). С. 50–58.

⁴ Пиотух Н. В. ГИС и аграрный ландшафт конца XV в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 98; Фролов, А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины по писцовым книгам письма 1495–1496 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 50–60; Пиотух Н. В., Фролов А. А. Населенные пункты Деревской пятины конца XV века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 4 (33). С. 30–40.

⁵ Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Костовска С. К. Пространственное моделирование экологических процессов в истории // Fractal Simulation. 2011. № 1. С. 15–20.

ко всем необходимым ресурсам. Случаи запустевания и исчезновения таких сел в XVIII и XIX вв. при возрастающей плотности как населения, так и населенных пунктов — маловероятны, а сценарии таковых процессов могут быть сведены лишь к сознательному административному вмешательству или локальной экологической катастрофе.

Можно выделить два больших подхода, позволяющих определить местоположение населенных пунктов, встречающихся в писцовых книгах XVII в. по данным более поздних картографических источников. Первый подход можно условно назвать «экспертным». Для получения достоверных сведений о расположении искомого населенного пункта необходимо глубокое знание местной истории, особенностей местной топонимики, системы взаимоотношений, складывавшейся между отдельными пунктами и государственной властью, понимать логику социально-экономических и демографических процессов. Например, для Тамбовского края XVII–XVIII вв. частым является случай, когда село, по мере роста населения, образует на определенном расстоянии от себя выселки, которые, в свою очередь, спустя какое-то время приобретают статус села. Генеалогическая связь двух пунктов сказывается и на том, что дочерний пункт наследует название родительского, а для отличия одного от другого добавляется индивидуальная вторая часть каждому пункту. Таким образом, из одного села Оловай (Иловай), встречающегося на страницах источников первой половины XVII в., к середине XVIII в. образуются два крупных села на незначительном отдалении друг от друга: Иловай-Рождественское, Иловай-Дмитриевское. Определить, какой из этих пунктов родительский, основываясь лишь на анализе карт, непросто. Более того, предположение, что Иловай-Дмитриевское возникло раньше остальных, так как через него проходит крупная дорога, соединившая города Раненбург и Шацк с момента их основания, будет ложным. Исторически сложилось, что первым Иловаем было Рождественское. Установить этот факт без консультации со специалистом, знающим историю этих населенных пунктов, вряд ли возможно.

Второй подход условно назовем «потоковым», когда для определения местоположения используются только доступные источники позднего времени, а экспертная консультация на этом этапе не привлекается. В условиях, когда исходный список населенных пунктов превышает несколько десятков, а географические рамки захватывают нынешние территории нескольких регионов (Рязанская, Тамбовская и Липецкая области), привлечение широкого круга экспертов или индивидуальные изыскания в библиотеках, архивах и музеях, оставаясь возможными, становятся сложными. Рациональным решением становится проведение потоковой локализации в качестве предварительного или черного этапа. Банальное сопоставление топонимики исходного списка с топонимикой картографических источников позволяет предположить позиции некоторой части населенных пунктов (или других объектов) и сформировать первичную опорную карту. Привлечение специалистов по местной истории для экспертизы уже сформированной первичной карты выглядит более эффективным решением.

Данное исследование ставит перед собой в том числе следующий практический вопрос: какова доля населенных пунктов Тамбовского края из исходного списка, сформированного на основе данных писцовых книг первой половины XVII в., которые можно локализовать (точно или предположительно) по картографическим источникам позднего времени потоковым способом? Также стоит рассмотреть, коррелируют ли атрибуты населенного пункта, извлекаемые из источника (административный статус, количество дворов или душ мужского пола), с вероятностью быть локализованными потоковым способом.

Помимо практической постановки проблемы, есть эвристическая интерпретация. Исследование ставит перед собой цель выявить и описать массив населенных пунктов, которые за полтора века своего существования с момента фиксации в источниках XVII в. либо прекратили свое существование, либо сменили топонимическую основу в своем наименовании (или сделали имеющийся топоним недостаточным для однозначной идентификации); то есть те населенные пункты, которые не могли быть локализованы потоковым способом, но точно определены экспертным путем.

Исчезновение населенного пункта является маркером социально-политических, экономических, демографических и/или экологических процессов, которые, за исключением последнего, идут вразрез с логикой развития Тамбовского края XVII–XIX вв.⁶ Установление таких локальных

⁶ Черменский П. Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов. 1961.

точек противохода и их описание позволит высветить ранее незамеченные исследователями эпизоды истории освоения региона или расширить смысл уже известных. Локальные экологические катастрофы также представляют исследовательский интерес, ставя новые вопросы и находя новые зависимости. Несмотря на то, что для территории, подвергающейся возрастающей демографической и хозяйственной нагрузке на протяжении двух с половиной столетий, нарушение экологического баланса не является удивительным, странным остается пассивная реакция местного населения, покидающего ранее благоприятное и обжитое место и оставляющего попытки отвоевать свою землю у природы.

Смена топонимической основы также может выступать маркером, но чаще всего социально-политических процессов, вызывающих резкую или постепенную смену этнического или социального состава местного населения либо смену субъекта, обладающего властью фиксировать наименование населенного пункта в письменных источниках. Первое, в контексте истории Тамбовского края, является проявлением административных мер Московского правительства по укреплению обороноспособности южных рубежей (привлечение в регион и расселение по нему больших групп служилых групп, раздача земель с крестьянами в вотчинное или поместное пользование). Второе проявляется в большей степени с 1521 г. как следствие перехода сел бассейна р. Цны из-под управления рязанских князей к московскому дому. Для XVII и последующих веков смена субъекта описания не характерна.

Размышляя более конкретно о потере видимости сел XVII в. на картах XVIII в., можно сформулировать следующий перечень априорных сценариев.

А. Экспансия топонима. Появление нескольких дочерних населенных пунктов из родительского с наследованием топонимической основы в названии. Сценарий подтверждается на эмпирическом материале, например, как в случае с селом Оловай, описанным ранее.

В. Утрата топонима. Не предполагает утрату объекта. В свою очередь может быть разделено:

а. На включение объекта в состав соседнего на условиях полного подчинения или с образованием нового населенного пункта. Наблюдается эмпирически; чаще характерен для деревень, срастающихся с соседним пунктом в процессе взаимного встречного движения границ. В некоторых сельских населенных пунктах Тамбовской области даже сейчас есть улицы, носящие названия самостоятельных деревень, находившихся ранее на этом месте.

б. На изменение владетельного статуса населенного пункта. Для тамбовского региона был характерен переход части населенных пунктов с государственными крестьянами в собственность помещиков. Среди этих случаев наблюдаются эпизоды наименования пункта по фамилии нового владельца (правда, чаще всего с сохранением прежнего названия в качестве второго, что хорошо наблюдается на картах с расширенной топонимикой — планах генерального межевания и специальной карты 1832 г.). Конкретный пример — переименование села Карьян, названного так по реке (приток Цны), после передачи его в начале XVIII в. в собственность Загряжских — в Загрядчину или Загряжское.

с. На переименование по другой причине. Достаточно широкая категория, которая может включать в себя большой спектр разнообразных случаев.

С. Утрата объекта. Прекращение существования населенного пункта в силу разных причин. Нехарактерный для периода экстенсивного освоения региона сценарий, тем не менее обнаруживаемый эмпирически. Примером является небольшая деревня Ерофеево, фигурировавшая в различных списках второй половины XVIII — начала XIX в. и однозначно определяемая на планах генерального межевания конца XVIII в. Располагавшаяся в некоторой изоляции на берегу реки Цны, близко к лесному массиву, она была отрезана от трех соседних крупных сел: Воронцово (болотистой низменностью и рекой), Загряжское (рекой и лугом), Шаховка (лесным массивом). На плане генерального межевания, уделявшем большое внимание таким важным топографическим ориентирам при межевании участков, как тропа, Ерофеево сообщалось только с Шаховкой — через лесную тропу, пересекавшую водораздел. Сложность тропы указывала на ее необходимый характер. Парадоксальным образом, примерно тогда, когда межевой атлас Менде в начале 60-х гг. XIX в. фиксирует и новые тропы до Воронцово и Загряжского (также труднопроходимые), Ерофеево навсегда исчезает из источников, в том числе и с самого атласа Менде.

Обозревая приведенные сценарии, можно обратить внимание на то, что большинство из них (сценарии А и В), несмотря на то, что подтверждаются эмпирикой, а сами случаи не вызывают

у специалистов серьезных вопросов и представляются нормальной частью истории местных населенных пунктов, вступают в некоторое противоречие со сложившейся картиной экстенсивного освоения. Дело в том, что как и экспансия топонима, так и его исчезновение в результате слияния или появления владельца в какой-то степени (может быть даже — в большой) маркируют процессы перехода от экстенсивного к интенсивному развитию. Экспансия топонима через появление дочерних населенных пунктов может быть спровоцирована тем, что рост границ родительского населенного пункта более невозможен. Слияние нескольких населенных пунктов нередко является следующей стадией развития отношений между столкнувшимися границами и своеобразным шагом к интенсификации. Именно дворянские вотчины позже начнут демонстрировать лучшие (а чаще — единственные) образцы рационального и интенсивного хозяйства.

Факт того, что Тамбовский край до самого конца имперского периода будет оставаться типичным регионом с экстенсивным сельским хозяйством, позволяет выдвинуть гипотезу, что доля населенных пунктов XVII в., не поддающихся потоковой локализации, то есть попадающих под сценарии протоинтенсивного хозяйствования, — несущественна.

ОБЗОР ФИСКАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Основным источником для описания населенных пунктов уездов России в XVII веке являются писцовые и переписные книги. С учетом плохой сохранности этого типа источников до 1646 года, каждая сохранившаяся такая книга представляет значительную ценность. Так, по Верхоценской дворцовой волости сохранился комплекс писцовых книг бортных ухажей писца Фёдора Чоботова, который, скорее всего, был волостным приказчиком: Писцовая книга шацких дворцовых сел Фёдора Чеботова 1622 г.; Писцовая книга Фёдора Чеботова 1623 г.; Шацкие писцовые книги бортных ухажей Фёдора Чеботова 1631 г.; Писцовые книги Богдана Карпова и дьяка Третьяка Копнина 1640 г.⁷ До 1631 г. эта волость принадлежала матери царя Михаила Фёдоровича Марфе Иоанновне, а затем перешла в дворцовое ведомство. Вышеназванные документы являются копиями подлинных книг, переписанных в 1681 г. для нового владельца Л. К. Нарышкина. Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Фёдоровича Стрешнева 1622 г. содержит перепись бортников Верхоценской волости с указаниями селений, перечислениями бортных ухажьев, владельца бортного ухажья, суммы налога с каждого бортника. Эти книги позволяют рассматривать и изучать Пощенье с его разнообразным в этническом плане населением, ландшафтом, природными ресурсами. И в Книге ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева, и в Писцовых бортных книгах Фёдора Чеботова по селам и деревням Верхоценской волости дается поименный перечень оброчного населения с указанием выплачиваемых налогов и описанием территории каждого бортника.

Широкомасштабные работы по описанию были проведены во второй половине 20-х гг. XVII в. Несомненный интерес представляют подлинные переписные книги 1646 г. Белгорода и уезда, Воронежского уезда, Елецкого уезда, Ливенского уезда, Оскольского (Старооскольского) уезда, а также копии соответствующих книг Путивльского и Рыльского уездов. Этот комплекс дополняется подлинной переписной книгой Карповского уезда 1650 г., копией Корочанской переписной книги 1647 г. и копиями переписных книг Оскольского уезда 1643, 1646 и 1647 гг.

Писцовые книги дворцовых сел, письма и меры стольников князя Василия и сына его Михаила Кропоткиных и подьячего Ивана Кудрявцева 1679–1682 гг. Документ находится в фонде Поместного приказа, в делах, касающихся имений Нарышкиных. В связи с этим были подготовлены копии документов, описывающих Верхоценскую волость в разные периоды XVII в. Книга выполнена скорописью конца XVII в. Указанные писцовые материалы появились в процессе описания земель Московского государства и связаны с переходом на подворное обложение. Однако не по всем уездам юга России сохранились такие материалы. Например, по Козловскому уезду такого описания не имеется, а по Тамбовскому уезду такие материалы есть. Книга, сохранившаяся в РГАДА, — это часть описания только дворцовой Верхоценской волости. Книга Санкт-Петербургского архива института истории, переданная в середине XIX в. тамбовским краеведом С. А. Березнеговским

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034; Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1; Архив СПбИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Ед. хр. 291.

из библиотеки Тамбовской духовной семинарии, представляет собой описание дворцовых и служилых сел Тамбовского уезда⁸.

Кроме рассмотренных основных источников, необходимо отметить и документы Тамбовской приказной избы — Переоброчные книги на бортные угодья в Верхоценской волости⁹. Переоброчные книги составлялись в период с 1663 по 1666 г. в связи с увеличением налога и необходимостью проведения новой переписи бортников, определением новой налоговой базы. Содержащиеся в них сведения часто имеют отсылочный характер на предыдущие переписи. Кроме того, они позволяют выявить динамику развития обложения Верхоценской волости, увидеть влияние массового колонизационного процесса.

Церковная колонизация бассейна Воронежа и Цны нашла свое отражение в документах и грамотах Коллегии экономии. Это не цельный комплекс источников, а отдельные грамоты по ведению бортных владений новыми местными монастырями, споры с мордовскими вотчинниками, обмен владениями. Однако в этих документах встречаются данные не только по экономическому использованию бортных угодьев, но и по составу населения новых монастырей¹⁰.

Источниками по истории заселения бассейна р. Вороны являются отдельные документы по помещному владению Д. М. Пожарского. История татарских нападений на междуречье Воронежа и Цны отражена в многочисленных донесениях царских воевод Шацка и Ряжска, а после строительства — и Козлова, и Тамбова, в которых они сообщали русскому правительству факты татарских нападений на южную границу России. В источниках описываются меры, принимаемые для их отражения, сюда же относятся сообщения бортников, приезжающих из своих угодий со сведениями о появлении в поле татар¹¹.

История строительства и заселения Тамбовского и Козловского уезда XVII в. нашла свое отражение в многочисленных актовых материалах. Это писцовые, переписные, дозорные книги уездов. Так, по территории Козловского уезда сохранились переписные книги за несколько лет. По Тамбовскому уезду есть переписная подворовая книга писца князя Василия Васильевича Кропоткина 1676–1678 гг.¹² Она связана с подворной переписью населения в ходе фискальной реформы царя Фёдора Алексеевича и переписана по просьбе боярина Льва Кирилловича Нарышкина, получившего ее в свою вотчину. Это отдельные книги старых и новых сел бывшей Верхоценской волости.

Сюда же можно отнести годовые сметные книги городов Белгородского полка, описывающие состояние городских укреплений. В каждом таком описании за соответствующий год представлена информация по г. Козлову: численность и профессиональный состав служилых людей.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют достаточно подробно осветить процессы, происходящие в Козловском и Тамбовском уездах в период их активного заселения и освоения.

ТИПОЛОГИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПО ФИСКАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Характеризуя состав пунктов в Тамбовском регионе на протяжении XVII в., стоит обратить внимание на то, что они условно относятся к одной из двух групп: хозяйственные и оборонительные. У каждой из этих групп изначально своя генеалогия, хотя, безусловно, с момента своего возникновения они начинают активно взаимодействовать друг с другом, к концу века сильно размывая эту границу.

Хозяйственные пункты возникают отчасти как результат стихийного освоения территории автохтонным населением, отчасти как результат полуправительственной колонизации пришлыми группами, опирающейся на сеть существующих населенных пунктов и путей сообщения. Освоение шло преимущественно по лесным участкам вдоль рек, к чему вынуждали основные типы хозяйственного производства мордовского населения — бортничество и охота. Появление русских землепашцев не сильно меняло эту тенденцию до начала XVIII в. — для распашки, как правило, хватало прибрежных участков, свободных от леса, а уход далеко от естественных укреплений «в поле» сопровождался

⁸ Алленова В. А., Мизис Ю. А. История Тамбовского краеведения (XIX–30-е гг. XX в.). Тамбов, 2002. С. 16.

⁹ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 12123, 12124, 12126, 12128, 12131, 12132.

¹¹ Книги Разрядные. СПб., 1890. Т. 1853; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Ед. хр. 12. Л. 1–52; оп. 6ж. Ед. хр. 87. Л. 210–212; Оп. 12. Ед. хр. 25. Л. 138–260.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034; Архив СПбИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Ед. хр. 291.

большим риском столкновения с кочевниками. К тому же пришлое русское население очень быстро освоило местные промыслы, что снижало потребность в обрабатываемой земле¹³.

Оборонительные пункты — результат административного дирижирования потоками ресурсов и населения. Их задача сводилась к обслуживанию системы укреплений, которая, в свою очередь, активно опиралась на естественные преграды (река, леса), но в силу местного ландшафта не могла быть ограничена исключительно ими. Вдоль речного берега или труднопроходимых эрозионных образований предпочитали использовать частокол или надолбы (воткнутые под углом колья, ошестившиеся в сторону противника острыми концами). В лесах сооружали засеки (стена поваленных деревьев, осложняющих или делающих невозможным проход конницы). На открытых степных участках вынуждены были делать высокие насыпные валы. Во всех случаях прочность линейной структуры укреплений во многом обеспечивалась вкраплениями точечных пунктов (острожков, городков и т. д.). В отличие от населенных, эти укрепленные пункты часто возникали в непригодных для широкой хозяйственной практики местах, слабо обеспеченных путями сообщения. В свою очередь, потребность в постоянном подвозе ресурсов и людей к этим местам провоцировала развитие путей и двигала волну хозяйственной колонизации в сторону укреплений¹⁴.

В конечном итоге многие оборонительные пункты позже возьмут на себя хозяйственные функции. Некоторая часть, напротив, окажется заброшенными и уже значительно позже, во второй половине XIX в., в период крестьянского малоземелья, их территории будут включены в хозяйственные угодья соседних населенных пунктов¹⁵.

В представленных в данном исследовании источниках содержится информация лишь о хозяйственных. Оборонительные пункты, в силу их специфики, обнаруживаются в другом типе источников и требуют отдельного изучения. Их система наименований часто носит иной, отличный от логики населенных пунктов, характер.

Для изучения процессов хозяйственного освоения Тамбовского края и составления карт населенных пунктов и путей сообщения, а также в силу содержания писцовых книг был определен перечень населенных пунктов, характерный для данной местности и актуальный поставленным хронологическим рамкам.

1. Город (или город-крепость). Административные, военные и хозяйственные центры колонизации южного фронта в XVII в. В нашем случае речь идет о двух городах: Козлов (год основания 1635-й) и Тамбов (год основания 1636-й). Установление их местоположения в XVIII в. не вызывает вопросов. Не беря в расчет большое количество источников, достаточно того, что они существуют до сих пор в том же статусе, их исторические центры хорошо изучены. Оба города были поставлены на новых, «необжитых» местах и стали катализатором освоения окрестных территорий.

2. Городок. Несмотря на свой в первую очередь оборонительный статус, отнесен в нашей классификации к хозяйственным пунктам в силу того, что городки являлись местом постоянного проживания служилых людей (с семьями), обеспечивающих оборону рубежей. В нашем случае речь идет о трех городках: Бельский, Челновой и Красный. Их локализация не вызывает сложностей, в силу небольшого количества и хорошей изученности.

3. Слобода. Место компактного проживания отдельных групп служилого населения (полковых казаков, стрельцов, пушкарей, драгунов и т. д.) в непосредственной близости от города. Локализация слободы не является проблемой в силу тех же причин, что характерны для городов и городков.

4. Монастырь. Место уединенного проживания на изначальном отдаленных от других населенных пунктов и путей сообщения территориях. К середине XVII в. быстро обрастают сетью соседних пунктов, в том числе являющихся собственностью монастыря. Несмотря на то, что для большинства направлений колонизации русского государства (особенно для Севера и Сибири) монастыри были одним из главных действующих лиц, в Тамбовском крае XVII в. монастырское землевладение

¹³ Моисеев Н. Б., Напольникова П. К. Лесостепное пограничье Почежья в начале XVII в. По историческим, археологическим и топонимическим данным. История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 84–96.

¹⁴ Папков А. И. Белгородская черта в контексте формирования государственной стратегии обороны южной окраины России. История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 46–58.

¹⁵ Канищев В. В., Цинцадзе Н. Экологический аспект крестьянской реформы 1861 г. (по материалам Тамбовской губернии) // История и современность. 2005. № 2. С. 64–79.

не имело большого размаха. К началу века их было три, и такое же количество сохранилось к концу изучаемого периода при условии взрывного роста населенных пунктов остальных типов¹⁶. Локализация монастырей не вызывает сложностей.

5. Село. Наиболее распространенный тип населенных пунктов, встречающихся в писцовых книгах XVII в. Вероятно, определение села через наличие в нем церкви (в отличие от деревни) во многом справедливо и по отношению к Тамбовскому краю, однако местная специфика несколько расширяет эту группу, причисляя к селам пункты, являвшиеся ранее частью крупного феодального хозяйства. Лучше всего это наблюдается на примере населенных пунктов, расположенных в среднем течении р. Цны. Значительная их часть в XVI в. была включена в хозяйский комплекс рязанских (а позже, возможно, и московских) князей, с центром в с. Княжево. Наличие церквей в них в то время не установлено. Локализация сел не является простой задачей¹⁷.

6. Деревня. Небольшой сельский населенный пункт. Существенных отличий от села, кроме тех моментов, что описаны выше, и, собственно, количества дворов, нет. Как и в случае с селами, локализация деревень — непростая задача.

ОБЗОР КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Под картографическими источниками в нашем случае понимаются источники, выражающие в графическом виде (посредством рисунка, чертежа или карты) пространственную и топонимическую информацию.

Для XVII в., как и для более ранних веков, изготовление в России карт в привычном понимании этого слова нехарактерно. Только после начала обучения молодых людей в навигацкой школе и за границей при Петре I появляются профессиональные геодезисты и картографы, применявшие при изготовлении карт математическую основу, проекцию, географические координаты и т. п. Допетровский способ графического изображения территории чаще сводился к так называемым чертежам — условному плану, иллюстрирующему расположение объектов относительно некоторых ориентиров или друг друга без соблюдения масштаба. Главными ориентирами в таких чертежах часто являлись пути — реки или дороги, а процесс «картографирования» представлял собой следование по этому пути с отметкой объектов, которые на нем встречаются¹⁸.

Иностранские карты XVI–XVII вв., изображающие территорию Русского государства, обзорные и содержат данные лишь о крупных пунктах, путях сообщения и объектах ландшафта. Прироста информации в вопросах изучения освоения южных территорий в XVII в. они не дают.

Что касается непосредственно нашего исследования, то наиболее ранние картографические источники, известные нам, созданы и, соответственно, изображают состояние местности спустя полтора века после изучаемых процессов. Этот момент представляет определенный вызов и позволяет развернуть практические и эпистемологические вопросы, что будут освещены ниже.

Приводим и характеризуем используемые источники в порядке возрастания точности.

1. Ландкарта местности вдоль рек Ворона, Цна, Ока, Савала Тамбовской волости и Верхоценской волости. Датируется первой половиной XVIII в. Масштаб: 2,5 версты в 1 сантиметре. Содержит населенные пункты уровня не ниже деревни (расположение и топонимика), главные пути сообщения и гидрографию. Имеет географическую сетку, но в силу большой погрешности привязка карты в ГИС осуществлялась через опорные точки — характерные объекты гидрографии и ландшафта.

2. Карты Тамбовского, Козловского и Моршанского уездов из Атласа Тамбовского наместничества 1787 г. Картой является условно, так как отсутствует информация о географических координатах. Заявленный масштаб: 8 верст в 1 дюйме (1:336 000) выдерживается с определенными погрешностями. Содержание карты сводится к населенным пунктам уровня не ниже деревни (относительное расположение, типология и топонимика), главным дорогам и гидрографии. Привязка карт в ГИС осуществлялась через опорные точки — известные населенные пункты и характерные особенности гидрографии. Итоговая точность привязки позволяет использовать этот источник лишь для масштаба не крупнее 1:1 000 000.

¹⁶ Дубасов И. И. О развитии населения в нашем крае в XVII и XVIII столетиях // ИТУАК. Тамбов, 1883. Вып. 35. С. 54.

¹⁷ Мизис Ю. А., Напольникова П. К. На южных рубежах Московского государства: монография в 3 кн. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 года). Тамбов, 2022. С. 37.

¹⁸ Багров Л. История русской картографии. М., 2021. С. 39–42.

3. Планы генерального межевания конца XVIII в. на Тамбовский, Лебедянский, Липецкий, Козловский и Моршанский уезды. Также не дают связи с географическими координатами, но обладают относительно хорошей точностью и подробным содержанием. Заявленный масштаб 1 верста в дюйме (1:42 000). Содержание — населенные пункты (расположение, морфология, типология, расширенная топонимика), дорожная сеть, гидрография (морфология и топонимика), овраги, болота и другие объекты эрозии, лесные массивы, луга, пашни. Географическая привязка в ГИС посредством опорных точек — известных населенных пунктов и характерных особенностей гидрографии. Точность позволяет извлекать информацию для масштаба не крупнее 1:500 000.

4. Специальная карта Западной части Российской империи издания 1832 г. (листы 31, 36, 37, 42). Данные для этой карты собирались на протяжении двух предшествующих десятилетий и отражают состояние местности на 1810-е — 1830-е гг. Географическая сетка. Масштаб — 10 верст в 1 дюйме (1:420 000). Содержится информация о населенных пунктах (расположение, типология, расширенная топонимика), сети основных дорог, административных границах до уездного уровня включительно, гидрографии (морфология, топонимика). Географическая привязка в ГИС осуществлялась по географической сетке источника (стандартная широты, долготы по Пулковскому меридиану). Итоговая точность после привязки — 1:1 000 000.

5. Топографический межевой атлас Менде (1860–1862 гг.). Лист по Тамбовской губернии. Масштаб — 1 верста в 1 дюйме (1:42 000). Содержание карты во многом идентично планам межевания конца XVIII в.: населенные пункты (расположение, морфология, типология, расширенная топонимика), дорожная сеть, гидрография (морфология и топонимика), овраги, болота и другие объекты эрозии, лесные массивы, луга, пашни. Географическая привязка в ГИС посредством опорных точек — известных населенных пунктов и характерных особенностей гидрографии. Несмотря на меньший масштаб по сравнению с планами конца XVIII в., качество проведенных геодезических работ, а также сохранность самого источника (меньше деформаций бумаги) позволяют с уверенностью использовать атлас Менде для масштаба не крупнее 1:500 000.

6. Специальная карта Европейской России 1870-х гг. (карта Стрельбицкого; листы 59, 73, 74). Масштаб аналогичен предыдущей специальной карте — 10 верст в 1 дюйме (1:420 000). Содержание: населенные пункты (расположение, морфология, типология, топонимика), сети основных дорог, административные границы до уездного уровня включительно, гидрография (морфология, топонимика). Географическая привязка посредством сетки (стандартная широты, долготы по Пулковскому меридиану). Высокая точность карты позволяет смело использовать ее в заявленном оригинальном масштабе. Таким образом, она по факту является самым крупномасштабным источником в нашем распоряжении. Несмотря на то, что карта Стрельбицкого описывает местность спустя два столетия после изучаемого момента, именно ей определена одна из главных ролей в установлении наиболее точного расположения искомых пунктов. На источниках более раннего времени происходит поиск нужных объектов, определяется их взаимное расположение и позиция относительно постоянных ориентиров (сторона берега, слияние рек и т. п.), а потом данные объекты и отношения локализуются в пространстве карты Стрельбицкого. Полученные координаты считаются окончательными.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСХОДНОГО МАССИВА

Всего в писцовых книгах первой половины XVII в. на территории Тамбовского края в общей сложности фигурирует 152 населенных пункта. Их типологию иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 1

Типология населенных пунктов в исходном массиве

Тип	Количество (шт.)	Доля (%)
городок	3	2
слобода	14	9
село	99	65
деревня	36	24
Всего	152	100

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство позиций занимают села — 65 %. Вместе с деревнями они составляют группу сельских населенных пунктов и занимают 91 % списка. Относительно большой доли сел уже было сказано ранее — к классическому определению села через наличие церкви тут добавлялась и местная специфика, связанная с присутствием в XVI в. крупного комплекса вотчинного княжеского хозяйства. Также можно допустить различные сценарии, по которым мелкие сельские населенные пункты (деревни, хутора, выселки и т. п.), в действительности разбросанные по доступному пространству, могли избегать поля зрения лиц, проводивших описи. Несмотря на то, что это предположение выглядит малообоснованным, стоит, однако, заметить, что наличие прихода в населенном пункте делает практически невозможным его невидимость для местной администрации. Все деревни, локализованные потоковым способом, располагались в непосредственной близости от сел, то есть на хорошо освоенных и заселенных участках. Деревни, расположенные на значительном отдалении от кластеров, не встречались, хотя допустить наличие таких деревень стоит.

Следующий неочевидный момент — совсем небольшое количество специфических пунктов оборонительного характера. На территории Тамбовского края, а точнее, на 22 тысячах квадратных километрах территории будущих Моршанского, Тамбовского и Козловского уездов, имевших в XVII в. в первую очередь оборонительное значение, насчитывается всего три городка. Однако если учесть, что в такой категории речь идет исключительно о местах постоянного проживания служилых людей с семьями и хозяйством, то становится ясным, что функции городков также выполняли непосредственно города (Тамбов и Козлов) со своими слободами и множество сел. Небольшое количество городков говорит о том, что на всем протяжении оборонительных линий была достаточная плотность других населенных пунктов, исключавших необходимость строительства крупного укрепленного лагеря.

Доля слобод в 9 % при условии всего двух городов является следствием специфического служилого состава населения края. Также есть случаи расположения слобод на достаточном расстоянии от города, хотя в целом такая тенденция не характерна.

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЛОКАЛИЗОВАННОГО МАССИВА

Методом потоковой локализации не удалось установить расположение 33 объектов, что составляет долю 22 %. Типология этой группы приведена в следующей таблице.

Таблица 2

Нелокализованный массив по типам населенных пунктов

Тип	Количество (шт.)	Доля (%)
городок	1	3
слобода	2	6
село	14	41
деревня	17	50
Всего	34	100

Присутствие в группе двух слобод и одного городка несколько противоречит сказанному выше, что локализация этих типов не представляет собой большой сложности из-за хорошей изученности. Однако в данном случае для чистоты эксперимента сознательно игнорируется вся внешняя информация, то есть те данные, которые лежат за пределами очерченного круга источников.

Специфика расположения городка заключается в том, что при выборе места строительства соображения оборонительного характера могли иметь приоритет над хозяйственным потенциалом окружающего ландшафта. Так, часть городков Белгородской черты в действительности не развились в полноценные населенные пункты после утери чертой оборонительного значения и в дальнейшем оказались заброшены. Оборонительные функции укреплений северной части Белгородской черты,

проходивших по территориям Тамбовского и Козловского уездов, перестали быть актуальными после Чигиринских походов 1674–1678 гг. Это обстоятельство и привело к тому, что Красный городок не обнаруживается на картографических источниках второй половины XVIII в. Реализуется сценарий С (исчезновение объекта).

Исчезновение двух слобод вызвано ростом и перестройкой территорий городов Тамбова и Козлова, принявшей особенно большие масштабы во времена Екатерины II.

Доля деревень в нелокализованной группе значительно превышает долю деревень исходного массива и составляет половину от всех объектов, которые не удастся обнаружить на картах XVIII–XIX вв. Диспропорция хорошо видна на диаграмме (см. цв. вклейку, рис. 1). Деревня является единственным типом населенного пункта, доля которого в исходном и конечном массиве различается существенно.

Здесь можно предположить первую корреляцию. Успешность потоковой локализации зависит от типа населенного пункта. Деревни сложнее выявить на поздних картографических источниках, они больше подвержены априорным сценариям, наиболее вероятным из которых является потеря топонима в результате утраты субъектности или полное исчезновение самого объекта.

Попробуем развернуть рассуждения и предположить, что на успех локализации влияет размер населенного пункта. В данном случае придется совершить дополнительные вычисления над исходным массивом. Дело в том, что в писцовых и переписных книгах по Тамбовскому краю XVII в. существуют четыре формата характеристики размера населенного пункта:

- 1) указывается количество жителей двора;
- 2) указывается количество дворов;
- 3) указывается количество жителей двора и количество дворов;
- 4) не указывается ничего, что характеризует размер пункта.

Для дальнейших вычислений необходимо перевести все форматы (за исключением последнего — «нет данных») к единому типу. В историографии устоялось представление сильной корреляционной связи между показателями количества душ и показателями количества населения. Наиболее часто используется показатель, установленный Я. Е. Водарским: размер крестьянского двора в Центральной России в XVI–XVII вв. в среднем составлял пять-шесть человек¹⁹. Многочисленные исследования подтверждают корректность этой зависимости, однако у нас есть возможность установить более точные показатели, характерные непосредственно для Тамбовского края первой половины XVII в., и с учетом типологии населенных пунктов, проанализировав записи, относящиеся к третьему формату (указано и количество душ, и количество дворов). Отношение количества душ мужского пола к количеству дворов приведены в таблице.

Таблица 3

Отношение количества душ мужского пола к количеству дворов в населенных пунктах, с обоими показателями в разрезе типа населенного пункта

Тип	Кол-во наблюдений	Жит./двор
городок	2	2,4
слобода	14	3
село	75	3,3
деревня	16	3,6
Всего	107	3,3

Округленное значение по всем типам — 3,3 души на двор — снова подтверждает корректность расчетов Я. Е. Водарского (если допустить, что в таких небольших группах число мужчин примерно равно числу женщин, и, соответственно, 3,3 увеличить в два раза), однако теперь

¹⁹ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 93.

мы можем еще увидеть среднюю плотность двора в каждом отдельном типе населенного пункта и использовать эти соотношения для реконструкции показателя количества душ мужского пола в тех пунктах, где известно лишь количество дворов.

Анализ самих показателей плотности двора также представляет интерес. Наглядно показано — наименее плотный двор наблюдается в городках, что напрямую связано со спецификой образа жизни местного населения, уделявшего значительную часть своего времени военной службе. У остальных типов наблюдается следующая градация: по мере отдаления от города (в бытовом, а не пространственном плане) возрастает плотность двора. Наименее плотный двор наблюдается в урбанизированных слободах, а наиболее плотный — в деревнях. Зависимость вполне ожидаемая и объяснимая — чем сложнее условия жизни, тем выше ценность коллективных действий.

Не менее интересная зависимость наблюдается при распределении показателя плотности двора в географическом пространстве. Для лучшей репрезентативности возьмем наиболее обеспеченную наблюдениями группу — села (см. цв. вклейку, рис. 2).

На карте различается три кластера сел в долинах разных рек: Пара, Цна, Лесной Воронеж/Воронеж. Интерес представляет Цнинский кластер. Во-первых, только в нем представлена группа сел с наименьшим показателем плотности. Во-вторых, только в Цнинском кластере (за исключением сел у его притока — Челновой) нет сел, относящихся к группе с наивысшей плотностью двора.

У этой корреляции есть конкретно-историческое объяснение. Именно вдоль Цны располагались первые населенные пункты Тамбовского края. Значительная их часть была основана мордовским населением, а со второй половины XVI в. в них стало появляться и русское пришлое население. Эти смешанные села изначально располагались на правом (лесном) берегу, что было обусловлено как хозяйственной спецификой мордвы, так и лучшей защищенностью лесного берега по сравнению с преимущественно степным правым. Однако с начала формирования комплекса укреплений в Тамбовском крае в первой половине XVII в. прилагаются административные усилия по переселению правобережных сел на левый для лучшего контроля и более эффективного привлечения местного населения к сооружению и охране оборонительных рубежей. Процесс переселения в силу объективных причин (в первую очередь — из-за пассивного сопротивления населения) был растянут на несколько десятилетий. Вероятно, часть сел Цнинского кластера попала на страницы писцовых книг в своем неполном составе.

Эти наблюдения подтверждают, что рассчитанные соотношения представляют эвристический потенциал и формируют распределения, находящие достоверные объяснения.

Отталкиваясь от этого заключения и применяя предложенные соотношения, реконструируем показатели количества душ мужского пола для населенных пунктов, по которым известно лишь количество дворов. Извлечем из исходного массива показатели количества душ для тех населенных пунктов, которые не поддаются потоковой локализации. Результаты приведены в таблице.

Таблица 4

Распределение количества душ мужского пола по типам населенных пунктов для всего исходного массива и для нелокализованного массива в отдельности

Тип	Весь массив		Нелокализованные н. п.	
	Жит. в среднем	n	Жит. в среднем	n
городок	557	3	689	1
слобода	238	14	393	2
село	249	96	188	16
деревня	101	34	76	16
Всего	220	147	158	32

Для нелокализованных городка и слобод характерен большой размер по количеству населения, чем для этих типов в целом. Напротив, нелокализованные села и деревни несколько мельче

средних показателей. Такая разновекторность находит объяснение. Как было сказано ранее, расположение городка часто определяется оборонительными соображениями. Логично допустить, что наиболее крупный городок должен располагаться в местах наибольшей удаленности от альтернативных пунктов проживания служилого населения (городов, слобод и сел). Удаленность вынуждала больше рассчитывать на свои силы, что и провоцировало административные усилия по привлечению туда населения. Напротив, городки, расположенные относительно близко к другим пунктам, могли позволить себе быть меньше. Дальность от остальных населенных пунктов может быть следствием не очень подходящих условий для широкой хозяйственной деятельности, и, следовательно, велика вероятность того, что при потере этим городком стратегического смысла он со временем опустеет.

Большая населенность слобод может быть как прямым следствием близости к городу, так и причиной их скорого включения в состав непосредственно городской территории.

В случае с селами и деревнями ситуация обратная. Крупные села имеют больше шансов сохранить свою субъектность и свой топоним при срастании с соседним селом. Крупные деревни имеют больше шансов перерасти в село и меньше шансов прекратить свое существование.

Таким образом, можно выделить вторую корреляцию. Для городков и слобод XVII в. шанс быть обнаруженными на картографических источниках более позднего времени обратно пропорционален количеству их населения. Для сел и деревень такой шанс прямо пропорционален количеству населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение проверим, насколько априорные сценарии исчезновения топонимов с карт соответствуют реальным данным.

Возьмем 10 населенных пунктов, которые не удалось обнаружить потоковым образом, но расположение (или отсутствие) которых на картах XVIII–XIX вв. было определено экспертным путем. Их судьба в конце XVII–XVIII вв. и сопоставление с априорными сценариями приведены в таблице 5.

Таблица 5

Населенные пункты, локализованные экспертным путем; сопоставление со сценарием

Название	Тип	Причина невидимости	Сценарий
Романова	д	Полностью вошла в состав с. Пеньки	Ва
Луговая	д	Полностью вошла в состав с. Алкуженские Борки	Ва
Керша	д	Полностью вошла в состав с. Лёвино	Ва
Серкино	с	Полностью вошла в состав с. Кулеватово	Ва
Нововихляйка	с	Стало с. Чекмари	Вс
Княжая	д	Заброшено	С
Хоботенка	с	Стало с. Хоботец-Васильевское	А
Малой Хоботец	с	Стало с. Хоботец	А
Оловай	с	Стало с. Иловай-Рождественское	А
Белоозеро	с	Стало с. Дубовое	Вс

Как видно, данная выборка подтверждает почти все априорные сценарии, за исключением сценария Vb — утрата топонима в результате изменения владетельного статуса. Однако этот недостающий сценарий был подкреплен конкретными примерами еще на уровне его предположения, но пример лежит за пределами хронологических рамок. Наличие картографических источников с расширенной топонимикой, приводящих несколько вариантов названий, облегчает обнаружение таких населенных пунктов.

В целом на примере данного опыта можно констатировать, что потоковая локализация является действенным инструментом первого этапа анализа массива населенных пунктов, содержащегося в текстовых источниках XVII в. Наличие информации о типах населенных пунктов и/или их размере позволяет составить предварительную классификацию по группам риска.

Незаметность некоторых населенных пунктов XVII в. в картографических источниках XVIII в. обусловлена тремя сценариями, лишь один из которых связан с непосредственным исчезновением объекта. Процессы экстенсивного и интенсивного развития поселенческой сети и хозяйства создают не меньше проблем для обнаружения следов искомых пунктов.

References

Allenova V. A., Mizis Yu. A. *Istoriya Tambovskogo krayevedeniya (XIX — 30-ye gg. XX v.)* [History of Tambov Local History (19th — 30s of the 20th century)]. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina Publ., 2002. (In Russian).

Bagrov L. *Istoriya russkoy kartografii* [History of Russian Cartography]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2021. (In Russian).

Chermensky P. N. *Proshloye Tambovskogo kraya* [The Past of the Tambov Region]. Tambov: Tamb. kn. izd-vo Publ., 1961. (In Russian).

Frolov A. A. [Geoinformation System “Geographic Drawings of the Moscow of XVI–XVII Centuries”]. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* [Historical Information Science. Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education], 2015, no. 1–2 (11–12), pp. 50–58. (In Russian).

Frolov A. A. [Russian Drawings of the Zamoskovsky Region of the 17th Century: Features of the Source Base of the Geographic Information System]. *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy (100-letiyе zaversheniya izdaniya tomov serii “Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva”): materialy V Mezhdunar. konf. po istoricheskoy geografiyе* [Historical Geography of Russia: Retrospective and Modernity of Comprehensive Regional Studies (100th Anniversary of the Completion of the Publication of Volumes of the Series “Russia. Complete Geographical Description of Our Fatherland”): Materials of the 5th International Conf. On Historical Geography]. Saint Petersburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A. S. Pushkina Publ., 2015, part 1, pp. 119–123. (In Russian).

Frolov A. A. [Territorial-Administrative System Rural Territories of the Novgorod Land in X–XVII Centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Herald of Tver State University. Series: History], 2009, no. 1, pp. 79–89. (In Russian).

Frolov A. A., Golubinski A. A., Kutakov S. S. [Experience of Mapping of Geographical Drawings of Russian State XVI–XVII Centuries]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia. Middle Ages and Modern Times], 2015, no. 4, pp. 379–385. (In Russian).

Frolov A. A., Piotukh N. V. [Historical Atlas of Derevskaya Pyatina Based On Scribal Writing Books of 1495–1496]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 2006, no. 3 (44), pp. 50–60. (In Russian).

Kanishchev V. V., Konchakov R. B., Kostovska S. K. [Spatial Modeling of Ecological Processes in the History]. *Fractal Simulation*, 2011, no. 1, pp. 15–20. (In Russian).

Kanishchev V. V., Tsintsadze N. [Ecological Aspect of the 1861 Peasant Reform (Based on the Materials of the Tambov Province)]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity], 2005, no. 2, pp. 64–79. (In Russian).

Mizis Yu. A., Napolnikova P. K. *Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva: monografiya v 3 kn.* [On The Southern Borders of the Moscow State: A Monograph in 3 Books]. Tambov: Izdatel'skiy Dom “Derzhavinskiy” Publ., 2022, Book 1: History of Settlement and Development of the Tambov and Kozlovsky Districts of the 16th–17th Centuries (Until 1635). (In Russian).

Moiseev N. B., Napolnikova P. K. [Forest Steppe Boundary of Tsna Region at the Beginning of the XVII Century on Historical, Archeological and Toponymic Data]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History Facts and Symbols], 2021, no. 2 (27), pp. 84–96. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-27-2-84-96 (In Russian).

Papkov A. I. [Belgorod Defense Line in the Context of Forming the State Defense Strategy of the Southern Edge of Russia]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History Facts and Symbols], 2020, no. 2 (23), pp. 46–58. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-46-58 (In Russian).

Piotukh N. V. [GIS and Agricultural Landscape of the Late 15th Century]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [News Bulletin of the History and Computer Association]. Moscow; Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta Publ., 2006, no. 34, pp. 98. (In Russian).

Piotukh N. V., Frolov A. A. [Settlements of Derevskaia Pyatina in the XV Late Century]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 2003, no. 4 (33), pp. 30–40. (In Russian).

Selin A. A. *Istoricheskaya geografiya Novgorodskoy zemli v XVI–XVII vv. Novgorodskiy i Ladozhskiy uyezdy Vodskoy pyatiny* [Historical Geography of the Novgorod Land in the 16th–17th Centuries. Novgorod and Ladoga Districts of the Vodskaya Pyatina]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. (In Russian).

Vitov M. V. [Northern Russian Toponymy (Towards the Formulation of Toponymic Source Studies)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1967, no. 4, pp. 74–90. (In Russian).

Vitov M. V. [Techniques for compiling Maps of the 15th–17th Centuries Settlements According to Cadastral and Census Books]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Source Study]. Moscow: AN SSSR Publ., 1956, iss. 5, pp. 231–264. (In Russian).

Vitov M. V. *Istoriko-geograficheskiye ocherki Zaonezh'ya XVI–XVII vv.: Iz istorii sel'skikh poseleniy* [Historical and Geographical Essays of Zaonezhye in the 16th–17th Centuries: From the History of Rural Settlements]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1962. (In Russian).

Vitov M. V., Vlasova I. V. *Geografiya sel'skogo rasseleniya Zapadnogo Primor'ya v XVI–XVIII vv.* [Geography of Rural Settlement of Western Primorye in the 16th–18th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1974. (In Russian).

Vodarsky Ya. E. *Naseleniye Rossii v kontse XVII — nachale XVIII v.* [The Population of Russia at the End of the 17th — Beginning of the 18th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russian).

РЕГИОНАЛИСТИКА

УДК 94(47)«18/19»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-38-57

Диденко Дмитрий Валерьевич

д.э.н., к.и.н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной и экономической истории России РАНХиГС (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0001-5295-2538

E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Гришин Евгений Сергеевич

старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Оценка влияния факторов природных условий на накопление человеческого капитала в восточных регионах Российской империи конца XIX — начала XX вв.*

АННОТАЦИЯ. В статье представлена методика количественного анализа влияния природно-географической среды на накопление человеческого капитала и ее апробирование на данных по азиатской части Российской империи конца XIX — начала XX в. Территориальной единицей анализа выступают уезды и округа как совокупность городских и сельских поселений, как внутренняя единица более крупных административных образований, губерний и областей. Проведенный регрессионный анализ показал, что географические факторы статистически значимо связаны с формированием человеческого капитала на территории восточной части поздней Российской империи. Работа велась с опорой на широкий круг статистических и картографических источников, включая данные переписи населения 1897 г., справочные карты атласа 1914 г., климатические атласы Российской империи и другие. Показаны значимость и количественные оценки различных факторов (климат, природные ресурсы, доля городского населения и другие) накопления человеческого капитала в зависимости от выборки. В статье подробно показан ход работы и ее методика, включая выявление значимых факторов диспаритета грамотности в разрезе «город/село» и «мужское/женское население». Исходные данные и результаты регрессионных анализов приведены в соответствующих таблицах. Обработанный массив данных был представлен в виде набора картографических материалов. Так, для исходных данных были подготовлены тематические карты, в частности по природным ресурсам и климату; статистические результаты по диспаритету получили отображение в виде картограмм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человеческий капитал, Азиатская Россия, природные условия

*Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ФГБОУ ВО РАНХиГС № 10.20-2023-2 «Факторы социально-экономического развития регионов Российской империи в XIX – начале XX вв.»

REGIONAL STUDIES

UDC 94(47)«18/19»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-38-57

Dmitry V. Didenko

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0001-5295-2538

E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Evgeniy S. Grishin

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Assessment of the Influence of Natural Conditions on the Accumulation of Human Capital in the Eastern Regions of the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Century

ABSTRACT. The article presents a methodology for quantitative analysis of the influence of the natural-geographical environment on the accumulation of human capital and its testing on the data from the Asian part of the Russian Empire in the late 19th — early 20th centuries. The territorial unit of analysis is an uезд or district as a set of urban and rural settlements, an internal part of larger administrative entities, namely provinces and regions. The regression analysis showed that geographical factors are statistically significantly associated with the formation of human capital in the territory of the Eastern part of late imperial Russia. The research work was carried out based on a wide range of statistical and cartographic sources, including data from the 1897 census, reference maps of the 1914 atlas, climatic atlases of the Russian Empire and others. The significance and quantitative estimates of various factors (climate, natural resources, share of the urban population, and others) of human capital accumulation depending on the sample are presented. The article shows in detail the progress of the work and its methodology, including the identification of significant factors of literacy disparity in the context of “urban/rural” and “male/female” population». Input data and results of regression analysis are provided in the corresponding tables. The processed data set was presented as a composition of cartographic materials. Thus, topical maps were prepared for the source data, in particular on natural resources and climate; statistical results on disparity were displayed in the form of cartograms.

KEYWORDS: human capital, Asian Russia, natural environment

Теория человеческого капитала была сформулирована в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Т. Шульцем, Г. Беккером, Дж. Минцером^{1, 2, 3}. Ее ключевая мысль заключается в том, что расходы на интеллектуальное развитие человека (в первую очередь образование) имеют характер производственных инвестиций. Накопление человеческого капитала, аналогично физическому, рассматривается как одна из важнейших детерминант экономического развития. В свою очередь, положительные внешние эффекты соответствующих затрат воздействуют на многие сферы человеческого общества, стимулируя процессы его модернизации.

В отличие от Европейской России, в Сибири и особенно на Дальнем Востоке в рассматриваемое историческое время модернизационные процессы носили характер колонизационного освоения фронта (открытой границы). Они сопровождались разновекторной диффузией традиционного и «модерного» типов социально-экономического поведения в условиях притока мигрантов, межэтнических взаимодействий, а также модернизационного трансфера технологий и институтов. В силу этого фронтальность создавала предпосылки для еще более неравномерного протекания процессов модернизации, чем в центральных регионах страны⁴.

В макроэкономическом ракурсе проблематика человеческого капитала изучалась в научной литературе преимущественно на уровне национальной экономики отдельных зарубежных стран. С начала 1990-х гг. усилился интерес к региональным исследованиям в сфере экономического роста, стимулируемый накоплением соответствующих количественных данных и разработкой методов их анализа. Применение теории человеческого капитала к историческим исследованиям с использованием количественных методов были обобщены в отдельных работах⁵.

Анализ тенденций исследований за последние 20–30 лет, посвященных роли природной среды в накоплении человеческого капитала, позволяет выделить две основные линии воздействия: прямое и опосредованное. Первые^{6, 7, 8} утверждают, что природно-географические факторы непосредственно воздействуют на производительность и экономический рост и часто более значимы, чем институты. При этом характер влияния географических условий не остается неизменным: ряд аспектов, которые были актуальны в доиндустриальную эпоху, снижают значимость и замещаются другими. Вторые^{9, 10, 11, 12} аргументируют, что природные условия значительно способствуют формированию институтов и политик, благоприятствующих или препятствующих накоплению человеческого капитала, как источника экономического роста.

Авторами была разработана методика количественного анализа влияния природно-географической среды на накопление человеческого капитала, которую апробировали на исторических данных по Европейской части России и провели соответствующую картографическую визуализацию.

¹ Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 49–155.

² Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // The Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. № 4. P. 281–302.

³ Schultz T.W. The Economic Value of Education. N.Y.: Columbia University Press, 1963.

⁴ Побережников И. В. Фронтальная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 74.

⁵ Goldin C. Human Capital. Handbook of Cliometrics. Berlin; Heidelberg, 2016. Pp. 55–86.

⁶ Gallup J. L., Sachs J. D., Mellinger A. D. Geography and economic development // International Regional Science Review. 1999. Vol. 22, no. 2, pp. 179–232.

⁷ Sachs J. D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income. NBER Working Paper 9490. February, 2003.

⁸ Sachs J. D., Warner A. M. The big push, natural resource booms and growth // Journal of Development Economics. 1999. Vol. 59. iss. 1. P. 43–76.

⁹ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // The American Economic Review. 2001. Vol. 91. № 5. P. 1369–1401.

¹⁰ Easterly W., Levine R. Tropics, germs, and crops: the role of endowments in economic development // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50, no. 1, pp. 3–39.

¹¹ Easterly W. Inequality does cause underdevelopment: insights from a new instrument. Journal of Development Economics, 2007, vol. 84, iss. 2, pp. 755–776.

¹² Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 2. № 9. P. 131–165.

В этой статье мы продолжаем работу над проблемой влияния природно-географической среды¹³ на переход к «современному экономическому росту» (в понимании С. Кузнеца, в России хронологически относится к 1880-м гг.^{14, 15}) на материале восточных регионов страны.

Человеческий капитал, как обладающий ценностью экономический ресурс, в идеале должен соизмеряться с другими аналогичными ресурсами (физический капитал, объем выпуска, промежуточного потребления, добавленной стоимости) с помощью монетарных единиц измерения. С этой позиции грамотность характеризует человеческий капитал не напрямую, а опосредованно. Однако для хронологически отдаленных периодов, за которые отсутствуют достоверные стоимостные показатели человеческого капитала, грамотность широко используется в литературе как его косвенный показатель (прокси-индикатор), обладающий достаточной достоверностью.

Как и в отношении европейской части России, источником данных о грамотности были определены материалы Первой всеобщей переписи населения: численность наличного населения и грамотных в гендерном разрезе («мужчины / женщины») и по типу поселения («город / село»)¹⁶. Грамотность понималась как способность читать на родном языке.

Опубликованные по отдельным губерниям и областям (далее — регионы) данные Всеобщей переписи 1897 г. указывали численность наличного мужского и женского населения по уездам / округам (далее — районы, которые выступали единицами анализа), отдельно по находящимся на его территории городам и на его территории без городов (то есть в сельской местности), и количество грамотных в каждой из указанных категорий.

Соответствующие данные заимствовались из таблицы IIIб. «Распределение населения по полу, возрасту (по годам) и грамотности», если региону соответствует 1 книга. Если региону соответствуют две или более книги («тетради»), данные заимствовались из табл. IV первой тетради с тем же названием (наличное население).

В данном случае мы вычисляли процент грамотных по наиболее показательным с точки зрения уровня человеческого капитала возрастным когортам (20–29 лет и 40–49 лет, см. *цв. вклейку, рис. 3*)¹⁷. Когорта 20–29 лет представляет собой наиболее молодую часть экономически активного населения, в рассматриваемый период получившую навыки элементарной грамотности в условиях расширения образовательного пространства после отмены крепостного права и проведения «великих реформ» 1860-х — 1870-х гг.; в то время как когорта 40–49 лет — достаточно зрелую категорию экономически активного населения, с опытом работы, но в значительной части получавшую основное образование до земских образовательных реформ и до запуска процессов перехода к «современному экономическому росту». При этом средний уровень грамотности указанных когорт в восточных регионах России был почти в два раза ниже, чем в европейских (17,01 % против 30,52 %).

Уровень грамотности анализировался отдельно для городской и сельской местности и отдельно для мужского и женского населения. Это позволило вычислить два показателя, характеризующих *внутритерриториальное неравенство* в уровне накопленного человеческого капитала. Поселенческий диспаритет вычислялся как отношение доли грамотных в городах (см. *цв. вклейку, рис. 4*) к доле грамотных в сельской местности. Гендерный диспаритет вычислялся как отношение доли грамотного мужского населения к доле грамотного женского населения. Оба диспаритета характеризуются более высоким уровнем в восточных районах России по сравнению с европейскими. Поселенческий диспаритет в среднем по восточным районам составил 5,3 против 2,3 по европейским, гендерный — соответственно 4,4 против 3,9. Оба диспаритета имеют картографические отображения см. *цв. вклейку, рис. 5 и рис. 6*.

¹³ Диденко Д. В., Гришин Е. С. Природно-географическая среда как фактор накопления человеческого капитала в Европейской России (конец XIX в.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7. № 2. С. 381–436.

¹⁴ Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966. P. 63–69.

¹⁵ Грегори П. *Экономический рост Российской империи (конец XIX в. — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки*. М., 2003. С. 23–25; 61–63.

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 72–80. СПб., 1898–1905.

¹⁷ Соответствующие данные предоставлены в формате электронных таблиц магистрантами РАНХиГС Г. А. Гряниковой по Тобольской губернии, Амурской, Забайкальской, Приморской областям и Д. А. Пасынковой по Енисейской, Томской губерниям, Якутской области, острову Сахалин. Авторы выражают им свою благодарность.

Среди характеристик природной среды ряд физико-географических и климатических показателей ранее использовался и при анализе соответствующих процессов в европейской части России: площадь территории, географические координаты (долгота, широта), результаты изменений температуры и осадков.

Для восточных регионов Российской империи анализ имел определенные модификации как в источниковедческом (с точки зрения доступности аналогичной и дополнительной информации в соответствующих источниках), так и методическом аспектах (не все переменные были одинаково релевантны в европейской и азиатской частях страны, некоторые измерялись несколько по-другому). Остановимся подробнее на этих особенностях.

В первую очередь следует отметить небольшое количество объектов анализа ($n=52$). Это примерно соответствует «малой» выборке в европейской части страны.

Для извлечения информации использовались другие картографические источники. В первую очередь это Атлас Азиатской России, выпущенный Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в 1914 г.¹⁸

Картометрические показатели — координаты центроидов, площади уездов и округов — определялись программными средствами ГИС-редактора, в котором была отстроена цифровая модель административно-территориального деления азиатской части Российской империи. В качестве источников цифровой модели привлекались «Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями»¹⁹, составленная Военно-топографическим отделом Главного штаба в 1884 г., и «Военно-дорожная карта Азиатской России», составленная Картографическим отделением Военно-топографического Управления Главного штаба в 1895 г.²⁰

Сведения о среднесезонных температурах за январь и июль формировались по результатам наблюдений на метеорологических станциях, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке. Результаты этих наблюдений документированы и картографированы на Климатической карте Азиатской России²¹. Соответствующие извлеченные данные интерполировались в ГИС по изотермам (см. цв. вклейку, рис. 7). Имеющиеся сведения о температурах в отдельных уездах / округах в середине зимы и лета позволяют вычислить условную среднесезонную температуру и межсезонный интервал температур.

Количество станций для измерения осадков в восточной части Российской империи было значительно меньше. Объем атмосферных осадков измерялся устаревшими к настоящему времени приборами (дождемерами), но в соответствии с преобладающим в настоящее время стандартом (в миллиметрах). Ошибка измерения оценивается в 1,5–2 %. Эти данные интерполировались в ГИС для отдельных уездов и округов (см. цв. вклейку, рис. 7).

Вместо отдельных физико-географических показателей (геоморфологическая характеристика положения относительно водных путей, характер географического положения относительно водных путей, уровень плотности водных потоков и флювиальных форм рельефа) для извлечения из доступных источников²² были определены следующие категории физико-географической области:

- Алтайско-Саянская система;
- Западносибирская низменность;
- Первичное поднятие Азии;
- Периферические области Восточной Сибири;
- Среднесибирское плоскогорье.

Показатели средних высот округов и уездов были установлены по цифровой модели рельефа с наложением полигонов административно-территориального деления.

¹⁸ Атлас Азиатской России. СПб., 1914.

¹⁹ Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями 1884 года. Военно-топографический отдел Генерального штаба, 1884.

²⁰ Военно-топографическая карта России. Военно-топографический отдел Главного штаба. Литография топографического отдела, 1895.

²¹ Атлас Азиатской России, 1914. Дополнительные материалы, № 20.

²² Атлас Азиатской России, 1914. Дополнительные материалы, № 18.

В отличие от Европейской России, в отношении восточных регионов в анализ были включены сведения о более многочисленных ископаемых природных ресурсах, находившихся в состоянии промышленной разработки (см. цв. вклейку, рис. 8). Они включали в себя следующие виды пород: твердое топливо (каменный уголь), сырье для черных (железо), промышленных цветных (свинец, медь, цинк, алюминий), драгоценные (золото, серебро) металлы и драгоценные камни. Природные ресурсы были актуализированы по данным Карты полезных ископаемых Азиатской России²³. Обращает на себя отсутствие углеводородов (нефти и газа). При регрессионном анализе мы операционализировали наделенность полезными ископаемыми количественной переменной (число доступных видов пород) и структурной переменной (наличие или отсутствие запасов золота, разработка которых имела особенно важное значение в условиях золотого стандарта денежной системы).

Для характеристики почв восточных регионов России наиболее важное значение имеет наличие и продолжительность обледенения, прежде всего вечной мерзлоты. Данные из Климатической карты²⁴ позволяют представить ее как количество дней в году с ледяным покровом. В связи с небольшим количеством объектов анализа сведения о преобладающем типе почв не включались в регрессионный анализ, но использовались для углубленного описания и картографической визуализации связей, не обладающих статистической значимостью. Среди преобладающих в восточных регионах типов почв²⁵ выделены следующие:

- каштановые почвы;
- подзолистая почва с обилием болотных почв;
- подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв;
- подзолистые почвы на мягких наносах;
- подзолистые почвы на преобладающих твердых породах;
- северная часть подзолистой зоны;
- тундровая зона;
- чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы.

По сравнению с Европейской Россией, по ее восточной части в гораздо меньшей степени оказались доступны сведения по экономико-географическим показателям. Так, недоступными оказались чистый сбор зерновых на душу населения (который характеризует отраслевую специализацию местной экономики).

Мы не стали включать в число факторов накопления человеческого капитала в восточных регионах России показатель развитости железнодорожной инфраструктуры, вследствие более сильно выраженной (по сравнению с европейской частью) эндогенности. В регионах фронтальной модернизации, с сильно выраженными входящими миграционными потоками, строительство железных дорог определялось наличием природных ресурсов, геополитическими (военными) соображениями. Соответственно, обратные связи (влияние достигнутого уровня грамотности населения на строительство линий) было выше. Кроме того, уезды без станций могли обслуживаться географически близкими станциями в соседних уездах.

В Сибири и на Дальнем Востоке для ряда колонизируемых районов (в местах, где велась добыча полезных ископаемых, наблюдалась концентрация войск, заключенных и ссыльных) характерен сильный дисбаланс гендерной структуры со смещением в сторону мужского населения, доля которого в отдельных случаях была близка или превышала 80 % (Сахалин, Южно-Уссурийский уезд), при среднем значении 52,04 % (против 48,80 % в Европейской России). Данное явление воздействовало непосредственно на уровень грамотности — у мужчин она везде была выше, чем у женщин. Но в случае, когда общий уровень грамотности в восточных районах был ниже, чем в европейских, больший интерес оно может представлять для анализа гендерного диспаритета. Это гендерное смещение демографической структуры населения анализируемых когорт (20–29 и 40–49 лет) операционализировалось как доля мужчин в населении (другой вариант — отношение численности мужчин к численности женщин — показал в регрессиях худшие результаты).

²³ Атлас Азиатской России, 1914. Дополнительные материалы, № 56.

²⁴ Атлас Азиатской России, 1914. Дополнительные материалы, № 20.

²⁵ Атлас Азиатской России, 1914. Дополнительные материалы, № 23.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Как и в отношении уездов Европейской России, для анализа факторов грамотности и диспаритетов в восточных районах применялись методы регрессионного анализа, предпосылкой которого выступал корреляционный анализ.

Анализ включал в себя несколько укрупненных этапов:

- I. Определение значимых факторов уровня грамотности и оценивание их роли.
- II. Определение значимых факторов диспаритета грамотности в разрезе «город/село» и оценивание их роли — на выборке, по которой факторы природной среды дают лучшие результаты.
- III. Определение значимых факторов диспаритета грамотности в разрезе «мужчины/женщины» и оценивание их роли — на той же выборке.

Зависимые переменные (поочередно на укрупненных этапах анализа):

L — доля грамотных обоого пола в возрасте 20–29 и 40–49 лет;

SG — поселенческий диспаритет «город / село»;

GG — гендерный диспаритет «мужчины / женщины».

Полный набор количественных независимых переменных:

M_Sh — доля мужчин в численности населения когорт 20–29 и 40–49 лет;

U_Sh — доля городского населения, в % (имеет картографическое отображение, см. цв. вклейку, рис. 9);

S — площадь территории района, в кв. км;

PD — плотность населения (имеет картографическое отображение, см. цв. вклейку, рис. 9);

C_Y — долгота, в градусах (возрастает к востоку);

P_aa — объем осадков в среднем за год, мм;

T_a — условная среднегодовая температура (расчетная по среднедневным значениям в январе и июле), в градусах Цельсия;

T_d — условная внутригодовая разница температур (расчетная по среднедневным значениям в январе и июле), в градусах Цельсия;

H — уровень высот, м над уровнем моря;

I — длительность ледяного покрова, дней в году;

M — количество разрабатываемых видов полезных ископаемых.

Независимая структурная переменная, значения которой выражены в категориях:

ph_geo — физико-географической области; в качестве контрольной принята категория 1 — Алтайско-Саянская система.

Независимая структурная переменная, значения которой выражены бинарно:

G — наличие разрабатываемых месторождений золота.

Собственно регрессионный анализ на отдельных этапах для каждой выборки проводился в следующем порядке.

1. Включались только факторы природной среды (в том числе климатические), выраженные количественными переменными, с учетом мультиколлинеарности поочередно.

2. Последовательное исключение из модели незначимых количественных переменных ($p < 0,1$).

3. Дополнение модели, получившейся в результате предыдущего шага, экономико-географическими факторами, с последовательным исключением из модели незначимых количественных переменных ($p < 0,1$).

4. Дополнение модели, получившейся в результате предыдущего шага, структурными переменными. Если какая-либо переменная оказывалась незначимой, она исключалась, строилась новая регрессия, до тех пор, пока все переменные не становились значимыми.

5. Среди значимых (по критерию Фишера) коэффициентов детерминации выбирался коэффициент с максимальной величиной.

Основное внимание уделялось построению моделей с зависимой переменной, косвенно характеризующей *уровень* человеческого капитала (укрупненный этап I).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Собранные статистические данные ($n = 52$) можно анализировать как случайную кросс-секционную выборку, отражающую пространственное распределение результатов изучаемых исторических

процессов, зафиксированных на определенный момент времени (1897 г. — год проведения Первой всеобщей переписи населения России). Результаты их анализа²⁶ с помощью описательной статистики приведены в *таблице 1*.

Таблица 1

Описательные статистики количественных переменных

Показатель	LN (L)	LN (SG)	LN (GG)	LN (M_Sh)	LN (U_Sh)	LN (S)	LN (PD)	C_X	C_Y	LN (H)	P_aa	T_d	T_a	I	M
Максимальное	3,77	3,95	2,38	4,41	4,17	14,36	10,05	67,00	177,00	7,38	90,00	60,00	3,50	220,00	5,00
Минимальное	-0,13	0,00	0,33	3,82	-0,12	7,07	1,85	43,00	63,00	1,95	20,00	19,00	-14,00	140,00	0,00
Среднее	2,62	1,23	1,39	3,98	1,72	11,62	6,35	55,37	105,63	5,05	38,85	38,42	-1,37	176,54	0,67
Среднее квадратическое отклонение (СКО)	0,85	0,84	0,43	0,14	1,14	1,29	2,06	5,11	29,61	1,20	15,17	7,77	4,10	19,29	1,34
Среднее линейное отклонение (СЛО)	0,59	0,56	0,35	0,10	0,89	0,97	1,73	3,90	24,12	0,97	10,72	5,69	3,22	15,40	0,96
Отношение СКО/СЛО	1,45	1,50	1,26	1,39	1,28	1,33	1,19	1,31	1,23	1,24	1,41	1,37	1,27	1,25	1,40
Коэффициент вариации, %	32,45	68,16	31,19	3,60	66,20	11,06	32,50	9,24	28,03	23,82	39,04	20,23	300,15	10,93	198,94

Отношение среднего квадратического отклонения к среднему линейному отклонению несильно отклоняется от величины 1,25, характерной для симметричных и умеренно симметричных распределений, и, при максимальном значении 1,50, находится далеко от критического значения 2. Соответственно, в выборке не присутствуют значимо выделяющиеся отклонения, неоднородные, с основной массой элементов и нарушающие развитие основной тенденции. Это относится и к условной среднегодовой температуре, имеющей самую высокую изменчивость в силу наличия отрицательных значений и низкого по модулю среднего значения. Таким образом, собранный массив данных адекватен для применения регрессионного анализа.

В качестве предпосылки регрессионного анализа строится корреляционная матрица, в которой показаны коэффициенты парной корреляции Пирсона (далее — ККП) между зависимыми и независимыми переменными (*таблица 2*). Она используется для определения независимых переменных с сильными взаимосвязями с зависимыми переменными (поочередно LN (L), LN (SG), LN (GG)), а также для обнаружения мультиколлинеарности между независимыми переменными.

Как и в случае с европейской частью России, наилучшим предиктором грамотности служит доля городского населения (ККП = 0,7). Что касается показателей природно-климатической среды в азиатской части России, то наиболее тесной связью (ККП = 0,74) с логарифмом грамотности характеризуются широта (C_X), средней силой связи (ККП около 0,5) — условная среднегодовая температура (T_a)

²⁶ Для приближения распределения отдельных переменных к нормальному проводилось логарифмирование их значений.

и длительность ледяного покрова (I). Из экономико-географических переменных средней силой связи характеризуются логарифмы переменных площади территории (S), доли мужского населения (M_Sh), плотности населения (PD), доли городского населения (U_Sh , в Европейской России служила наилучшим предиктором грамотности).

Таблица 2

Корреляционная матрица коэффициентов Пирсона между количественными переменными

	LN (L)	LN (SG)	LN (GG)	LN (M_Sh)	LN (U_Sh)	LN (S)	LN (PD)	C_X	C_Y	LN (H)	P_aa	T_d	T_a	I
LN (L)	1													
LN (SG)	-0,70	1												
LN (GG)	0,02	-0,04	1											
LN (M_Sh)	0,46	-0,38	-0,37	1										
LN (U_Sh)	0,42	0,03	-0,34	0,19	1									
LN (S)	-0,54	0,51	-0,27	0,04	0,04	1								
LN (PD)	0,45	-0,45	0,33	-0,15	0,04	-0,73	1							
C_X	-0,74	0,63	-0,27	-0,42	-0,14	0,52	-0,55	1						
C_Y	-0,18	-0,01	-0,15	0,40	-0,15	0,19	-0,55	0,00	1					
LN (H)	0,15	-0,15	0,23	-0,06	-0,17	-0,32	0,32	-0,32	0,04	1				
P_aa	0,30	-0,32	-0,21	0,51	0,07	-0,26	-0,07	-0,45	0,48	-0,15	1			
T_d	-0,26	0,23	0,12	-0,04	-0,02	0,41	-0,16	0,26	0,05	0,03	-0,53	1		
T_a	0,46	-0,27	-0,02	0,06	0,19	-0,50	0,46	-0,49	-0,33	0,07	0,46	-0,85	1	
I	-0,49	0,46	-0,23	0,02	-0,23	0,44	-0,59	0,64	0,20	-0,46	-0,16	0,29	-0,47	1
M	0,28	-0,17	0,32	0,21	0,20	-0,07	0,14	-0,48	0,17	0,17	0,10	0,17	-0,05	-0,26

Как правило, в качестве достаточного свидетельства мультиколлинеарности между независимыми переменными принимаются значения, превышающие 0,7–0,8. Притом что в нашем случае столь сильные связи не наблюдаются (за исключением связи логарифмов площади района с плотностью населения), мы предпочли воздержаться от одновременного включения в регрессии независимых переменных с ККП > 0,5, тем более если они обозначают функционально зависимые явления (например, оба показателя температуры и продолжительности ледяного покрова). Соответственно, мы могли включать поочередно в качестве одной группы переменные C_X , $LN(S)$, $LN(PD)$; в качестве другой группы — C_Y , $LN(PD)$, P_{aa} , T_d ; в качестве третьей — $LN(PD)$, C_X , T_a , I . Также последовательно мы включали близкие по смыслу показатели количества разрабатываемых природных ресурсов (M) и наличия наиболее важного из них — золота (G).

При анализе факторов *уровня грамотности* по итогам поочередной подстановки коррелирующих независимых переменных, отражающих физико-географические характеристики и пошаговое исключение незначимых (в том числе всех структурных) переменных, мы пришли к двум вариантам регрессий, включающих только значимые ($p < 0,1$) независимые переменные:

$$LN(L) = A + \alpha * C_X + \beta * C_Y + \varepsilon \quad (1)$$

$$LN(L) = A + \alpha * P_{aa} + \beta * I + \varepsilon \quad (2),$$

где:

A — свободный член (Y -пересечение),

ε — остатки.

Результаты их оценивания приведены в *таблице 3* (a — модель (1); b — модель (2)). Первая модель имеет нормированный $R^2 > 0,5$, что свидетельствует о ее сравнительно высокой объясняющей способности; однако у второй модели она находится на низком уровне (нормированный $R^2 \approx 0,26$).

Таблица 3

Регрессионный анализ: набор значимых физико-географических переменных

a)

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,761365
R-квадрат	0,579676
Нормированный R-квадрат	0,56252
Стандартная ошибка	0,561732
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ			
	<i>df</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	33,78838432	6E-10
Остаток	49		
Итого	51		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	9,966633	0,90009	11,07293	6,13507E-15
C_X	-0,12276	0,01538	-7,98188	2,03638E-10
C_Y	-0,00524	0,002656	-1,97153	0,054323796

b)

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,537843
R-квадрат	0,289275
Нормированный R-квадрат	0,260266
Стандартная ошибка	0,730446
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ			
	<i>df</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	9,971858536	0,000233
Остаток	49		
Итого	51		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	9,966633	0,90009	11,07293	6,13507E-15
I	-0,01983	0,005373	-3,69141	0,0006
P_aa	0,01288	0,006834	1,884772	0,0654

Из *таблицы 3 (а)* видно, что географические координаты примерно на 56 % объясняют различия в уровне грамотности между восточными районами России (против 26 % между европейскими). Широта и долгота значимо и отрицательно связаны с грамотностью: уровень грамотности становится выше по мере движения с севера на юг и с востока на запад. Оба направления противоположны тем, что были установлены для Европейской России. Сопоставление с *таблицей 3 (b)* позволяет предполагать, что указанная связь опосредуется объемом осадков (как видно из *таблицы 2*, коррелирует отрицательно с широтой и положительно с долготой, то есть их объем увеличивается при движении с севера на юг и с запада на восток) и длительностью ледяного покрова (отрицательно коррелирует с температурой, которая выше в южных широтах). Увеличение ее на 1-й день, при условно одинаковом объеме осадков, ведет к понижению натурального логарифма уровня грамотности населения в условном районе на 0,01983, то есть уровня грамотности — на 1,02 процентных пунктов — далее п. п. ($\approx e^{0,01983} \approx 2,72^{0,01983}$).

Данные климатические особенности влияли на размещение человеческого капитала в ходе колонизаций восточных регионов. Такая пространственная структура грамотности сочетается и с распределением объемов финансирования образования в восточных регионах России, прежде всего по линии центрального правительства²⁷.

После включения в регрессионный анализ переменных, отражающих экономико-географические характеристики и пошаговое исключение незначимых (в том числе всех структурных), модель приняла следующий вид:

$$LN(L) = A + \alpha * C_X + \beta * LN(U_Sh) + \varepsilon \quad (3).$$

В *таблице 4* приведены результаты ее оценивания. Широта остается значимым фактором, но место долготы занимает доля городского населения. При этом объясняющая способность модели (3) несколько возрастает по сравнению с моделью (1). Полученные F-статистики позволяют делать утверждение о значимости модели.

Таблица 4

Регрессионный анализ: набор значимых физико-географических, экономико-географических переменных

Регрессионная статистика			
Множественный R		0,804797	
R-квадрат		0,647698	
Нормированный R-квадрат		0,633318	
Стандартная ошибка		0,514275	
Наблюдения		52	

Дисперсионный анализ			
	df	F	Значимость F
Регрессия	2	45,04254144	7,93E-12
Остаток	49		
Итого	51		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	8,578678	0,813685	10,543	3,37929E-14
C_X	-0,11513	0,014225	-8,09371	1,37422E-10
LN(U_Sh)	0,239636	0,063822	3,754754	0,000460895

²⁷ Диденко Д. В. Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 91–92, 95.

Построенные модели были проверены на выполнение условий теоремы Гаусса-Маркова на равенство математического ожидания остатков нулю. При выполнении условий Гаусса-Маркова оценки наименьших квадратов обладают такими свойствами, как несмещенность, состоятельность и оптимальность (эффективность). Отсутствие гетероскедастичности подтверждается тестами ранговой корреляции Спирмена, но не подтверждается тестами Голдфелда-Квандта.

Для сравнения коэффициентов модели друг относительно друга по степени влияния на зависимую переменную мы произвели расчет стандартизированных коэффициентов последней модели (таблица 5).

Коэффициенты регрессии из таблицы 4 использовались для расчета коэффициентов эластичности ε_j и бета-коэффициентов $\hat{\beta}_j$

$$\varepsilon_j = a_j \cdot \bar{x}_j / \bar{y}$$

$$\hat{\beta}_j = \hat{a}_j \cdot S_{xj} / S_y,$$

где a_j — коэффициенты регрессии j -й независимой переменной, S_y — стандартное (среднеквадратическое) отклонение выборки зависимой переменной y , S_{xj} — стандартное отклонение выборки j -й независимой переменной x .

Оценка доли отдельного фактора в их суммарном влиянии на зависимую переменную производилась по величине дельта-коэффициентов Δ_j :

$$\Delta_j = r_{y,xj} \cdot \hat{\beta}_j / R^2$$

Таблица 5

**Стандартизированные коэффициенты регрессий
с количественными переменными факторов уровня грамотности**

Коэффициент	α C_X	β LN (U_Sh)
ε_j	-2,5972	-0,2114
$\hat{\beta}_j$	-0,7393	-0,1826
Δ_j	0,9426	0,0574

Данные в таблице 5 свидетельствуют о том, что чувствительность уровня грамотности к изменению широты значительно выше, чем к изменению доли городского населения. Величины бета-коэффициентов показывают, что влияние на уровень грамотности этой географической координаты в 4 раза выше, чем доли городского населения. Исходя из дельта-коэффициентов, вклад первой переменной в данной модели превышает вклад второй почти в 20 раз.

Отдельного рассмотрения заслуживают характеристики почвенного покрова, как факторы уровня грамотности. Соответствующие статистические показатели представлены в таблице 6. Хотя в связи с небольшим количеством объектов для анализа в отдельных категориях (кроме категории «Чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы») мы не можем утверждать наличие статистической значимости данных связей, приводимые сведения представляют иллюстративный интерес для понимания различий в пространственном распределении грамотности, связанных с различиями в почвенном покрове.

Таблица 6

Уровень грамотности населения (L) в районах с различным почвенным покровом²⁸

	Количество районов (n)	Средний	Медианный	Мин.	Макс.	Коэффициент вариации
Каштановые почвы	1	15,86	-	-	-	-

²⁸ Рассчитано по: Атлас Азиатской России, 1914; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 72–80, 1898–1905.

Подзолистая почва с обилием болотных почв	5	24,41	28,17	8,24	39,20	53,13
Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв	4	39,49	39,97	34,84	43,19	10,10
Подзолистые почвы на мягких наносах	4	20,06	20,11	16,83	23,20	15,11
Подзолистые почвы на преобладающих твердых породах	9	15,89	16,54	11,23	21,15	24,21
Северная часть подзолистой зоны	6	5,92	4,81	0,88	10,89	67,95
Тундровая зона	3	1,75	1,92	1,14	2,19	31,33
Чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы	20	17,70	15,20	8,67	28,75	36,73
В целом по Сибири и Дальнему Востоку	52	17,57	15,78	0,88	43,19	59,23

Разница между средним и медианным уровнем грамотности небольшая, и ранги категорий почв по этим двум показателям соответствуют друг другу. При этом разница минимальных и максимальных значений (как и коэффициента вариации) в большинстве категорий довольно значительная. В наиболее массовой категории «Чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы» (в южной части сибирских губерний и Забайкальской области) уровень грамотности близок к среднему значению по макрорегиону.

Наиболее высокий и наименее изменчивый уровень грамотности характерен для категории «Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв» (в Амурской и южной части Приморской области). Наиболее низкий уровень грамотности характерен для категорий «Тундровая зона» и географически близкой к ней «Северная часть подзолистой зоны» (в которой уровень грамотности отличается наибольшей изменчивостью). Обе категории почвенного покрова расположены в северной части макрорегиона, на протяженной территории, включающей пространство от Тобольской губернии до Приморской области. Наиболее широкий диапазон значений уровня грамотности мы наблюдаем в категории «Подзолистая почва с обилием болотных почв» в Приморской области.

Теперь обратимся к анализу *диспаритетов* в накопленном человеческом капитале и их природно-климатических факторов.

В первую очередь речь идет о *поселенческом диспаритете в разрезе «город / село»*. Из корреляционной матрицы в *таблице 2* видно, что его сильным предиктором является логарифм зафиксированного в ходе той же Переписи 1897 г. уровня грамотности. Однако, в отличие от Европейской России, этот предиктор не выступал основным.

По итогам поочередной (во избежание мультиколлинеарности) подстановки в регрессионное уравнение коррелирующих независимых переменных, отражающих физико-географические и экономико-географические характеристики, и пошагового исключения незначимых переменных (в том числе всех структурных), мы пришли к модели, включающей только значимые ($p < 0,1$) независимые переменные:

$$LN(SG) = \alpha * LN(L) + \beta * LN(U_Sh) + \gamma * I + \varepsilon \quad (4)$$

$$LN(SG) = \alpha * I + \beta * P_aa + \varepsilon \quad (5).$$

Результаты оценивания моделей (4) и (5), обладающих приемлемой объясняющей способностью и значимостью (несмотря на незначимое Y-пересечение), приведены в *таблице 7* (соответственно а и б).

Таблица 7

**Зависимость диспаритета в накопленном человеческом капитале (город / село):
значимые переменные**

a)

Регрессионная статистика

Множественный R	0,938361
R-квадрат	0,880522
Нормированный R-квадрат	0,855237
Стандартная ошибка	0,529091
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	120,3726016	2,44756E-22
Остаток	49		
Итого	52		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	0	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д
LN (L)	-0,67089	0,08417	-7,97065	2,11855E-10
LN (U_Sh)	0,299281	0,071581	4,18103	0,00011942
I	0,013952	0,00113	12,34628	1,17811E-16

b)

Регрессионная статистика

Множественный R	0,8739401
R-квадрат	0,763771299
Нормированный R-квадрат	0,739046725
Стандартная ошибка	0,736489175
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	80,82964674	3,03444E-16
Остаток	50		
Итого	52		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	0	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д
I	0,010998832	0,001476772	7,447885719	1,19812E-09
P_aa	-0,017920758	0,006296211	-2,846276788	0,006398585

Мы видим, что с диспаритетом «город / село», помимо собственно грамотности (чем выше уровень грамотности, тем ниже диспаритет) и доли городского населения (чем выше доля городского населения, которая редко превышала 50 %, тем выше диспаритет), из физико-географических факторов значимо связана только длительность ледяного покрова. Увеличение ее на один день, при условно одинаковых уровне грамотности и доле городского населения, ведет к повышению натурального логарифма поселенческого диспаритета грамотности на 0,007394, то есть собственно диспаритета, — на 1,01 пункта ($\approx e^{0,013952} \approx 2,72^{0,013952}$).

Аналогично коэффициентам модели (3) — факторам уровня грамотности — рассчитаны стандартизированные коэффициенты моделей (4) и (5) в *таблице 8* (соответственно а и б).

Таблица 8

Стандартизированные коэффициенты регрессий факторов диспаритета в накопленном человеческом капитале (в разрезе «город / село»)

a)	Коэффициент	α LN (L)	β LN (U_Sh)	γ I
	α_j	-1,6435	0,4114	1,0599
	$\hat{\beta}_j$	-0,7825	0,3996	0,1699
	Δ_j	0,8570	0,0201	0,1229

b)	Коэффициент	α I	β P_aa
	α_j	2,6194	2,6194
	$\hat{\beta}_j$	0,4199	0,4199
	Δ_j	0,7042	0,7042

Результаты расчетов в *таблице 8 (а)* показывают, что чувствительность зависимой переменной к относительному изменению факторов наибольшая для уровня грамотности, во вторую очередь — к длительности ледяного покрова; наименьшая — к доле городского населения. Величины бета-коэффициентов свидетельствуют о том, что роль уровня грамотности является наиболее высокой, роль длительности ледяного покрова — самая низкая. Вклад логарифма уровня грамотности в изменение поселенческого диспаритета также является доминирующей и примерно в семь раз превышает вклад длительности ледяного покрова.

Результаты расчетов в *таблице 8 (б)* показывают, что поселенческий диспаритет более чувствителен к относительному изменению длительности ледяного покрова, чем объема осадков. Величины бета-коэффициентов свидетельствуют о том, что роль первого фактора является более высокой по сравнению со вторым. Вклад длительности ледяного покрова в изменение поселенческого диспаритета составляет около 70 % против менее 30 % со стороны объема осадков.

Как и в случае с анализом факторов уровня грамотности, остановимся отдельно на факторе почвенного покрова для пространственного распределения поселенческого диспаритета в уровне грамотности (*таблица 9*).

Таблица 9

Поселенческий диспаритет в грамотности (SG) населения в районах с различным почвенным покровом²⁹

	Количество районов (n)	Средний	Медианный	Мин.	Макс.	Коэффициент вариации
Каштановые почвы	1	2,44	-	-	-	-
Подзолистая почва с обилием болотных почв	5	3,18	2,76	0,00	7,70	106,5 3

²⁹ Рассчитано по: Атлас Азиатской России, 1914; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 72–80, 1898–1905.

Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв	4	1,50	1,65	0,00	2,71	74,51
Подзолистые почвы на мягких наносах	4	3,17	3,16	2,64	3,72	13,99
Подзолистые почвы на преобладающих твердых породах	9	2,26	2,61	0,00	3,54	51,92
Северная часть подзолистой зоны	6	15,56	10,81	7,42	35,98	69,84
Тундровая зона	3	22,71	15,98	0,00	52,14	117,64
Чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы	20	3,19	3,30	1,49	5,00	23,65
В целом по Сибири и Дальнему Востоку	52	5,44	3,16	0,00	52,14	160,98

В случае с диспаритетом в разрезе «город / село» мы видим значительно большие отличия среднего и медианного уровней, чем при анализе уровня грамотности. Хотя их ранги в целом соответствуют друг другу, предпочтительно ориентироваться на медианный уровень. Средний и медианный уровни диспаритета минимальны в категории «Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв». Максимальные диспаритеты (и по среднему, и по медианному уровням) отмечены в категориях «Северная часть подзолистой зоны» и «Тундровая зона» (отличается также максимальной изменчивостью), характеризовавшихся минимальным уровнем грамотности. В этих категориях зафиксированы максимальные разбросы значений. В категории «Подзолистые почвы на мягких наносах» (три округа Тобольской губернии и один округ Енисейской губернии) медианное значение диспаритета соответствует макрорегиону и характеризуется наименьшей изменчивостью.

Теперь обратимся к *гендерному диспаритету в разрезе «мужчины / женщины»*.

После поочередной подстановки в регрессионное уравнение независимых переменных, отражающих физико-географические и экономико-географические характеристики районов и пошагового исключения незначимых переменных (в том числе структурных), мы пришли к двум вариантам моделей со значимыми переменными (среди которых появляется одна структурная):

$$LN(GG)=A+\alpha*LN(M_Sh)+\beta*LN(U_Sh)+\gamma*C_X+\eta*M+\varepsilon \quad (6)$$

$$LN(GG)=A+\alpha*LN(U_Sh)+\beta*I+\gamma*C_Y+\eta*G+\varepsilon \quad (7)$$

Оценки их параметров приводятся в *таблице 10* (а — модель (6); б — модель (7)). Следует отметить, что, несмотря на включение в модели (6) и (7) четырех факторов, их объясняющая способность ниже, чем мы имели в отношении уровня грамотности (модели (1) и (3)) и поселенческого диспаритета (модели (4) и (5)), где количество факторов ограничивалось двумя или тремя.

Таблица 10

Зависимость диспаритета в накопленном человеческом капитале (мужчины / женщины): значимые переменные

а)

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,724965164
R-квадрат	0,525574489
Нормированный R-квадрат	0,48519785
Стандартная ошибка	0,311565237
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ

	df	F	Значимость F
Регрессия	4	13,01679631	3,2769E-07
Остаток	47		
Итого	51		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	9,889513897	1,649463136	5,995595586	2,73328E-07
LN (M_Sh)	-1,630668786	0,339555727	-4,802359836	1,63566E-05
LN (U_Sh)	-0,134108586	0,039537718	-3,391915182	0,001416254
C_X	-0,033469203	0,010448287	-3,203319682	0,002440307
M	0,101978301	0,037512125	2,718542332	0,009155672

b)

Регрессионная статистика

Множественный R	0,544611431
R-квадрат	0,296601611
Нормированный R-квадрат	0,236737918
Стандартная ошибка	0,379372339
Наблюдения	52

Дисперсионный анализ

	df	F	Значимость F
Регрессия	4	4,954616026	0,002045022
Остаток	47		
Итого	51		

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	2,897362	0,548606	5,281322	3,23003E-06
LN (U_Sh)	-0,17252	0,048389	-3,56514	0,00084802
I	-0,00507	0,002988	-1,6967	0,096367519
C_Y	-0,00346	0,001936	-1,78675	0,080428602
G	0,300936	0,150528	1,999199	0,05138731

В совокупности коэффициенты моделей (6) и (7) показывают, что обе географические координаты (в модели b широта заменяется длительностью ледяного покрова) отрицательно связаны с гендерным диспаритетом. То есть он имеет тенденцию возрастать по мере движения с севера на юг и с востока на запад (как и уровень грамотности, корреляция с которым близка к нулю).

Также отрицательно гендерный диспаритет связан с долей городского и мужского населения. То есть чем ниже доля городского и мужского населения, тем ниже гендерный диспаритет.

Обращает на себя внимание положительная связь гендерного диспаритета с количеством разрабатываемых видов полезных ископаемых и наличием золотых месторождений. В частности, в районах разработки золотых месторождений гендерный диспаритет в грамотности был на 1,35 пункт выше ($\approx e^{0,300936} \approx 2,72^{0,300936}$).

Также проведены расчеты стандартизированных коэффициентов моделей (6) и (7) с использованием коэффициентов регрессии из *таблицы 10*. Соответствующие результаты приводятся в *таблице 11*.

Таблица 11

Стандартизированные коэффициенты регрессий факторов диспаритета в накопленном человеческом капитале (в разрезе «мужчины / женщины»)

a)	Коэффициент	α	β	γ	η
		LN (M_Sh)	LN (U_Sh)	C_X	M
	$\hat{\alpha}_j$	-4,6565	-0,1659	-1,3311	0,0493
	$\hat{\beta}_j$	-0,5370	-0,3521	-0,3942	0,3145
	$\hat{\Delta}_j$	0,3814	0,2253	0,2023	0,1911

b)	Коэффициент	α	β	γ	η
		LN (U_Sh)	I	C_Y	G
	$\hat{\alpha}_j$	-0,2134	-0,6429	-0,2624	0,0374
	$\hat{\beta}_j$	-0,4529	-0,2252	-0,2358	0,2647
	$\hat{\Delta}_j$	0,5135	0,1768	0,1198	0,1899

Приведенные в *таблице 11 (a)* результаты расчетов свидетельствуют, что наибольшую чувствительность гендерный диспаритет имеет к доле мужского населения, наименьший — к количеству разрабатываемых видов полезных ископаемых. Величины бета- и дельта-коэффициентов свидетельствуют о том, что роль и вклад в изменение диспаритета со стороны доли мужского населения являются наиболее высокими, роль и вклад остальных факторов — примерно на одном уровне.

Значения стандартизированных коэффициентов в *таблице 11 (b)* свидетельствуют о наибольшей чувствительности гендерного диспаритета к изменению длительности ледяного покрова, наименьшей — к наличию или отсутствию месторождений золота. Наибольшую роль в изменении гендерного диспаритета играют колебания доли городского населения, остальные факторы — на меньшем и близком уровне. Наибольший вклад в изменение гендерного диспаритета также вносит доля городского населения, наименьший — географическая долгота района.

Как и в случае с анализом факторов уровня грамотности и поселенческого диспаритета, остановимся отдельно на роли почвенного покрова в пространственном распределении гендерного диспаритета (*таблица 12*).

Таблица 12

Гендерный диспаритет в грамотности (GG) населения в районах с различным почвенным покровом*

	Количество районов (n)	Средний	Медианный	Мин.	Макс.	Коэффициент вариации
Каштановые почвы	1	3,83	-	-	-	-
Подзолистая почва с обилием болотных почв	5	4,00	3,74	1,39	6,28	45,55
Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв	4	3,27	3,40	2,27	4,03	23,49
Подзолистые почвы на мягких наносах	4	2,91	2,53	2,27	4,31	32,75
Подзолистые почвы на преобладающих твердых породах	9	5,30	5,40	2,40	8,32	35,74
Северная часть подзолистой зоны	6	3,36	3,32	2,49	4,38	20,17
Тундровая зона	3	2,85	3,26	1,73	3,55	34,43
Чернозем, лесные суглинки, подзолистые почвы	20	5,21	4,88	2,00	10,83	41,83
В целом по Сибири и Дальнему Востоку	52	4,41	4,14	1,39	10,83	43,81

*Рассчитано по: Атлас Азиатской России, 1914; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 72–80, 1898–1905.

Как и в случае с поселенческим диспаритетом, мы считаем более релевантным ориентироваться на медианные значения, чем на средние, принимая во внимание более сильное расхождение их рангов. При этом минимальные и максимальные уровни гендерного диспаритета не в той же мере соответствуют максимальным и минимальным уровням грамотности, как в случае с поселенческим диспаритетом. Медианный уровень гендерного диспаритета минимален в категории «Подзолистые почвы на мягких наносах». Максимальные диспаритеты (и по среднему, и по медианному уровням) отмечены в категориях «Подзолистые почвы на преобладающих твердых породах». Наиболее изменчив диспаритет в категории «Подзолистая почва с обилием болотных почв», в которой среднее и медианное значения диспаритета наиболее близки соответствующим уровням по макрорегиону. Наименее изменчив диспаритет в категории «Северная часть подзолистой зоны».

Выводы

Проведенное исследование подкрепило количественными аргументами традицию объяснения социально-экономического развития влиянием таких факторов, как климат и другие физико-географические особенности территорий. Оно показало на историческом материале восточных регионов России, что указанные факторы имели значение не только в условиях преобладания аграрной экономики, но и на ранней стадии индустриализации. В теоретическом аспекте полученные результаты служат отправной точкой для определения закономерностей социально-экономического развития на переходных исторических этапах.

По сравнению с Европейской Россией, воздействие природной среды на характеристики накопленного к 1897 г. человеческого капитала в восточных районах характеризуется меньшим количеством статистически значимых ($p < 0,1$) факторов, но более четко выраженной картиной. К их числу относятся, прежде всего, обе географические координаты (широта и долгота), которые в районах Азиатской России на 56 % объясняют различия в уровне грамотности (против 26 % в Европейской): повышение уровня грамотности связано с движением к югу и западу. Их действие проявляется через объем осадков (положительно связан с уровнем грамотности) и длительность ледяного покрова (отрицательно связан с уровнем грамотности). Также установлена связь с характеристиками почвенного покрова (которая, в силу малого числа наблюдений в отдельных категориях, не может быть признана статистически значимой). Максимальный уровень грамотности наблюдается в категории «Подзолистая почва с обилием избыточно увлажняемых почв», минимальный — в категориях «Тундровая зона» и «Северная часть подзолистой зоны».

Длительность ледяного покрова также положительно связана с поселенческим диспаритетом уровня человеческого капитала (в разрезе «город / село»). Другими значимыми факторами этого диспаритета выступали уровень собственно грамотности (в сторону понижения диспаритета), объем осадков (в сторону понижения диспаритета) и доля городского населения (в сторону повышения диспаритета).

Для гендерного диспаритета в разрезе «мужчины / женщины» статистически значимыми факторами природной среды также оказались обе географические координаты (повышение диспаритета связано с движением к югу и западу) и длительность ледяного покрова (сокращение связано с увеличением диспаритета), к которым добавилось наличие разрабатываемых месторождений полезных ископаемых, в частности золота, где гендерный диспаритет в грамотности оказывался выше. Со стороны экономико-географических факторов статистически значимой стала доля городского и мужского населения (при их увеличении — в сторону снижения диспаритета). Последнее связано с гендерным дисбалансом в районах добычи полезных ископаемых, повышенной концентрацией воинских частей, мест лишения или ограничения свободы.

Что касается каналов влияния природно-климатической среды на накопление человеческого капитала, то в условиях начавшейся индустриализации, при доминировании аграрной экономики, эта среда сильно влияет на выбор видов экономической деятельности и занятий населения. Причем в колонизируемых регионах российского фронта такая трансмиссия должна была осуществляться быстрее, чем в европейском ядре. Переселенцы (либо их потомки в ближайших поколениях), занимающиеся деятельностью, требующей как минимум элементарной грамотности либо предполагающей повышение профессиональной квалификации и навыков с помощью грамотности, выбирали местом своего проживания в Сибири и на Дальнем Востоке территории, обладающие определенными климатическими характеристиками.

Построенные картограммы могут быть использованы в историко-географических и экономико-географических исследованиях отдельных территорий. Построение цифровых карт с тематической нагрузкой позволяет извлечь картометрические показатели изучаемых регионов (площади, зоны контактов, морфологию объектов), а также установить связь с географическими условиями. Представление данных в формате картограммы позволяет проследить характер распространения определенных показателей в пространстве и влияние соседних регионов.

References

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 5, pp. 1369–1401. (In English).

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *The Quarterly Journal of Economics*, 2002, vol. 117, no. 4, pp. 1231–1294. (In English).

Becker G. S. *Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskoy podkhod. Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior. Economic approach. Selected Works on Economic Theory]. Moscow: GU-VShE Publ., 2003. (In Russian).

Didenko D. V. Prostranstvennoe neravenstvo v formirovaniy chelovecheskogo kapitala v osnovnykh makroregionakh Rossii [Spatial Inequality in Human Capital Formation in Russia's Main Macroregions (Late 19th — Early 20th Centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics], 2022, no. 57, pp. 77–101. DOI: 10.17223/19988648/57/6 (In Russian).

Didenko D. V., Grishin E. S. [Natural and Geographical Environment as a Factor of Human Capital Accumulation in European Russia (Late 19th Century)]. *Historia provinciae — zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae — the journal of regional history], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 381–436. DOI: 10.23859/2587-8344-2023-7-2-1 (In Russian).

Easterly W. Inequality Does Cause Underdevelopment: Insights from a New Instrument. *Journal of Development Economics*, 2007, vol. 84, iss. 2, pp. 755–776. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.11.002 (In English).

Easterly W., Levine R. Tropics, Germs, and Crops: The Role of Endowments in Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 2003, vol. 50, iss. 1, pp. 3–39. DOI: 10.1016/S0304-3932(02)00200-3 (In English).

Gallup J. L., Sachs J. D., Mellinger A. D. Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 1999, vol. 22, iss. 2, pp. 179–232. DOI: 10.1177/016001799761012334 (In English).

Goldin C. Human Capital. *Handbook of Cliometrics*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2016, pp. 55–86. (In English).

Gregory P. *Ekonomicheskoy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX v. — nachalo XX v.): Novyye podschety i otsenki* [Economic growth of Russian empire (End of XIX — beginning of XX century): New Estimates and Calculations]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2003. (In Russian).

Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966. (In English).

Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy*, 1958, vol. 66, no. 4, pp. 281–302. DOI: 10.1086/258055 (In English).

Poberezhnikov I. V. Frontirnaia modernizatsiia na Vostoke Rossiiskoi imperii: regional'nye variatsii [Frontier Modernization in the East Of the Russian Empire: Regional Variations]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (In Russian).

Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth*, 2004, vol. 9, iss. 2, pp. 131–165. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85> (In English).

Sachs J. D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income. *NBER Working Paper*, February 2003, no. 9490. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9490> (accessed: 5.09.2023). DOI: 10.3386/w9490 (In English).

Sachs J. D., Warner A. M. The Big Push, Natural Resource Booms and Growth. *Journal of Development Economics*, 1999, vol. 59, iss. 1, pp. 43–76. DOI: 10.1016/S0304-3878(99)00005-X (In English).

Schultz T. W. *The Economic Value of Education*. New York: Columbia University Press, 1963. (In English).

УДК 94(47)«18/19»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-58-73

Кондакова Татьяна Юрьевна

к.г.н., доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; старший научный сотрудник Отдела социально-экономической географии, Институт географии РАН (Россия, Ярославль; Москва)
ORCID: 0000-0003-3238-7425
E-mail: tanijakond7@mail.ru

Историко-географические особенности развития типов хозяйственного районирования Европейской России в конце XIX — начале XX вв.

АННОТАЦИЯ. Основной задачей исследования является систематизация малоизученных и малоиспользуемых опытов экономического районирования на основе изучения первоисточников дореволюционного периода (с середины XIX по начало XX в). В статье определены особенности формирования и эволюции типов хозяйственного районирования в этот период времени на основе анализа исторических статистических источников; дается группировка опытов экономического районирования: частное районирование, комплексное экономическое экспертное районирование, сельскохозяйственное статистическое районирование; по каждой группе выявлены основные и вспомогательные признаки и показатели для выделения и определения районов; более подробно приводится характеристика примеров сельскохозяйственного районирования в хронологическом порядке; в частном районировании рассматривается деление губерний на районы исходя из принципов плодородия и величины земельного надела на одну мужскую душу; при характеристике видов комплексного экономического районирования показаны наиболее известные наряду с малоизвестными виды экономического районирования, в том числе промышленное районирование, дополненное делением на районы на основе группировки винокуренных заводов, по объемам кустарной обработки дерева, по объемам производства спичек; показана важность использования этих показателей; при характеристике сельскохозяйственного районирования показана значимость статистических показателей для выделения и определения районов; опыты комплексного экономического и сельскохозяйственного районирования систематизированы по хронологическому принципу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельскохозяйственное статистическое районирование, комплексное экспертное экономическое районирование, хозяйственный район, полоса, признаков районирования, группы губерний, группы районов

UDC 94(47)«18/19»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-58-73

Tatyana Yu. Kondakova

Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Institute of Geography of the RAS (Russia, Yaroslavl; Moscow)

ORCID: 0000-0003-3238-7425

E-mail: tanijakond7@mail.ru

Historical and Geographical Features of the Development of Types of Economic Regionalization of European Russia in the Late 19th – Early 20th Century

ABSTRACT. The main objective of the study is to systematize little-studied and little-used experiences of economic regionalization based on the study of primary sources of the pre-revolutionary period (from the mid-19th to the early 20th centuries). The article identifies the features of the formation and evolution of types of economic regionalization during this period based on the analysis of historical statistical sources; a grouping of economic zoning experiences is given: private zoning, complex economic expert zoning, agricultural statistical zoning; for each group, main and auxiliary characteristics and indicators for identifying and defining areas are established; the characteristics of examples of agricultural zoning in chronological order are given in more detail; in private zoning, the division of provinces into districts is considered based on the principles of fertility and the size of the land plot per 1 male soul. When characterizing the types of complex economic zoning, the most well-known, along with little-known, types of economic zoning are shown, including industrial zoning, supplemented by division into districts based on the grouping of distilleries, by the volume of handicraft wood processing, by the volume of match production; the importance of using these indicators is shown. When characterizing agricultural zoning, the importance of statistical indicators for identifying and defining regions is shown. Experiences of comprehensive economic and agricultural zoning are systematized on a chronological basis.

KEYWORDS: agricultural statistical zoning, complex expert economic regionalization, economic region, strip, zoning sign, groups of provinces, groups of districts

В отечественной географии встречается достаточное количество научных работ, связанных с изучением истории развития отечественного экономического районирования. Районирование всегда являлось «визитной карточкой» российской географии, поскольку отличается самой богатой в мире историей развития, а также теорией и практикой, которые последовательно повторяют формирование самой географической науки¹. При этом чаще всего встречается изучение и анализ работ, посвященных советскому периоду развития отечественного экономического районирования². Исследование особенностей дореволюционного развития экономического районирования географами встречается гораздо реже.

Стоит отметить, что исторический аспект экономического районирования территории России встречается также и в работах ученых-экономистов³, которые обращают основное внимание на экономические показатели и характеристики, используемые при разделении территории на районы.

В настоящее время географами, занимающимися вопросами экономического районирования, выделены этапы развития (природный, аграрный, экономический этапы и этап районирования общества)⁴, определены методологические основы районирования⁵ и т. д.

Некоторые малоизвестные, а соответственно, и малоизученные опыты районирования, появившиеся на рубеже конца XIX и XX в., наиболее подробно рассмотрены в работе Бабурина В. Л.⁶ В данном труде дается обзор типов районирования с помощью объединения их в группы как по временному (районирование по положению о крестьянской реформе 1861 г., пореформенные опыты районирования (1867–1884 гг.), опыты районирования на рубеже XIX — начале XX в.), так и по содержанию (природное, сельскохозяйственное, торгово-промышленное, комплексное экономическое районирование). Здесь же дается отсылка к исследованию Б. А. Вальской «Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. до 1961 г.»⁷ и неизданной второй части ее трудов по истории экономического районирования пореформенной России в период с 1861 г. по 1917 г.

К первой группе опытов хозяйственного районирования относятся примеры опытов частного районирования (районирование территории по одному признаку).

Малоизученные географами статистические и экономические труды, в которых исследователи подразделяют территорию нашей страны на хозяйственные районы, появляются в науке, начиная с XIX в. Изначально в основу выделения хозяйственных районов был положен принцип плодородия земель. Стоит отметить, что данный принцип использовался довольно часто и в течение всего рассматриваемого периода. Причем такое деление на районы можно считать достаточно условным, т. к. с физико-географическими особенностями территорий оно соотносится незначительно.

Так, Ю. Э. Янсон в своем «Опыте статистического исследования...»⁸ в соответствии с этим принципом выделяет четыре крупных района и называет их «полосами» в пределах Европейской России (таблица 1), причем статистическими показателями охватывает лишь часть губерний, входящих в них. Автором приводятся общие характеристики этих районов (полос). «Великорусские губернии, лежащие в нечерноземной полосе, отличаются скудностью почвы, редким населением; земледелие не в состоянии прокормить население, хлеба не хватает на его собственное продовольствие в течение большей или меньшей части года; население поэтому издавна обратилось к местным и отхожим промыслам еще при крепостном праве, за редкими исключениями, все крестьяне здесь были на оброке. Черноземная трехпольная полоса, с густым населением, представляет местность исключительно земледельческую; никаких промыслов, вне земледелия, в ней почти не суще-

¹ Шувалов В. Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 19.

² Там же.

³ Изюмова О. Н., Бергер Ю. А. Исторический аспект экономического районирования России // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 3. С. 36.

⁴ Смирнягин Л. В. Районирование общества: теория, методология, практика (на материалах США): Автореф. дис. ...д-ра геогр. наук. М., 2005.

⁵ Книпович Б. Н. К методологии районирования. М., 2003.

⁶ Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования. М., 2006.

⁷ Вальская Б. А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. до 1961 г. // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17. С. 139–201.

⁸ Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

ствует; прибыльность сельского хозяйства имела своим последствием то, что до 1861 г. здесь почти не было оброчных имений, все крестьяне помещичьи состояли на барщине; помещичьи запашки были велики. Черноземная степная полоса стала заселяться в сравнительно недавнее время; рабочих рук было мало, хозяйства велись вольнонаемным трудом более, чем обязательным»⁹.

53 губернии и области (685 уездов) включены в статистическое исследование. Обязательными экономико-статистическими показателями для каждого из 4 районов являются: число рабочих на заводах и фабриках и отношение их к крестьянскому населению в губерниях; вспомогательными — для каждого района: средняя величина душевого надела для крестьян разных наименований; отношение земельных наделов к необходимым потребностям крестьянской семьи; общие платежи и платежи за земли у крестьян разных наименований; отношение платежей к доходности наделов; промысловые заработки и отношение к ним платежей; количество удобной земли по группам владельцев в %; количество земли, приходящееся на 1 душу, и доходность 1 десятины крестьянской земли; число рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом, и отношение его к численности крестьянского населения по губерниям; платежи крестьян с души и десятины, недоимки в соответствии с Ежегодником; число душ и работников на один двор. Отдельного внимания заслуживают вспомогательные экономико-статистические характеристики, позволяющие отразить специфические черты каждого из 4 районов (полос) (таблица 1).

Таблица 1

Экономико-статистическое районирование Европейской России (по Ю. Э. Янсону, 1877)

Районы (полосы)	Губернии и области, входящие в хозяйственный район	Губернии, охваченные экономико-статистическим исследованием (описанием)	Вспомогательные экономико-статистические характеристики, показывающие специфику района
Нечерноземная великорусская полоса	Архангельская, Вологодская, Олонецкая, С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Тверская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Вятская	С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Вятская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Калужская, Московская, Смоленская, Тверская, Ярославская	1. Численное отношение крестьян разных наименований 2. Распределение поземельной собственности и число собственников 3. Платежи крестьян
Черноземная трехпольная полоса	Уфимская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская, Тульская, Орловская, Курская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая, Полтавская, Херсонская, Бессарабская, Ставропольская, Донская	Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Полтавская, Харьковская, Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Оренбургская, Уфимская	1. Распределение частного и крестьянского землевладения 2. Платежи крестьян

⁹ Там же. С. 9.

Степная полоса	Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донская область, Самарская, Астраханская		
Юго- и Северо-Западные губернии	Подольская, Киевская, Волынская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Ковенская		Распределение землевладения в Юго- и Северо-Западном крае

Деление территории на хозяйственные районы в виде «полос» встречаются и у других исследователей (А. И. Васильчиков, 1881), а также в большинстве статистических сборников начала XX в.

В основу определения 8 районов А. И. Васильчиковым также положен принцип плодородия земель: 1) Нечерноземная полоса великорусских губерний; 2) Черноземная полоса в великорусских губерниях; 3) Степная полоса в великорусских губерниях; 4) Новороссийский край; 5) Малороссия; 6) Юго-западный край; 7) Литва и северо-западный край; 8) Остзейские губернии. О природных составляющих (территориальных, географических различиях) при разделении территории в труде почти не упоминается, а основное внимание уделяется «хозяйственным и земледельческим соображениям»¹⁰. Кроме того, описание границ между районами достаточно условное и приблизительное, не совпадающее с сеткой административно-территориального деления на губернии.

По плодородию выделял районы (погубернские группы) и статистик Вильсон И. И.¹¹ (1892): Северная, Прибалтийская, Западная, Юго-Западная, Центральная, Восточная, Южная, показав внутри них особенности расходов и доходов государственного бюджета и величину выкупных платежей за землю крестьян-собственников.

Также одним из главных принципов деления территории на хозяйственные районы является средний надел пахотной земли на 1 мужскую душу (встречается в большинстве трудов середины — конца XIX в.). В соответствии с ним губернии Европейской России подразделялись на много-(больше)земельные (средний размер надела пахотной земли на 1 муж. душу — 2,87 кв. сажень (13,1 кв. м, или 0,13 сотки) и малоземельные губернии — 1,56 каз. десятины (0,02 кв. км, или 200 соток)). При этом к большеземельным губерниям относились Оренбургская, Олонская, Самарская, Вятская, Пермская, Область войска Донского, Уфимская, Воронежская, Новгородская, Казанская, Саратовская, Ярославская, Вологодская, Таврическая, Пензенская, Псковская, Тверская, Костромская, Нижегородская, Калужская, Тамбовская, Астраханская, Владимирская, Харьковская, Екатерининская, Курская; к малоземельным — Симбирская, Орловская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Херсонская, Тульская, Рязанская, Витебская, Черниговская, Виленская, Ковенская, Могилевская, Минская, Курляндская, Московская, Гродненская, Полтавская, Волынская, Бессарабская, Подольская, Киевская, Архангельская, Лифляндская, Эстляндская.

У Ю. Э. Янсона¹² такое деление проводится по уездам и исходя из среднего надела всей имеющейся в уезде земли (заселенной и незаселенной) на 1 мужскую душу. Согласно Янсону, к многоземельным причисляются те уезды, в которых общее количество земли составляло более 15 десятины на душу (отвод им земли), то есть более того количества, которое при трехпольном хозяйстве может обработать работник. Малоземельные уезды с меньшим количеством земли — 8 десятины на душу (высший надел земли). Автор пишет, что «все излишние земли против отводимых крестьянам обращались в оброчные статьи или раздавались тем же крестьянам за добровольную, сверх оброка,

¹⁰ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1881.

¹¹ Вильсон И. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 30–32.

¹² Янсон Ю. Э. Указ. соч. С. 121.

плату». При этом если малоземелье достигало отношения 5 десятин на душу, то крестьяне имели право переселяться в другие губернии, где получали или 15, или 8 десятин на душу, смотря по уезду.

Деление на такие группы признавалось согласно Уставу о благоустройстве в казенных селениях по Своду законов. Т. XII. Статья 11. Статья 12¹³ (не только на душу казенных, но и удельных вместе). Устав признавал малоземелье «совершенно достаточным поводом к переселению, и притом понимает малоземелье в смысле менее 5 десятин усадебной, пашенной и сенокосной, земли на душу (ст. 39 и 31)». Переселение в другие губернии, в случае наделения общества землей в количестве менее 5 десятин на душу, проходило (ст. 35, п. 2), но, конечно, с соблюдением некоторых условий.

Ко второй группе нами отнесены экспертные опыты комплексного экономического районирования (1881–1915 гг.), наиболее востребованные большинством исследователей в области географии, истории и экономики, в практике географических описаний и статистических работах. Общей особенностью для них является то, что для определения экономического района преобладает большое число разнообразных качественных признаков и характеристик, и наиболее приемлемым является использование средних значений, например, плотности населения, количество топлива, вида топлива, иногда появляется такой показатель, как число произведенных ведер спирта, гораздо чаще — уплаченные налоги разного типа.

Это комплексное экономическое районирование П. П. Семенова-Тян-Шанского (1871, 1880, 1900 гг.). Сначала в 1871 г. он разделяет Европейскую Россию на 14 областей (10 сельскохозяйственных, 2 промышленных, Уральское полесье и Крайний Север), подробно описав их. Данная работа предвляла второе районирование, 1880 г., основанное на результатах первой переписи поземельной собственности, проведенной в 1877–1878 гг. под его руководством во время работы в должности директора Центрального статистического комитета. Результаты в виде экономического районирования опубликованы в 1880–1886 гг. в выпусках под названием «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России»¹⁴. В результате 49 губерний, без Финляндии, Польши, Кавказа и Области войска Донского, объединены в 12 областей или районов на основе концентрации земельной собственности в руках крупных помещиков после реформы 1861 г.

В 1900 г. в книге «Россия в конце XIX в.»¹⁵ П. П. Семенов делит всю территорию России на 21 область: к Московской (Верхневолжской) промышленной области добавлена Калужская, к Новороссии — Донская и Ставропольская области; появляется Кавказская область, состоящая из 10 губерний (таблица 2).

Экономическое районирование П. П. Семенова-Тян-Шанского 1880 г. сразу после опубликования стало востребованным и наиболее удачным по всеобщему признанию. Экономическое районирование П. П. Семенова сохранялось в большинстве изданий Центрального Статистического комитета до 1896 г., с 1891 г. было принято также и департаментом земледелия.

Считается, что первые изменения в районирование Семенова-Тян-Шанского П. П. были внесены В. О. Струве в 1884 г. при проведении подсчета данных по первой статистике угодий и культур по результатам анализа распределения земель по угодьям и статистики посевных площадей в крестьянском и помещичьем хозяйстве на основе статистических данных за 1881 г. Эти данные опубликованы в Статистическом временнике Российской империи, серия III, вып. 4¹⁶ (таблица 2).

Промышленное (фабрично-заводское) районирование Д. И. Менделеева (1896)¹⁷, согласно которому территория всей России поделена на 14 краев (районов) — «областей различного хозяйственного характера». К районам (краям) Европейской России относились 12 районов, включая Польский край и Финляндию. Районирование Д. И. Менделеева основано на большом разнообразии и сочетании условий развития промышленности, плотности населения (густоте населения («при

¹³ Дело об изменении статей 10 и 11 Устава о благоустройстве в казенных селениях, Свод. зак. т. XII, относительно наделения землею малоземельных казенных селений. Н.30/VII; В.у. 9/XI; 1855 г. / Департамент Государственной Экономии. 1855. 18 л. (Департамент государственной экономии Государственного совета. Опись № 4. 1855 год).

¹⁴ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1885. Вып. 1, Вып. 8.

¹⁵ Семенов П. П. Общий обзор России в книге: Россия в конце XIX века. СПб., 1900.

¹⁶ Струве В. О. Предисловие и несколько выводов. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. Статистический временник Российской империи. СПб, 1884. Серия 3, вып. 4.

¹⁷ Материалы для торгово-промышленной статистики: Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1893 год. СПб., 1896. С. 20.

редком населении фабрично-заводская промышленность не имеет основных условий широкого развития и возможны разве особо исключительные виды фабрик и заводов»), транспортной доступности («удобстве путей сообщения для вывоза избытков производства и для подвоза сырья»), наличии топливных ресурсов («для промышленного роста необходим избыток легко и дешево получаемого топлива»). Из-за неоднородности размещения промышленных центров возникла идея разделения территории России на области (края) различного хозяйственного характера. Менделеев Д. И. учитывал, что «так как административное деление России на губернии и области, число которых достигает (с Финляндией) до 98, очень дробно, то для обзорности полезно, не удаляясь от административного деления (по которому составляются всякие статистические сведения), группировать все губернии на немногие экономические края, число которых довольно ограничено».

Стоит отметить, что существенно дополняют промышленное районирование Д. И. Менделеева следующие работы. Во-первых, проведенное ревизором департамента неокладных сборов В. Н. Андреевым (1892–1894 гг.)¹⁸, выполненное для целей характеристики винокуренных производств. При группировке винокуренных заводов по отдельным местностям выделены 11 районов (таблица 2), в каждом из которых объединены губернии и области всей России, более или менее однородные между собой по хозяйственным условиям (здесь приведены только районы Европейской России). Основным количественным показателем для выделения таких районов является объем произведенного спирта (в тысячах ведер безводного спирта); а также качественный признак на основе имеющихся ресурсов («запасов») и технические приемы по размерам производства и по роду получаемых продуктов. Указывалось важное значение винокуренной промышленности, которую она получила для России в государственно-экономическом отношении со времени введения питейно-акцизной системы, доставляя государственной казне около 1/3 всех государственных доходов. При этом Андреев В. Н. выделяет и группы районов по отношению к числу и производительности винокуренных заводов в виде двух больших полос — западную и восточную, причем в состав первой входят районы: прибалтийский, северо-западный, юго-западный, малороссийский и польский, а в состав второй — районы: среднечерноземный, среднепромышленный и восточный.

Во-вторых, это районы, отобранные по объемам кустарной обработки дерева и получению побочных продуктов, выделяемые инженером-технологом А. А. Прессом¹⁹ (таблица 2). Здесь основными количественными показателями были: лесистость (отношение общей лесной площади ко всему пространству данной губ. или области); общая площадь лесов (казенных и частных) в тысячах десятин; удобная лесная почва, находящаяся в лесном управлении в тысячах десятин; отношение лесов, находящихся в лесном управлении, к общей площади лесов. Важность этого признака для выделения районов объясняется «значительным богатством некоторых местностей России лесными материалами, обработка дерева является одним из самых распространенных промыслов, занимающих большое число рук и оказывающих экономическое влияние на жизнь народа. Почти вся Россия усеяна множеством крестьянских заведений: экипажных, бочарных, столярных и т. п., снабжающих своими дешевыми и нередко превосходными изделиями соседей, а иногда и местности более отдаленные».

В-третьих, это районы (группы губерний), выделенные по объемам производства спичек также В. Н. Андреевым²⁰ (таблица 2) в соответствии со следующими количественными показателями: средняя годовая заработная плата рабочих вообще и по отдельным фабричным районам в частности; число спичечных фабрик и количество выделанного фосфора (в пудах); количество выделанных спичек. Интерес к спичечному производству во многом объясняется здесь необходимостью производимой продукции (потребностями населения). Развитие производства зажигательных спичек, называемых в XIX в. в народе «серенками» из-за покрытия их концов серой, а потом фосфорной массой, произошло после 1859 г., после принятия закона, в силу которого «выделку и продажу спичек разрешено было производить без особых ограничений, на основании общих постановлений об учреждении фабрик и торговле фабричными продуктами».

¹⁸ Там же. С. 226.

¹⁹ Там же. С. 125–143.

²⁰ Там же. 268–277.

К комплексному районированию стоит отнести и финансово-статистическое районирование (1885–1895), которое совпадает с группировкой губерний, принятой отчетами этого периода времени Департаментов Торговли и Мануфактур и Неокладных Сборов. Наиболее подробно рассмотрено в финансово-статистическом атласе П. А. Антропова²¹. В основу разделения на 12 губерний положен принцип учета количественных (статистических) показателей (таблица 2). Для выделения групп губерний используются следующие показатели: обороты торговых предприятий (в тыс. руб.), прибыль всех торгово-промышленных предприятий (в тыс. руб.; на 1 кв. версту), число рабочих, количество производительных сил (в паровых котлах), сумма годового производства (в тыс. руб.), сумма производства (на 1 душу р. с. и на 1 кв. версту р. с.), число винокуренных заводов, количество выкуренного спирта, местного потребления спирта, средний по губерниям размер душевого потребления вина (в градусах), сахарный, табачный, нефтяной, спичечный доходы (средний в тыс. руб.), средний доход на 1 кв. версту района.

Развитие опытов комплексного экономического районирования в хронологическом порядке представлено в таблице 2.

К третьей группе опытов экономического районирования отнесена большая группа примеров сельскохозяйственного районирования, которых отмечается наибольшее количество. К таким работам можно отнести именно те, где территория Европейской или всей России подразделяется на сельскохозяйственные районы по преобладающей группе используемых количественных показателей, часто в виде статистических данных, имеющих отношение к сельскому населению, хозяйству, землепользованию и землевладению.

При этом сельскохозяйственное районирование часто определяется следующими основными признаками: климат, почвы, распределение земель на угодья (леса, пашни, выгон, неудобья), плотность населения (всего, сельского), % промыслового населения, десятины посева на 1 хозяйство и на 100 душ; средства восстановления естественного плодородия почвы (% пара, % залежи), пропорция выращиваемых культур, рабочее животноводство (коров на 100 десятин с/х площади, на 100 коров), интенсивное животноводство (коров на 100 десятин с/х площади), экстенсивное животноводство (крупнорогатый молодняк на 100 коров).

Сельскохозяйственные районы в этот период времени выделяются Ермоловым А. С., Фортунатовым А. К., Анненским Н. Ф., Кулябко-Корецким Н. Г., Челинцевым А. Н., Скворцовым А. И., Бехтеевым С. С., а также другими.

Далее представлены различные примеры сельскохозяйственного районирования, которое систематизировано в хронологическом порядке в таблице 3.

Сельскохозяйственное районирование Ермолова А. С. (1879–1891), в котором за основу приняты такие признаки, как системы земледелия и специализация на определенных с/х культурах (таблица 3).

Стоит отметить, что это разделение территории Европейской России на районы не совпадает с границами губерний. Вообще при выделении сельскохозяйственных районов начинает появляться именно такая тенденция — выделение районов вне привязки к границам губерний, а чаще всего деление объединяет «родственные» уезды (таблица 3). При этом указывается, что каждому из перечисленных районов «свойственны затем и свои самостоятельные формы, и приемы культур, соответствующие местным условиям и создавшиеся вследствие тех или других требований местного хозяйства...»²².

1. Сельскохозяйственное районирование А. К. Фортунатова, известного в области сельскохозяйственной статистики: «К вопросу о сельскохозяйственных районах»²³ и «Сельскохозяйственная статистика Европейской России» (1892–1893 гг.)²⁴, где на основании изучения большого количества статистических источников предпринимается попытка разделения Европейской России сначала на 4 части по меридиану и параллели Москвы, а затем на 10 «районов полевой культуры»²⁵

²¹ Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России. 1885–1895. СПб., 1898.

²² Ермолов А. С. Организация полевой культуры: Системы земледелия и севообороты / А. С. Ермолов. 2-е изд., знач. доп. и испр. СПб., 1891. С. 17.

²³ Фортунатов А. Ф. К вопросу о сельскохозяйственных районах. Труды Вольного Экономического общества. СПб., 1896. № 5.

²⁴ Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893.

²⁵ Там же. С. 68.

Таблица 2

Сравнительная характеристика экспертных комплексных опытов экономического районирования, появившихся в середине XIX — в начале XX в. (* — район в данном районировании отсутствует) (в таблицу не включены районы Польский и Финляндия)

Семенов-Тянь-Шанский П. П. (1880)	Название района	Губернии, входящие в состав	Архангельская и Вологодская	Новгородская, Санкт-Петербургская, Олонецкая, Псковская	Приозерная (или Озерная)
	Губернии, входящие в состав	Архангельская и Вологодская	Новгородская, Санкт-Петербургская, Олонецкая, Псковская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская
Семенов-Тянь-Шанский П. П. (1900)	Губернии, входящие в состав	Архангельская и Вологодская	Новгородская, Санкт-Петербургская, Олонецкая, Псковская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская
	Губернии, входящие в состав	Архангельская и Вологодская	Новгородская, Санкт-Петербургская, Олонецкая, Псковская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская	Эстляндская, Лифляндская и Курляндская
Струве В. О. (1884): дополнил районирование П. П. Семенова	Название района	Северный край Европейской России	*	Балтийский, Петербургский, край	Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
	Губернии, входящие в состав	Олонецкая, Архангельская и Вологодская	*	Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
Менделеев Д. И. (1896)	Название района	Северный	*	Прибалтийский	Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Псковская и Петербургская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
В. Н. Андреев (1892–1894 гг.): объем выкуренного спирта	Название района	Северные	*	Прибалтийские	Прибалтийские
	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая и Псковская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
В. Н. Андреев (1892–1894 гг.): объем производства спичек	Название района	Северные	*	Прибалтийские	Прибалтийские
	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая и Псковская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
А. А. Пресс: объемы кустарной обработки дерева	Название района	Северная область	*	Балтийско-Петербургская область	Балтийско-Петербургская область
	Название района	Северная	*	Балтийско-Петербургская область	Балтийско-Петербургская область
Губернии, входящие в состав	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая и Псковская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая и Псковская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская
Финансово-статистическое районирование (1885–1895) = Группировка губерний, принятая отчетами Департаментов Торговли и Мануфактур и Неокладных Сборов	Название района	Северная	*	Прибалтийская	Прибалтийская
	Губернии, входящие в состав	Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Псковская	*	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская	Курляндская, Лифляндская и Эстляндская

Московская промышленная, или Верхневолжская	Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская и Нижегородская	Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Калужская	Центральный, или Московский, край	Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская	Среднепромышленный	Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская	Среднепромышленная	Московская – Центральная область	Среднепромышленная	Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская
Центральная земледельческая область	Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская	Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская	Средний хлебный, или Черноземный, край России	Тульская, Орловская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Симбирская и Тульская	Среднечерноземный	Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская и Тамбовская	Среднечерноземная	Средняя черноземная область	Среднечерноземная	Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Саратовская, Симбирская, Пензенская
Приуральская область	Вятская, Уфимская, Оренбургская, Пермская	Вятская, Уфимская, Пермская	Восточный край Европейской России	Вятская, Казанская, Уфимская, Оренбургская, Пермская и Самарская	Восточный	Вятская, Казанская, Оренбургская, Пермская, Самарская и Уфимская	Восточная	Восточная область	Восточная	Вятская, Пермская, Оренбургская, Самарская, Казанская
Нижневолжская область	Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская и Астраханская	Оренбургская, Самарская и Астраханская	*	*	*	*	*	*	*	*
Малороссийская область	Полтавская, Черниговская, Харьковская, Донская и Ставропольская	Полтавская, Черниговская, Харьковская	Малороссийский край	Черниговская, Полтавская, Харьковская	Малороссийский	Полтавская, Харьковская и Черниговская	Малороссийская	Малороссийская область	Малороссийская	Полтавская, Черниговская, Харьковская

(таблица 3): «...сельскохозяйственная география 50 губерний Европейской России за восьмидесятилетие, основанная на массовых (статистических) данных». Признаком определения «районов полевой культуры», или «местностей с преобладанием тех или других полевых растений», являлась специализация на выращивании сельскохозяйственных культур, а именно он отбирал в каждой губернии три культурные растения, которые в 1892 г. занимали на полях наибольшую площадь, а губернии с одинаковыми тремя культурными растениями объединял в районы, внутри районов выделяя группы губерний, имеющие различный порядок тех же полевых культур. В некоторых статьях Фортунатова А. К. встречается разделение Европейской России на 9 районов (1892).

2. Сельскохозяйственное районирование Анненского Н. Ф. (1897), основанное на анализе «условий эксплуатации земель наемным трудом» и на принципе выявления «величины издержек производства хлеба», то есть определения стоимости производства хлебов. Эти 10 районов он выделил в статье «Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах»²⁶, они показаны в таблице 3.

3. Сельскохозяйственное районирование Н. Г. Кулябко-Корецкого (1903) на основе материалов Центрального Статистического комитета²⁷. В результате 65 губерний Европейской России и Западной Сибири (без Финляндии) объединены в 19 районов. Главным признаком для выделения районов послужил объем производства хлеба в губерниях, по соотношению сбора «ведущих хлебов».

4. Районирование А. Н. Челинцева (1904 и 1910 гг.), которое представляет собой «стадии эволюции сельского хозяйства»²⁸, — разделение территории Европейской России на 11 районов (таблица 3).

5. Сельскохозяйственное районирование А. И. Скворцова содержится в одном из его основных трудов «Хозяйственные районы Европейской России»²⁹, где выделено 33 хозяйственных района на основе таких качественных признаков, как выявление и описание схожих физико-географических условий и количественных показателей (населенность (чел. на кв. версту), % городского населения, % пашни по району, лугов и прочей удобной земли, неудобной земли и т. д., по данным 1906–1907 гг.). Стоит отметить, что районирование Скворцова, так же как и у Ермолова (1874), не совпадает с границами губерний и границы районов определены по уездам. Сельскохозяйственные районы Скворцова (1907): Белорусское полесье, Белорусско-малорусская лесостепь, Верхневолжский лесной, Витебско-Тверское полесье, Волго-Донской степной, Волжско-Сурский черноземный, Горный крымский, Донецкий горнопромышленный, Заволжский степной, Заволжское (Камско-Волжское) предстепье, Зауральский земледельческий, Каменистая тундра, или Лапландия, Камско-Вятский земледельческий, Литовский, Новороссийский степной, Песчано-солончаковый прикаспийский, Петербургский подстоличный, Петербургско-Вологодское полесье, Пинское Полесье, Прибалтийский, Приозерный, Присурский лесной, Северодвинский таежный, Североуральский, Среднеуральский горнозаводской, Тундра, Холмско-Бельское Полесье, Центральный земледельческий нечерноземный, Центральный промышленный подмосковный, Центральный черноземный великорусский, Центральный черноземный малорусский, Юго-Западный Нечерноземный лесолуговой, Юго-западный черноземный, Южноуральский.

6. Сельскохозяйственное районирование С. С. Бехтеева (1906 г.)³⁰, изложенное в его основном труде «Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия». Вопрос «земельный», где районы объединены в макрорегионы (группы районов) — полосы по принципу плодородия сельскохозяйственных земель, а определение самих хозяйственных районов основано на количественных показателях распределения земель по разного рода угодьям, размерам мужского душевого надела пахотной земли по площадям, размерам надельного земельного обеспечения крестьянских дворов, площадям надельной, пахотной крестьянской земли под паром, залежами, подсеками и т. п., под озимыми и яровыми посевами, под сенокосом, посевная площадь на м. д., количество раб. лошадей на 100 дес. пахотной земли и т. д. (таблица 3).

²⁶ Анненский Н. Ф. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 1. С. 157–235.

²⁷ Кулябко-Корецкий Н. Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1903.

²⁸ Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии: СПб., 1910. С. 129.

²⁹ Скворцов А. И. Хозяйственные районы Европейской России. СПб., 1914.

³⁰ Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. Т. 2. СПб., 1906.

Таблица 3

Сравнительная характеристика опытов сельскохозяйственного районирования, появившихся в середине XIX — в начале XX в.

Сельскохозяйственное районирование Ермолова А. С. (1891)	Сельскохозяйственное районирование А. К. Фортунатова. Перечень «районов полевых культур» (1894)	Сельскохозяйственное районирование Анненского Н. Ф. (1897)	Сельскохозяйственное районирование Н. Г. Кулябко-Корецкого (1903)	Сельскохозяйственные районы Челинцева А. Н. (1910)	Сельскохозяйственное районирование Бехтева С. С.
<p>1. Лесопольный район. Архангельская, Олонецкая, Вологодская и отдаленные уезды Новгородской, Костромской, Вятской и Пермской губерний</p> <p>2. Район залежной системы. Оренбургская, Самарская, Астраханская губернии, Уральская, Уфимская, Терская, Кубанская области, Войска Донского, части Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний</p> <p>3. Льняной район. Псковская, Витебская, Новгородская и части губерний Ярославской, Костромской, Вологодской, Тверской, Смоленской, Курляндской и др.</p> <p>4. Области с преобладающим значением скотоводства. С.-Петербургская, Лифляндская, Эстляндская, Курляндская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Могилевская, Московская, Калужская губернии и часть Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Тульской губерний</p>	<p>1. Ржано-овсяно-ячменный. Виленская, Витебская, Вологодская, Вятская, Калужская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Олонецкая, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Лифляндская, Архангельская губернии</p> <p>2. Ржано-овсяно-пшеничный. Волынская, Нижегородская, Пермская, Сибирская, Уфимская, Воронежская, Киевская, Саратовская, Подольская и Оренбургская губернии</p> <p>3. Ржано-овсяно-картофельный. Гродненская, Минская, Московская, Новгородская, Орловская, Тульская, Ярославская губернии</p> <p>4. Ржано-овсяно-зрещиный. Владимирская, Казанская, Пензенская и Черниговская губернии</p> <p>5. Ржано-пшенично-ячменный. Полтавская, Харьковская, Таврическая, Екатеринославская, Херсонская губернии и Донская область</p> <p>6. Ржано-овсяно-просяной. Тамбовская, Рязанская губернии</p>	<p>1. Южно-степной, или Новороссийский. Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского</p> <p>2. Юго-западный. Киевская, Подольская, Волынская.</p> <p>3. Центральное-земледельческий, или Северный черноземный. Курская, Орловская, Черниговская, Тульская, Тамбовская, Рязанская</p> <p>4. Среднее Поволжье. Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская</p> <p>5. Средний Черноземный. Харьковская, Полтавская, Воронежская</p> <p>6. Нижневолжский и Заволжский. Самарская, Саратовская, Уфимская</p> <p>7. Промышленный район. Московская, Ярославская, Владимирская,</p>	<p>1. Северный ячменный район. Архангельская губерния</p> <p>2. Северный ржано-овсяно-картофельный район. Олонецкая и Вологодская губернии</p> <p>3. Приозерный ржано-овсяно-картофельный. С.-Петербургская и Новгородская губернии</p> <p>4. Центральные ржаной район включает 15 центральных губерний и разделяется на 6 следующих полос: а) Северо-западная ржано-овсяно-ячменная полоса: Псковская и Смоленская губернии; б) Центральная ржано-овсяно-картофельная полоса: Калужская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская и Нижегородская губернии; в) Северо-восточная и ржано-овсяно-ячменная полоса: Костромская и Вятская губернии; г) Казанская ржано-овсяно-пшеничная полоса: Казанская губерния; д) Приурская ржано-овсяно-просяная полоса: Симбирская, Пензенская и Тамбовская губернии; е) Восточная ржано-овсяно-пшеничная полоса: Уфимская губерния</p> <p>5. Прибалтийский картофельно-ржано-ячменный район. Эстляндская губерния</p>	<p>1. Многозотный-малосвиный-малоовечий-плодосменный. Губернии Царства Польского.</p> <p>2. Паратравопольный-многозотный-плодосменный-многоовечий-малоовечий. Литовско-Белорусские губернии.</p> <p>3. Многозотный-малоовиный-малоовечий-паротравопольный-многозотный-плодосменный Подмоскотно-промышленные области: Московская, Владимирская, Ярославская, Калужская, Петербургская</p> <p>4. Паратравопольный-малокартофельный-льняной-многозотный-малоовиный-малоовечий. Псковская, Тверская, Смоленская губернии;</p> <p>5. Многозотный-многоовиный-малоовечий-плодосменный-травопольный. Прибалтийские губернии</p> <p>6. Плодосменно-паровой-многозотный-малокартофельный-малоовечий. Юго-западные губернии: Подольская, Киевская, северные уезды Бессарабской губернии и южные уезды Волынской губернии</p> <p>7. Интенсивно-паровой-трехпольный-многозотный-многоовечий-малокартофельный. Черноземные губернии: Курская,</p>	<p>А. Черноземная полоса.</p> <p>1. Центральная земледельческая. Курская, Орловская, Тульская, Рязанская Тамбовская, Воронежская</p> <p>II. Средневолжская. Саратовская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Нижегородская, Уфимская</p> <p>III. Нижневолжская. Самарская, Оренбургская, Астраханская</p> <p>IV. Новороссийская. Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская Донская</p> <p>V. Юго-западная. Подольская, Киевская, Волынская</p> <p>VI. Малороссийская. Харьковская, Черниговская, Полтавская</p> <p>Б. Нечерноземная полоса.</p> <p>1. Промышленная. Владимирская, Московская, Калужская, Тверская,</p>

<p>5. <i>Области преобладающей зерновой культуры:</i> а) район преобладающего господства трехполюя; б) район улучшенной залежной, или многопольно-травняной, выгонной системы. Тульская, Рязанская (черноземная часть), Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Нижегородская, Казанская, Орловская, Курская, Черниговская и части губерний: Саратовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Киевской, Подольской, Вольнской;</p> <p>в) район преобладающего господства трехполюя. Саратовская, Самарская, Воронежская, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Херсонская, за исключением тех частей этих губерний, которые должны быть отнесены к предыдущим</p> <p>6. <i>Севекловичный район.</i> Части губерний Курской, Харьковской, Черниговской, Киевской, Подольской и Вольнской</p> <p>7. <i>Табачный район по нескольким уездам «малороссийских табачных» губерний:</i> Тульской, Рязанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Воронежской</p>	<p>7. <i>Пшенично-ржано-просяной.</i> Астраханская и Самарская</p> <p>8. <i>Ржано-овсяно-льняной.</i> Псковская губерния</p> <p>9. <i>Ржано-ячменно-картофельный.</i> Эстляндия</p> <p>10. <i>Пшенично-кукурузно-ячменный.</i> Бессарабия</p> <p>Костромская, Тверская, Смоленская и Калужская. Промышленный район Анненский разделен на два подрайона — западный и восточный</p> <p>8. <i>Северо-западный, или Приозерный.</i> Петербургская, Новгородская, Псковская</p> <p>9. <i>Западный.</i> Ковенская, Виленская, Минская, Витебская и Могилевская</p> <p>10. <i>Прибалтийский.</i> Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии</p>	<p>6. <i>Прибалтийский ржано-овсяно-ячменный район.</i> Лифляндская, Курляндская, Ковенская и Витебская губернии</p> <p>7. <i>Северо-западно-центральный ржано-овсяно-картофельный район.</i> Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Черниговская, Курляндская, Орловская, Тульская и Могилевская губернии</p> <p>8. <i>Польский ржано-картофельно-овсяный район.</i> Сувалкская, Ломжинская, Плоцкая, Седлецкая, Варшавская и Калишская губернии</p> <p>9. <i>Польский картофельно-ржано-пшеничный район.</i> Петраковская, Келецкая, Радомская и Люблинская губернии</p> <p>10. <i>Юго-западный ржано-овсяно-пшеничный район.</i> Вольнская и Киевская губернии</p> <p>11. <i>Юго-западный пшенично-ржано-овсяный район.</i> Подольская губерния</p> <p>12. <i>Малороссийский ржано-пшенично-ячменный район.</i> Полтавская и Харьковская губернии</p> <p>13. <i>Юго-восточный ржано-пшенично-овсяный район.</i> Воронежская, Саратовская и Самарская губернии</p> <p>14. <i>Северо-восточный ржано-овсяно-пшеничный район.</i> Пермская губерния</p> <p>15. <i>Бессарабский кукурузно-пшеничный район.</i> Бессарабская губерния</p> <p>16. <i>Южный пшенично-ячменно-ржаной район.</i> Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии и Донская область</p> <p>17. <i>Юго-восточный пшеничный район.</i> Кубанская, Ставропольская, Астраханская и Оренбургская губернии</p> <p>18. <i>Юго-восточный просяно-кукурузный район.</i> Терская область</p>	<p>Орловская, Черниговская, Тульская, Рязанская, Полтавская</p> <p>8. <i>Экстенсивно-паровой-трехпольный-многоовечий-малосвиный-малоскотный.</i> Черноземные губернии: Тамбовская, Пензенская, Саратовская (сев. пол.), Симбирская, Нижегородская, Казанская и нечерноземные: Вятская и Костромская</p> <p>9. <i>Пестропольный-залежный-многоовечий-малосвиный-малоскотный.</i> Екатеринославская, Херсонская, юг Бессарабской, Харьковской, Воронежская, юг Саратовской, юг Полтавской губерний</p> <p>10. <i>Многоскотный-многоовечий-малосвиный-целинный-залежный.</i> Таврическая, Донская, Кубанская, Ставропольская, Терская, Астраханская, Самарская (более на юге), Оренбургская, Уфимская</p> <p>11. <i>Многоскотный-малоовечий-малосвиный-северно-залежный-паровой.</i> Олонецкая, Вологодская, Пермская, Новгородская (более вост. и сев. ее часть)</p>	<p>Ярославская, Костромская</p> <p>II. <i>Белорусская.</i> Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская</p> <p>III. <i>Литовская.</i> Виленская, Ковенская, Гродненская</p> <p>IV. <i>Приозерная.</i> Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая</p> <p>V. <i>Прибалтийская.</i> Лифляндская, Курляндская, Эстляндская</p> <p>VI. <i>Приуральская.</i> Вятская, Пермская</p> <p>VII. <i>Северная.</i> Вологодская, Архангельская</p>
---	---	---	--	--

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Проведена систематизация малоизученных и малоиспользуемых опытов экономического районирования на основе изучения первоисточников дореволюционного периода (с середины XIX по начало XX в.). На основе этого выявлены особенности формирования и эволюции типов хозяйственного районирования в этот период времени с помощью анализа исторических статистических источников и выделены группы опытов экономического районирования: частное районирование, комплексное экономическое экспертное районирование, сельскохозяйственное статистическое районирование. По каждой группе выявлены основные и вспомогательные признаки и показатели для выделения и определения районов.

Примеры комплексного экономического и сельскохозяйственного районирования систематизированы в хронологическом порядке. Определены основные принципы частного хозяйственного районирования, когда выделение губерний на районы происходит исходя из принципов плодородия или величины земельного надела на 1 мужскую душу. Промышленное районирование дополнено делением на районы исходя из группировки винокурных заводов, по объемам кустарной обработки дерева, по объемам производства спичек. Определена важность использования этих экономических и статистических показателей для выделения и определения хозяйственных районов.

В начале XX в. начинает преобладать статистическое районирование (сначала финансово-статистическое, затем сельскохозяйственное и комплексное), основанное на статистических количественных показателях. В дальнейшем появляются проекты территориального районирования, которые, по сути, являются прообразом территориального планирования (Районы товарного мукомолья. Рихтер Д. И., 1908 г.)³¹.

По итогу анализа различных схем экономического районирования можно утверждать, что четко определяется, во-первых, комплексное экономическое экспертное районирование (П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев), выполненное по группе показателей, признаков и характеристик, которые объединяют губернии в один район, но набор этих признаков не выдержан; во-вторых, сельскохозяйственное статистическое — на основе выявления и анализа статистических данных (по группе показателей и параметров); в-третьих, частное районирование, использующее за основу один показатель (принцип).

Кроме того, выделяются типы районирования по разорванности кластера (районирование может быть инструментальным):

Типологическое, когда кластер оказывается разорванным исходя из выявления сходных по одному или группе признаков территорий; например, по показателю среднего надела пахотной земли (финансово-статистическое, экономическое, сельскохозяйственное), районы с одинаковыми признаками получают разорванными, располагаются в разных частях и территориально разобщены³².

Индивидуальное, когда все губернии в одном районе (кластере): все части района соприкасаются друг с другом, индивидуальных районов большинство и все районы такого типа обладают единством территории³³.

References

Faibusovich E. L., Gerasimenko T. I. *Regionalistika. Kurs lektsiy. 2-ye izd., ispr. i dop.* [Regionalistics. Lecture Course. 2nd ed., Correct. and Expand.]. Orenburg: OGU Publ., 2010. (In Russian).

Izumova O. N., Berger Yu. A. [Historical Aspect of Economic Zoning in Russia]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)* [Baikal Research Journal], 2015, vol. 6, no. 3, p. 36. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).36 (In Russian).

Knipovich B. N. *K metodologii rayonirovaniya* [On the Methodology of Regionalization]. Moscow: Trilobite Publ., 2003. (In Russian).

Neizvestnyye i maloizvestnyye stranitsy otechestvennogo rayonirovaniya [Unknown and Little-Known Pages of Domestic Regionalization]. Moscow: LENAND Publ., 2006. (In Russian).

³¹ Рихтер Д. И. Проект разделения России на районы товарного мукомолья. СПб., 1908.

³² Файбусович Э. Л., Герасименко Т. И. Регионалистика. Курс лекций. Оренбург, 2010. С. 18.

³³ Там же.

Shuvalov V. E. [Regionalization in Russian Socio-Economic Geography: Development Directions]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2015, no. 3 (49), pp. 19–29. (In Russian).

Smirnyagin L. V. *Rayonirovaniye obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika (na materialakh SShA): Avtoref. dokt. diss.* [Zoning of Society: Theory, Methodology, Practice (Based On Materials from the USA): Abst. Diss. Doc.]. Moscow, 2005. (In Russian).

Valskaya B. A. [Review of Experiences in Zoning Russia since the End of the 18th century until 1961]. *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Moscow: Nauka Publ., 1950, iss. 17, pp. 139–201. (In Russian).

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ

УДК 94(914):316.35

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-74-81

Балабейкина Ольга Александровна

к.г.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, Санкт-Петербург)

ORCID: 0000-0001-9520-8880

E-mail: olga8011@yandex.ru

Кузнецова Юлия Антоновна

магистрант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

ORCID: 0000-0001-5818-2714

E-mail: julieak@yandex.ru

Социальная роль религиозной организации: историко-социологический аспект (кейс Римско-Католической Церкви Филиппин)

АННОТАЦИЯ. Предмет исследования — историко-социологический аспект изучения особенностей проявления и степени влияния Римско-Католической Церкви (РКЦ) на социальные процессы на Филиппинах. Цель исследования — на примере Римско-Католической Церкви Филиппин выявить роль преобладающего в стране религиозного института в функционировании социальной сферы, восходящей к периоду его зарождения в пределах рассматриваемой территории. В статье рассматриваются проявления социальных функций религиозных организаций (на примере РКЦ Филиппин) как на национальном, так и на региональном уровнях. История распространения католичества на Филиппинах насчитывает более 500 лет. За это время была сформирована уникальная для Азиатско-Тихоокеанского региона модель функционирования конфессионального пространства, в которой РКЦ Филиппин играет важную роль в обеспечении социального благополучия и духовного развития филиппинского народа. В результате исследования удалось выявить роль РКЦ в осуществлении важной социальной деятельности, заключающейся в преодолении проблем общественной сферы страны и содействии ее дальнейшему развитию. То есть РКЦ — один из институтов, оказывающих существенную поддержку государству в реализации основных направлений социальной политики, отвечая на запросы современного общества. Филиппины являются уникальным примером страны не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, но и мира, где по-прежнему многие социальные проявления жизнедеятельности населения базируются на ценностных ориентирах, обрядовых и вероучительных установках Римско-Католической Церкви, которые восходят к периоду ее зарождения в пределах рассматриваемой территории и никогда не прерывались.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозные организации, РКЦ Филиппин, социальная политика, историко-географический аспект

CONFESSIONAL GEOGRAPHY

UDC 94(914):316.35

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-74-81

Olga A. Balabeikina

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics (Russia, St. Petersburg)

ORCID: 0000-0001-9520-8880

E-mail: olga8011@yandex.ru

Julia A. Kuznetsova

Master's Student, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

ORCID: 0000-0001-5818-2714

E-mail: julieak@yandex.ru

The Social Role of a Religious Organization: A Historical and Sociological Aspect (The Case of the Roman Catholic Church of the Philippines)

ABSTRACT. The subject of the research is the historical and sociological aspect of studying the features of the manifestation and degree of the Roman Catholic Church (RCC) influence on social processes in the Philippines. The purpose of the research is to use the example of the Roman Catholic Church of the Philippines to identify the role of the predominant religious institution in the country in functioning of the social sphere dating back to the period of its inception within the territory under consideration. The article examines the manifestations of the social functions of religious organizations (on the example of the Philippines RCC) both at the national and regional levels. The history of the spread of Catholicism in the Philippines has more than 500 years. Over this time, a unique model for the functioning of the confessional space has been formed in the Asia-Pacific region, in which the RCC of the Philippines plays an important role in ensuring the social well-being and spiritual development of the Filipino people. The research made it possible to identify the role of the RCC in the implementation of important social activities, which consists in overcoming the problems of the country's public sphere and promoting its further development. That is, the RCC is one of the institutions that provide significant support to the state in the implementation of the main directions of social policy, responding to the needs of modern society. The Philippines is a unique example of a country not only for the Asia-Pacific region, but also for the world, where many social manifestations of the population's life are still based on the value orientations, ritual and dogma of the Roman Catholic Church, which date back to the period of its inception within the territory under consideration and never stopped.

KEYWORDS: religious organizations, RCC of the Philippines, social policy, historical and geographical aspect

Общественно-политические трансформации конца XX — начала XXI вв. привнесли существенные изменения в жизнь социума. В свою очередь, возникла необходимость научного осмысления этих изменений, которая обусловила расширение охвата предметных областей, вовлекаемых в научный оборот. Это в большой мере коснулось историко-церковных¹ и регионально-конфессиональных исследований, поскольку, начиная с 1990-х гг., в пределах России и ее отдельных административно-территориальных образований фиксируется рост числа объектов культурной инфраструктуры², расширяется перечень официально зарегистрированных религиозных организаций³, актуализируется экономическая и социальная роль последних^{4,5}.

На современном этапе развития отечественной и зарубежной науки конфессиональная география, или география религий, характеризуется как актуальное междисциплинарное научное направление. В ретроспективном аспекте чаще всего в ее исследованиях освещаются вопросы церковно-территориальной организации⁶, а также особенностей распространения объектов культурной инфраструктуры, в том числе на локальном уровне⁷. Но научные работы, в содержании которых анализируется влияние самых распространенных религий и конфессий на общественные и экономические процессы, встречаются довольно редко.

Между тем в современных реалиях этот аспект очень важен, т. к. в России наблюдается процесс восстановления прерванных революционными событиями социально значимых взаимоотношений Церкви и государства. Для формирования их конструктивной модели имеет смысл обратиться к зарубежному опыту.

В столь важной сфере, как социальная политика, в ряде иностранных государств, причем светских по Конституции, сохраняется роль института Церкви. Под социальной политикой в современном научном обороте предлагается понимать «инструмент, позволяющий создать условия для самореализации всех граждан страны, сохранить ее культурные и исторические ценности, и как один из ведущих направлений стратегии развития государства, концепции социального развития»⁸. Социальная политика, реализуемая на национальном и региональном уровнях, преследует следующие цели: обеспечение социального развития в стране и ее регионах для удовлетворения социальных потребностей, достижение высокого уровня здоровья и качества жизни населения. Говорить о значении религиозных институтов в реализации социальной политики можно уже потому, что их цели и задачи (в рамках представленного исследования подразумеваются конфессии христианства) коррелируют с заявленными целями социальной политики. Но в каждом конкретном государстве степень активности проявления этой роли зависит от целого ряда факторов — исторических, политических, этнокультурных, экономических и др. В странах, где взаимоотношения между религиозными организациями и государством выстраиваются на конструктивной правовой основе и результативном взаимодействии, значение религиозных институтов в социальных процессах очень высоко, а реализация социальной политики предполагает обязательное их участие в ней⁹.

¹ Перетяtko A. Ю. Методика преподавания, основанная на религии: к вопросу о преподавании Закона Божьего в Российской империи // История и историки в контексте времени. 2023. № 32 (1). С. 3–21.

² Дементьев В. С. Территориальное устройство русской православной церкви Северо-Запада России в советский и постсоветский периоды // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 68–79.

³ Дементьев В. С., Кроток Р. Н. Территориальное устройство Русской Православной Церкви в России в постсоветский период // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 3. С. 56–70.

⁴ Абдусатторов А. А. Маркетинговые инструменты повышения привлекательности Республики Татарстан в аспекте развития религиозного туризма // Актуальные проблемы социэкономии в XXI веке: Сборник статей научных докладов по итогам XIV Международной научной конференции студентов и молодых ученых. М., 2022. С. 19–23.

⁵ Балабейкина О. А., Дмитриев А. Л., Солодянкина Е. И. Религиозный институт как составляющая социальной и экономической сферы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9. С. 119–129.

⁶ Костромин К. А. Псковская архимандрития в конце XV в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 140–148.

⁷ Коряковский А. А. История локализации Трифонов-Печенгского монастыря в конце XIX — начале XX веков // Христианское чтение. 2020. № 4. С. 260–269.

⁸ Полушкина Т. М. Социология управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2019.

⁹ Шведова В. В. Становление географии религий как научной дисциплины в общественно-географической познавательной области // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2015. № 4 (21). С. 113–124.

Пристального внимания исследователя в рамках изучения проявлений социальной функции религиозной организации заслуживает государство Филиппины — демографический центр католичества в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁰.

Правительство названного государства с конца XIX в. гарантирует свободу вероисповедания по закону и поддерживает ее реализацию на практике. Это право граждан закреплено и защищено и в статье III раздела V Конституции Республики Филиппины 1987 года. При этом мажоритарным религиозным институтом в стране является РКЦ Филиппин — доля ее адептов составляет более 80 % от общей численности населения.

История распространения католичества на Филиппинах начинается в XVI в., когда испанцы достигли побережья архипелага, имея в приоритете две цели. Первая касалась обеспечения торговли пряностями, а вторая была связана с христианской миссией. Следствием успешной диффузии католических ценностей стало отделение архипелага от индонезийской историко-этнографической области и иной модели развития религиозной культуры населяющих его народов, отличной от других стран Юго-Восточной Азии¹¹.

Официально начало миссионерской деятельности РКЦ на Филиппинах датируется 1521 г. В месте под названием Себу (ныне один из крупнейших городов страны) впервые появились структуры Испанской Католической Церкви, постепенно распространявшей свои религиозные ценности среди населения архипелага. Организованная программа католической христианизации населения Филиппин осуществлялась разными монашескими орденами. Она была начата в 1565 г. августинцами. За ними последовали францисканцы (1578 г.), иезуиты (1581 г.), доминиканцы (1587 г.) и августинцы (1606 г.), прибывавшие из Испании и Мексики.

Распространение католичества, постепенное появление церковных приходов потребовало со временем церковно-административного оформления структурных элементов конфессионального пространства. К концу XVI в. появились первые церковные территориальные единицы регионального уровня, управляемые епископами. Митрополия Манила была провозглашена как мексиканская суфражитская епархия 6 февраля 1579 г. Папой Григорием XIII на основании апостольской конституции *Illius fulti praesido*, затем 14 августа 1595 г. Папа Климент VIII возвел епархию в статус Архиепископии и создал три новые епархии в качестве суфражиток Манилы: Нуэва-Касерес, Нуэва-Сеговия и Себу.

Со временем РКЦ получила сплошной ареал распространения на территории Филиппин, оформившись в религиозный институт со сложной территориально-организационной структурой, состоящей из соподчиненных единиц разного таксономического ранга (от низового, то есть приходов, до митрополий, объединяющих несколько епархий) и оказывающей влияние на жизнь общества на национальном и региональном уровнях.

Выделение епархий происходило по мере насыщения территории приходами, что свидетельствует о постоянном росте приверженцев католичества в стране. Следует отметить, что структуры государственного АТД Филиппин и церковно-административного деления РКЦ в существенной мере совпадают (*см. цв. вклейку, рис. 10*). Такой элемент характеристики АТД способствует конструктивному взаимодействию Церкви и государства, существенно облегчает его, в том числе в сфере реализации социальной политики.

В процессе евангелизации местного населения Филиппин испанскими миссионерами происходило объединение разрозненных клановых деревень в более крупные общины, что предполагало постепенные радикальные изменения в ментальности и образе жизни населения, т. к. католичество выступало теперь для него культурной доминантой и выполняло консолидирующую роль. Обучение велось на родных языках, так как немногие филиппинцы за пределами района Интрамурос, старейшей исторической части современного столичного города Филиппин — Манилы, когда-либо могли читать, писать или говорить по-испански. Католичество постепенно стало неотъемлемой частью культуры филиппинцев, заменив традиционные культы литургической обрядностью и связав их календарную обрядность и обрядность жизненного цикла с церковным календарем.

¹⁰ Мязин Н. А. Филиппины — оплот католицизма в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 193–205.

¹¹ Hermida R. B. The Catholic Church in the Philippine public sphere // *Kritika Kultura*. 2015. № 24. С. 28–45.

Образование населения и его социальная защита были почти полностью делегированы Церкви на протяжении всего периода испанского владычества.

Заслуживают внимание результаты: к концу XVI в. в Маниле были открыты три больницы, причем отдельные для испанцев, коренных жителей и китайцев. Первые две управлялись францисканцами, третьи — доминиканцами. В 1611 г. госпитальеры святого Иоанна Божьего также основали свое больничное служение на Филиппинах.

Уделялось внимание и образованию: в 1595 г. иезуиты открыли гимназию для испанских мальчиков, а в 1611 г. представителями доминиканского католического монашеского ордена был основан Католический университет Санто-Томас, который и на сегодняшний день остается одним из ведущих образовательных центров Филиппин. В 1640 году был образован католический колледж Сан-Хуан-де-Летран. В XVII–XVIII вв. в Маниле получили развитие католические объединения, миссия которых в основном заключалась в образовании девочек. В рамках обозначенного направления в 1684 году известная своей ролью в развитии социально-церковного служения филиппинская монахиня Игнасия дель Эспириту-Санто основала первый религиозный институт для обучения коренных жительниц, получивший название Конгрегация религиозных деятелей Девы Марии (PBM).

Значительные средства, необходимые для поддержки учебных заведений, больниц и благотворительных организаций, поступали за счет частных пожертвований; их часто вкладывали и в торговлю галеонами — морскими парусными судами или в крупные сельскохозяйственные поместья, так называемые монашеские земли. В то же время монашеские земли сдавались в аренду земледельцам-арендаторам для развития и управления, что приводило к частым конфликтам интересов и растущему негодованию Церкви как землевладельца. Это способствовало возникновению антиклерикальной реакции, которая начала развиваться в конце XIX в. среди приверженцев католичества.

Итак, за пять веков своего существования на Филиппинах РКЦ приобрела очень густую сеть приходов, высокую долю и численность адептов. Также можно констатировать, что религиозная организация оставила существенный социальный след за счет основанных под ее началом учреждений образования и здравоохранения. На сегодняшний день роль Римско-Католической Церкви в жизни населения страны также неоспоримо высока, что подтверждается официальными статистическими данными, отражающими степень участия населения в религиозных обрядах и таинствах¹².

РКЦФ по-прежнему играет важную роль в обеспечении социального благополучия и духовного развития филиппинского народа. Это находит прямое отражение в сфере образования. Католическая церковь участвует в образовании на всех уровнях, но обучение в ее учреждениях не финансируется государством и осуществляется на коммерческой основе. При этом оно считается качественным. Поэтому семьи, составляющие так называемый средний общественный класс, терпят существенные материальные затраты, чтобы обеспечить получение качественного образования своим детям. Надо отметить, что на Филиппинах, если сравнивать возрастные группы населения страны, самый высокий уровень грамотности наблюдается среди молодежи в возрасте 15–24 лет и составляет 97,9 %¹³. Обучение на Филиппинах осуществляется на двух языках — английском и тагальском.

Участие РКЦ Филиппин в реализации социально ориентированных целей прослеживается не только в сфере образования и осуществляется как на национальном, так и на региональном уровнях.

Из-за установившихся доминирующих политических и экономических практик одним из маркеров, характеризующих уровень жизни населения страны, выступает социальное неравенство.

РКЦ, направляя свою деятельность в пользу изменения такой общественно несправедливой ситуации, выносила обсуждение данного вопроса на Конференцию католических епископов

¹² Балабейкина О. А., Кузнецова Ю. А. Влияние религии на социальные и экономические аспекты жизнедеятельности (на примере римско-католической церкви Филиппин) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 58–72.

¹³ Gutiérrez A. Catholic Schools in the Philippines: Beacons of Hope in Asia // International Handbook of Catholic Education: Challenges for School Systems in the 21st Century. 2007. P. 709–723. URL: https://www.researchgate.net/publication/227283925_Catholic_Schools_in_the_Philippines_Beacons_of_Hope_in_Asia (accessed: 15.11.2022).

Филиппин (СВСП). История обозначенной церковной организации национального уровня начинается с 1945 г. и продолжается по настоящее время. За этот период ее работа имеет много результативных проявлений. Так, на Конференции 1997 г. были решены важные социальные вопросы, касающиеся филиппинского католического общества и социального положения каждого гражданина страны. Также было затронуто такое важное понятие, как интегральное развитие, которое подразумевает социальное развитие посредством участия населения в принятии правительственных общественно важных решений, а также их равенство во всех сферах жизни. И, что немало важно, тогда же социальная ответственность была обозначена как основа взаимодействия РКЦ и государства на Филиппинах.

Одной из церковно-административных территориальных единиц, в пределах которой прослеживается особенно высокое влияние РКЦ на жизнь общества, в том числе за счет густоты сети приходов, является митрополия Манила. Здесь активно реализуются различные программы, направленные на оказание помощи бедным слоям населения в важнейших сферах жизни общества — образование, здравоохранение, оказание материальной помощи малоимущим, а также детям, оставшимся без попечения родителей, защита окружающей среды. Так, за счет средств, выделяемых митрополией Манила, оказывается разнообразная помощь, в том числе и материальная, людям, пострадавшим во время стихийных бедствий и катастроф. Ярким примером ее осуществления является участие митрополии в реализации трехлетней программы реабилитации после тайфуна Хайян, произошедшего в ноябре 2013 г. Эта программа, запущенная в 2017 г., направлена на обеспечение гуманитарной помощи пострадавшим.

В митрополии Манила действует еще одна долгосрочная социальная программа, направленная на устойчивое сельскохозяйственное развитие, где уделяется особое внимание решению проблем, связанных с климатическими условиями и производством продуктов питания. Это, в свою очередь, способствует сокращению масштабов нищеты, поддерживая низкокзатратные технологии производства сырья для повышения доходов семей и продовольственной безопасности.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в Манильской митрополии реализуются мероприятия, направленные на защиту окружающей среды. К таковым можно отнести проведение конкурса литературных произведений, посвященных экологической проблематике и единому дню очистки береговой линии от бытового мусора и иных загрязнений. Также митрополия спонсирует молодежные тренинги, ориентированные на оказание помощи в решении разнообразных социальных проблем.

Прослеживается также взаимодействие Церкви и государства в период пандемии. Приняв во внимание «сигнал бедствия народу» от передовых медицинских служб страны, глава митрополии Манила немедленно заявил, что ни один из приходов, находящихся под ее юрисдикцией, не будет проводить общественных мероприятий до снятия официальных ограничений, в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). Представители других епископий РКЦ также декларировали, что не будут проводить публичных религиозных мероприятий, но продолжат свою деятельность в онлайн формате. Кроме того, епископы, возглавляющие диоцезы, входящие в состав митрополии Манила, обращались в Министерство труда и занятости для предоставления финансовой помощи всем пострадавшим в результате возникшего кризиса на рынке труда.

Итак, насчитывая более чем 500-летнюю историю распространения, Римско-Католическая Церковь сохраняет высокую степень влияния на общественные процессы в стране. Пример данной религиозной организации подтверждает, что существенная социальная роль религиозного института в случае, если для этого имеются исторические, политические, общественные предпосылки, отражается на многочисленных примерах. На практике это проявляется в реализации целевых установок вероучительной доктрины христианской религиозной организации.

Для успешного взаимодействия РКЦ и государства в области реализации целей социальной политики существенным является тот факт, что системы АД страны и церковно-административного деления ее мажоритарной религиозной организации во многом совпадают. Это демонстрирует достаточную степень однородности региональной структуры и способствует эффективному управлению территорией, а также облегчает урегулирование вопросов, предполагающих сотрудничество между двумя ведущими социальными институтами — государством и Церковью.

Одной из церковных территориальных единиц макрорегионального уровня, где прослеживается особенно высокое влияние РКЦ на жизнь общества, в том числе за счет густоты сети приходов, является митрополия Манила, которая реализует различные программы, направленные на оказание помощи социально незащищенным слоям населения в важнейших сферах функционирования общества — образовании, здравоохранении, оказании помощи малоимущим, а также детям, оставшимся без попечения родителей, защите окружающей среды.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что на Филиппинах как на национальном уровне, так и на региональном уровне РКЦ осуществляет важную социальную деятельность и играет огромную роль в социальной политике страны, преодолевая проблемы жизни общества и содействуя дальнейшему развитию. Существенным является тот факт, что традиции, связанные с непосредственным деятельным участием мажоритарной религиозной организации в обеспечении социальных нужд населения, восходят к периоду ее зарождения в пределах рассматриваемой территории и никогда не прерывались.

References

Abdusattorov A. A. [Marketing Tools for Increasing the Attractiveness of the Republic of Tatarstan in the Aspect of Developing Religious Tourism]. *Aktual'nyye problemy sotsioekonomiki v XXI veke: Sb. statey nauch. dokladov po itogam XIV Mezhdunar. nauch. konf. studentov i molodykh uchenykh* [Current Problems of Socio-Economics in the 21st Century: Collection of Articles of Sci. Reports on the Results of the 14th International Sci. Conf. of Students and Young Scientists]. Moscow: OOO "Rusayns" Publ., 2022, pp. 19–23. (In Russian).

Balabeykina O. A., Dmitriev A. L., Solodyankina E. I. [Religious Institution as Part of Social and Economic Sphere]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2022, vol. 66, no. 9, pp. 119–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-119-129 (In Russian).

Balabeykina O. A., Kuznetsova Yu. A. [The Religion Impact On Social and Economic Aspects of The Life (On Example of the Roman Catholic Church of the Philippines)]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2020, no. 3 (43), pp. 58–72. DOI: 10.37490/S221979310008622-7 (In Russian).

Dementiev V. S. [Territorial Structure of Russian Orthodox Church of the North-West of Russia in the Soviet and Post-Soviet Periods]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2019, no. 4 (40), pp. 68–79. (In Russian).

Dementiev V. S., Krotok R. N. [Territorial Structure of the Russian Orthodox Church in Russia in the Post-Soviet Period]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2022, vol. 18, no. 3, pp. 56–70. DOI: 10.37490/S221979310021062-1 (In Russian).

Gutiérrez A. Catholic Schools in the Philippines: Beacons of Hope in Asia. *International Handbook of Catholic Education: Challenges for School Systems in the 21st Century*. 2007, pp. 709–723. Available at: https://www.researchgate.net/publication/227283925_Catholic_Schools_in_the_Philippines_Beacons_of_Hope_in_Asia (accessed: 15.11.2022). DOI: 10.1007/978-1-4020-5776-2_37 (In English).

Hermida R. B. The Catholic Church in the Philippine Public Sphere. *Kritika Kultura*, 2015, no. 24, pp. 28–45. DOI: 10.13185/KK2015.02405 (In English).

Koryakovskiy A. A. [The History of the Localization of the St. Tryphon Pechenga Monastery in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading], 2020, no. 4. pp. 260–269. DOI: 10.47132/1814-5574_2020_4_260 (In Russian).

Kostromin K. A. [Archimandrites in Pskov at the End of the 15th Century]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2021, no. 34. pp. 140–148. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-140-148 (In Russian).

Myazin N. A. [The Philippines is a Stronghold of Catholicism in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* [South East Asia: Actual Problems of Development], 2022, vol. 1, no. 1 (54), pp. 193–205. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-193-205 (In Russian).

Peretyatko A. Yu. [Teaching Methods Based on Religion: To the Question of Teaching the Law of God in the Russian Empire]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni* [History and Historians in the Context of the Time], 2023, no. 32 (1), pp. 3–21. DOI: 10.13187/hhct.2023.1.3 (In Russian).

Polushkina T. M. *Sotsiologiya upravleniya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Sociology of Management: Textbook and Workshop for Academic Undergraduates]. Moscow: Yurayt Publ., 2019. (In Russian).

Shvedova V. V. [Formation of Geography of Religion as a Scientific Discipline of Social Geographical Cognitive Area]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema* [Bulletin of the Amur State University Named After Sholom Aleichem], 2015, no. 4 (21), pp. 113–124. (In Russian).

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(47)«15»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-82-109

Бурцев Игорь Геннадьевич

научный сотрудник отдела археологических исследований государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-6868-6550

E-mail: burmentall@gmail.com

Дедук Андрей Владимирович

к.и.н., научный сотрудник отдела археологических исследований государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

Два описания южных земель Русского государства конца XVI в.

АННОТАЦИЯ. В составе столбцов Белгородского стола Разрядного приказа до нас дошло два географических описания южных земель Русского государства конца XVI в.: «Роспись польским дорогам» и «Роспись чертежу украинских городов...». «Роспись польским дорогам» была опубликована впервые в 1886 г. Д. И. Багалеем. «Роспись чертежу» оказалась малоизвестной в исторической литературе, впервые о существовании этого памятника написал в 1990-х гг. Г. Р. Саатчан. В предисловии к публикации предложена датировка изучаемых описаний на базе анализа дат возникновения городов в «Поле». «Роспись польским дорогам» была составлена между 1592 и 1594 г., «Роспись чертежу» между 1596 и 1599 г. Анализ филиграней листов столбца показал, что оба описания написаны на бумаге 1590-х гг. Удалось установить, что одна из филиграней «Росписи чертежу» совпадает с водяным знаком черновика разрядной книги 1598 г. Это позволило сделать вывод, что «Роспись чертежу» была составлена в 1590-х гг. в Разрядном приказе. Выдвинуто предположение, что «Роспись чертежу» являлась промежуточным документом для составления новой карты. Известно, что во время правления царя Бориса Годунова велись работы по составлению чертежа Русского государства, которые легли в основу изданной в 1613 г. Гесселем Герритсом карты России. Возможно, одним из промежуточных этапов этих работ и была «Роспись чертежу». Публикация снабжена географическим указателем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: географические описания, чертежи, Русское государство, Поле, Разрядный приказ

SOURCES

UDC 94(47)«15»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-82-109

Igor G. Burtsev

Scientific Researcher, State Museum-Reserve «Kulikovo field» (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-6868-6550

E-mail: burmentall@gmail.com

Andrew V. Deduk

Candidate of Historical Sciences, State Museum-Reserve «Kulikovo field» (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

Two Descriptions of the Southern Lands of the Russian State at the End of the 16th Century

ABSTRACT. Two geographical descriptions of the southern lands of the Russian state at the end of the 16th century preserved in the documents of the Belgorod Department of the Military Ministry (the Razryadny prikaz): "Description of field roads" (*Rospis' pol'skim dorogam*) and "Description of the map of outlying cities..." (*Rospis' chertezhu ukrainnyh gorodov...*). "Description of field roads" was published for the first time in 1886 by D. I. Bagalei. "Description of the map" remained little-known in the historical literature, in the 1990s G. Saatchan was the first to mention the existence of this document. In the preface to the publication, dating of the studied descriptions is proposed based on the analysis of the dates of the emergence of cities in the "Field". "Description of field roads" was compiled between 1592 and 1594, "Description of the map" between 1596 and 1599. Analysis of the filigree sheets of the column showed that both descriptions were written on paper from the 1590s. One of the filigrees of the "Description of the map" coincides with the watermark of the 1598 Razriad book draft. This led to the conclusion that the "Description of the map" was compiled in the Razryadny prikaz in the 1590s. It can be assumed that the "Description of the map" was an intermediate document for compiling a new map. During the reign of Tsar Boris Godunov, work was carried out to compile a drawing of the Russian state, which formed the basis of the map of Russia published in 1613 by Gessel Gerrits. Perhaps one of the intermediate stages of these works was the "Description of the map". The publication is provided with a geographical index.

KEYWORDS: geographical descriptions, maps, Russian state, Field, Razryadny prikaz

Географические описания Русского государства XVI–XVII столетий неоднократно привлекали внимание археографов и исследователей¹.

В столбцах Белгородского стола Разрядного приказа сохранилось два описания южных земель России, датированных 90-ми гг. XVI столетия, которые публикуются ниже. У этих документов последнего десятилетия XVI в., несмотря на хранение под одним архивным шифром, оказалась различная археографическая судьба, которая сильно повлияла и на их известность в последующей историографии. Речь идет о «Росписи польским дорогам» и «Росписи чертежу украинских городов...». Ныне в одном архивном деле вслед за «Росписью польских дорог» и «Росписью чертежу...» идут документы по строительству Валук и Царева-Борисова в конце XVI столетия².

Вероятно, эти «Росписи» впервые фигурируют в описи Разрядного приказа, составленной после пожара 1626 г.: «2 росписи дорогам и полю, деланы против чертежей»³.

В описи столбцов Белгородского стола XVIII в. ед. хр. 3901 (именно под этим шифром тогда хранились публикуемые документы) они обозначены следующим образом: «Роспись о дорогах»⁴.

Столбец, в который попали публикуемые документы, был во второй половине XIX в. описан следующим образом: «[№ Общий] 3901. [№ Частный] 1. [№ дела] 3. 7107 года. Роспись польским дорогам, сколько от котораго места и до котораго дней езды, какое число в Яблонове десятинной пашни всякого посеяно хлеба, сжато, и умолочено, и роздано за работу наемным людям. Отписка воеводы Никиты Селтова, какое число в городах Яблонове и Короче на десятинных пашнях посеяно ржи, овса и гречи»⁵. Краткое изложение этого заголовка было опубликовано в периодическом издании Археографической комиссии, которая изъявила желание затребовать этот документ себе⁶.

В 1886 г. «Роспись польских дорог» была опубликована Д. И. Багалеем⁷. В предисловии историк датировал памятник по годам правления царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.)⁸. При передаче текста публикатор дал курсивом написанное «сверх строк». При этом он отметил явно не все правки текста. При передаче текста публикатор допустил ряд неточностей. Например: «А верх речки Убли» (л. 2) Д. И. Багалей передал как «А сверх речки Убли»; «и через речку Опочки езду 2 дни» (л. 4) — «и через речку Опоньки езду 2 дни»⁹; «И всего ис Путивля до устья Айдара» (л. 6) — «И всего ис Путивля до усть Айдара»; слово «баяраки» (л. 9) два раза передано как «бояраки»; «А проезду от Карпова сторожевья» (л. 11) — «А проезду из Карпова сторожевья»; «а от верх Донца» (л. 15) — «и от верх Донца»; «И бежать до Еголдаева городища пол-2 дни» (л. 16) — «И бежать до Еголдаева городища 2 дни»; «А только будет на Донцы город усть Сажново» (л. 16) — «А только будет на Донце усть Сажново»; и т. д. Это делает возможным новое обращение к источнику в формате публикации спустя практически 140 лет после выхода труда Д. И. Багалей. В ряде случаев не совсем удачным стоит признать разбивку в публикации 1886 г. текста источника на предложения и абзацы.

Документы были отмечены составителями «Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ»: «Роспись XVI века (царствования Федора Ивановича) дорогам в Украине с указанием расстояния между украинными городами». [Л.] 1–42»¹⁰.

¹ Книга Большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербина. М.; Л., 1950; Петров В. А. Географические справочники XVII в. («Поверстная книга» и «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель... от града Москвы») // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 74–165; и др.

² См. подробнее: Анхимюк Ю. В. Документ об основании Царева-Борисова и Валук в РГАДА и ОПИ ГИМ (обзор) // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. 2018. № 3. С. 3–8; Он же. К истории русской колонизации Дикого поля в конце XVI — начале XVII в. // Российское государство в XVI — начале XVIII века: Сб. ст. к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб. — М., 2022. С. 335–351.

³ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 38.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Ед. хр. 232. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Ед. хр. 258. Л. 1.

⁶ Выписки из протоколов заседаний Археографической комиссии: Заседание 23 февраля 1875 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 6: 1872–1875. СПб., 1877. С. 132.

⁷ Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетиях. Харьков, 1886. С. 1–4.

⁸ Там же. С. XVII.

⁹ Ср.: Книга Большому чертежу... С. 67, 72.

¹⁰ Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 12. М., 1901. С. 162.

В. П. Загоровский использовал «роспись дорог» по публикации Д. И. Багалея и относил ее «ориентировочно к 1595 г.»: «В «росписи» наряду с описанием татарских дорог рассматривается вопрос о возможности основания двух русских городов: в верховьях р. Ворсклы, у Карпова сторожевья, а также на Чугуеве-городище, у Северского Донца... Есть все основания полагать, что «роспись» была составлена специальной русской экспедицией, выезжавшей в Поле»¹¹.

Рассматриваемые документы были известны Г. В. Алферовой. В плане разделения документов исследовательница явно пошла за составителями «описания документов и бумаг», охарактеризовав л. 1–42 первого столбца Белгородского стола Разрядного приказа следующим образом: «...дело частично опубликовано Д. И. Багалеем»¹².

В 1997 г. вышла работа Г. Р. Саатчяна, посвященная «Росписи чертежу...». На основании факта отсутствия или наличия в памятнике городов историк датировал его между 1596 и 1599 г.¹³ В другой своей работе Г. Р. Саатчян использовал «роспись» для определения географических рамок термина «украинные города». Здесь памятник им датирован 90-ми гг. XVI столетия¹⁴.

М. Ю. Зенченко, судя по всему, не выделял «Роспись чертежу» из состава «росписи дорог»¹⁵. Историк предполагал, что «Роспись польских дорогам» была составлена до 1596 г. и что составителями источника были головы Иван Лодыженский и Третьяк Якушкин с подьячим Никифором Спиридоновым¹⁶. В библиографии к своей книге М. Ю. Зенченко датировал ее между 1585 и 1596 гг.¹⁷

В 2008 г. вышла статья О. И. Хоруженко, посвященная локализации Еголдаева городища, упомянутого в «росписи польских дорог»¹⁸. Предложенная исследователем датировка этого памятника построена, как нам кажется, на недоразумении: «В Росписи не упомянуты отстроенные в 1596 г. города Оскол и Белгород, но назван в качестве государя царь Федор Иоаннович (ум. 1598 г.). Таким образом, документ датируется 1596–1598 гг.»¹⁹. Строительство Оскола и Белгорода дает нам только верхнюю дату создания памятника, так же как и смерть государя. Датировка же, предложенная О. И. Хоруженко, позволяет допустить существование двух разных объектов Еголдаева городища и Оскола, что и было сделано исследователем. Исторический контекст и проблема хронологии строительства крепостей на южных окраинах Русского государства выпали из поля работы О. И. Хоруженко²⁰.

А. В. Фоминов привлек «Роспись польским дорогам» для доказательства ошибочности сообщения «Нового летописца» о строительстве Белгорода, Оскола и Валук в 1593 г. Исследователь отметил наличие в памятнике Ельца, строительство которого началось в 1592 г. Привлечение ряда источников 1590-х гг. позволило А. В. Фоминову предположить, что «роспись польским дорогам» отражает ситуацию до строительства в 1596 г. Белгорода, Оскола и Курска. Как и В. П. Загоровский и М. Ю. Зенченко, исследователь предположил, что составление «Росписи польским дорогам» было связано с экспедицией Ивана Лодыженского «с товарищи» летом 1596 г.²¹

¹¹ Загоровский В. П. История вхождения центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 218–219. Также см.: Он же. Роспись польских дорог // Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. С. 196.

¹² Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. С. 140.

¹³ Саатчян Г. Р. Географическое описание южной части Московского государства («Роспись чертежу украинных городов...») конца XVI века // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. М., 1997. С. 169–171.

¹⁴ Саатчян Г. Р. Русское поле: Как на нашей земле появилась «украина» и «польские города» // Родина. 1996. № 2. С. 50. Также см.: Он же. К проблеме традиций формы и содержания российских географических описаний XVI–XVII вв. // Точное гуманитарное знание: Традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999. С. 130–131.

¹⁵ Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — в начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁸ Хоруженко О. И. Метрические данные росписи польским дорогам и локализация Еголдаева городища // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 302–311.

¹⁹ Хоруженко О. И. Указ. соч. С. 302.

²⁰ См. подробнее: Чурсин Д. И. «Еголдаева тьма» и ее волости по данным исторических источников // История. Общество. Политика. 2021. № 2 (18). С. 100.

²¹ Фоминов А. В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: Основание Валук и гибель Царева-Борисова // Очерки феодальной России. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 212–213.

Таким образом, на «Роспись польским дорогам» был составлен заголовок в архивной описи, она была опубликована и неоднократно анализировалась в историографии. «Роспись чертежу украинских городов...» была отмечена в литературе только в конце XX столетия, но осталась практически не замеченной исследователями.

Обратимся к датировке текста публикуемых памятников. Указание на царя Федора Ивановича в «Росписи польским дорогам» позволяет датировать памятник промежутком между 1584 и 1598 г.

Уточнить период, когда был создан памятник, позволяют даты возникновения городов, но в ряде случаев в нашей исторической науке они являются спорными.

В «Росписи польских дорог» мы находим Ливны (1585/86 г.)²² и Елец (работы по его возведению начались в 1592 г., возможно, в конце 1591 г.)²³. При этом в документе не упомянуты Белгород, Оскол и Курск, даты строительства которых в исторической литературе являются дискуссионными.

Сообщение о строительстве Белгорода, Оскола и Валук помещено в «Новом летописце» (самая ранняя редакция создана около 1629/30 г.) в статье 1592/93 г.²⁴ Согласно этой же статье ранее в «Поле» были построены Воронеж, Ливны, Курск и Кромы²⁵. Попытка проверить сообщение летописца на достоверность обречена на провал: в разрядных книгах сообщается о строительстве осенью 1596 г. одновременно Белгорода, Оскола и Курска²⁶. Валуйки были возведены только осенью 1599 г.²⁷ Кромы же упоминаются как «новый город» уже в марте 1594 г., весной этого года он и был поставлен, то есть после 1592/93 г. «Нового летописца»²⁸. На ошибочность датировки строительства крепостей, приведенной в «Новом летописце», неоднократно указывалось в исторической литературе²⁹. При этом продолжает бытовать точка зрения на то, что некоторые крепости существовали до их упоминаний в разрядной книге 1598 г.³⁰ Рассмотрим аргументацию исследователей подробно, так как этот вопрос важен для датировки памятника.

1. А. И. Папков полагает, что текст разрядной книги 1475–1598 гг. «содержит определенные неточности, связанные с ошибками составителей и переписчиков»³¹. Для решения этого вопроса историк привлек черновики разрядной книги 1598 г., отложившиеся в столбцовой форме

²² Загоровский В. П. История вхождения... С. 201; Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье... С. 65–66; Солодкин Я. Г. К ранней истории первых русских городов на «поле»: Несколько спорных вопросов // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 110; Он же. К истории заселения «Поля» в конце XVI века // Актуальные проблемы регионоведения: Тр. 3-й межд. научной конференции. Курск, 2008. Ч. 2. С. 83.

²³ Загоровский В. П. История вхождения... С. 214–216; Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001; Солодкин Я. Г. К истории заселения «Поля» в конце XVI века... С. 83; Он же. К истории основания первых русских городов на «поле» // Владимир Загоровский: К 80-летию со дня рождения. Воронеж, 2006. С. 33.

²⁴ ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 45. По дате создания Нового летописца см.: Солодкин Я. Г. О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 39–46.

²⁵ ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 45.

²⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 500–501. Также см. сведения частных разрядных книг: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 113, 118; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 2. Вып. 1. С. 124.

²⁷ Подробно этот вопрос рассмотрен: Фоминов А. В. Дата основания Валук — 1599 г.: новые аргументы // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2018. Вып. 3. С. 134–138; Он же. Нерешенные вопросы... С. 209–218. Также см.: Солодкин Я. Г. К ранней истории первых русских городов... С. 113.

²⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 480; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 75.

²⁹ Загоровский В. П. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Москва; Курск, 1994. С. 42. Прим. 16; Солодкин Я. Г. О времени основания и начальном расположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Москва; Курск, 1994. С. 42–49; Он же. К истории основания первых русских городов на «поле»... С. 34–35.

³⁰ Дворецкий Е. В. О достоверности летописной даты основания Белгорода, Оскола и Валук // Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Курск, 1989. С. 13–14; Папков А. И. Основание Белгорода (проблема постройки крепостей на южной окраине России в конце XVI века) // Н. И. Троицкий и современное исследование историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 103–113; Он же. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). М., 2004. С. 77–83; Шмелев Ю. Н. «Когда Москва Белгород строила и Валуйку с Осколом». Белгород, 1990.

³¹ Папков А. И. Порубежье Российского царства... С. 76.

в Московском столе Разрядного приказа³²: «Цитированные разрядные записи не дают окончательного ответа на вопрос о времени основания Белгорода, т. к. листы столбца перепутаны, в результате чего хронология неясна»³³. Однако листы указанного столбца были, скорее всего, перепутаны уже при их расклейке в XIX в., сам же столбец является черновиком разрядной книги 1475–1598 гг., по Уваровскому списку которого легко можно установить правильный порядок склеек³⁴. Собственно, сам столбец Московского стола был привлечен В. И. Бугановым для издания разрядной книги 1475–1598 гг., включающей «Государев разряд» за 1584–1598 гг., составленный после смерти царя Федора Ивановича.

2. Е. В. Дворецкий в свое время заметил, что в деле Разрядного приказа 1629 г. есть отсылка на раздачу земли сведенцам «в Оскольский город» воеводой Степаном Даниловым «в сотом году»³⁵. К сожалению, в данном случае мы имеем дело не с точно приведенной выписью с отдельной книги, а с показаниями служилых людей, написанных «по памяти» спустя несколько десятилетий. Я. Г. Солодкин отметил: известия о службе С. Данилова головой «на Осколе» в 1598, 1600–1601 гг.³⁶ Именно этим временем историк датировал наделение сведенцов землей, а не «сотым» (1591/92) г.³⁷ Позднее А. И. Папков посчитал предположение Я. Г. Солодкина маловероятным, поскольку «в 1598 г. в Осколе уже был государев воевода, и только он мог распределять земельные угодья между служилыми людьми»³⁸. Однако отдельные книги, составленные при участии головы, как и другие документы по распределению и фиксации земельного фонда, широко известны в делопроизводственной практике XVII столетия³⁹. Так, земли под Ельцом служилым людям в 1592/93–1593/94 гг. отделял голова Иван Мясной, несмотря на то, что в это время в городе был и воевода⁴⁰. В ряде случаев отдел земель вообще могли производить сын боярский, казак или стрелец⁴¹.

А. В. Фоминов обратил внимание на ряд нестыковок в свидетельствах оскольских служилых людей: они называют разные даты устройства яма, путают должности лица, проводившего раздел; в Осколе как минимум до января 1598 г. отсутствовали свои станичники⁴².

В связи с этим аргумент А. И. Папкова можно отнести.

3. В 1634 г. настоятель Николо-Пристанского монастыря «Волуйского города» подал челобитную, в которой относил дату основания обители ко времени правления царя Федора Ивановича, который, как известно, скончался в 1598 г.⁴³ Но и в этом случае челобитчик опирался не на документы московских приказов или монастырского архива: «И в Розряде, в котором году Валуйской город поставлен и монастырь Николы Чудотворца на пристани устроен, и образы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строение было государево ль, блаженные памяти государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, выписати не из чего, валуйския строельныя книги в московский в большой пожар в 134 году, как горело в Кремле и в Китае, в Розряде сгорели»⁴⁴.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Стб. Московского стола. Ед. хр. 232. Л. 263–370, особенно л. 342 и 347.

³³ Папков А. И. Порубежье Российского царства... С. 76.

³⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 6–7.

³⁵ Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. № 210. С. 238; Дворецкий Е. В. О достоверности... С. 13–14.

³⁶ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 533; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 20, 50, 91; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 323, 327; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Ч. 1. С. 164; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 51, 69, 107, 109.

³⁷ Солодкин Я. Г. О времени основания и начальном расположении Белгорода. С. 45; Он же. К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Н. И. Троицкий и современное исследование историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 97–98.

³⁸ Папков А. И. Порубежье Российского царства... С. 79.

³⁹ Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2013. Т. 5. Писцовые книги юго-западного порубежья. С. 381, 395, 569, 573, 582, 595; Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2018. Т. 6. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. С. 93, 98, 303, 358, 395, 398, 400.

⁴⁰ Российская крепость на южных рубежах. С. 192–211. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 462, 464, 472, 476, 481, 482, 488.

⁴¹ См., напр.: Каталог писцовых книг Русского государства. Т. 5. С. 513.

⁴² Фоминов А. В. Нерешенные вопросы... С. 206–208.

⁴³ Акты Московского государства. Т. I. № 705. С. 643. Этот сюжет указан в следующей историографии: Папков А. И. Основание Белгорода... С. 108; Он же. Порубежье Российского царства... С. 80–81.

⁴⁴ Акты Московского государства. Т. I. № 705. С. 644.

Я. Г. Солодкин объясняет упоминание царя Федора Ивановича непопулярностью Бориса Годунова после Смуты⁴⁵. Вышедшие в последнее время исследования А. В. Фомина надежно обосновывают как дату основания Валук 1599 г. (исследователь привлекал в том числе и челобитную 1634 г.)⁴⁶.

Таким образом, с рассмотренными выше аргументами в пользу достоверности даты Нового летописца мы согласиться не можем.

Затрагивая вопрос о дате основания городов в «Поле», нельзя не упомянуть дискуссию о статусе Курска до 1596 г., особенно активно развернувшуюся в последние годы⁴⁷. Я. Г. Солодкин обратил внимание, что в наказе ливенскому воеводе 1595 г. среди мест, куда надо «бежать с вестями», Курск отсутствует⁴⁸. Это позволяет утверждать, что города в это время здесь еще не было. Нам представляется, что точка зрения А. И. Раздорского и Я. Г. Солодкина о строительстве Курской крепости в 1596 г. на запустевшем за несколько десятилетий⁴⁹ или столетий до этого события «Курском городище» является более взвешенной и близкой к истине.

Теперь рассмотрим высказанные в историографии аргументы в пользу основания Белгорода, Оскола и Валук именно в 1596 г.

Во-первых, в составе разрядных книг дошла грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву, выданная 20 марта 1595 г.⁵⁰ Как отметили Я. Г. Солодкин и А. В. Фоминов, в ней фигурирует Козина поляна «на Осколе». Рядом с этой поляной, как справедливо отметил А. В. Фоминов, согласно «Книге большому чертежу», будет располагаться позднее город Оскол⁵¹. Таким образом, еще в мае 1595 г. города здесь еще не было, не упоминается в грамоте и никакое иное поселение⁵². Зато в документе упоминается «Еголдаево городище». Как показал Д. И. Чурсин, Еголдаево городище находится в историческом ядре современного г. Старого Оскола⁵³.

Во-вторых, у нас нет сведений о назначении воевод и прочих административных лиц в Белгород, Оскол и Валуйки за годы, предшествующие 1596 г.⁵⁴

В-третьих, Я. Г. Солодкин, проанализировав близкие по хронологии статьи летописи, показал, что автор «Нового летописца» понимал под «городом» именно укрепленное поселение, в которое назначается воевода⁵⁵, а не какой-нибудь другой тип поселения.

В-четвертых, в «Государевом разряде» 1598–1604 гг. (дошел в списках XVIII в., сделанных, вероятно, с официального списка, утраченного в 1812 г.⁵⁶) при описании назначения воевод от 1 апреля 1599 г. фигурирует три «новых» города — Белгород, Оскол и Курск. Ни Воронеж, ни Елец, ни Ливны

⁴⁵ Солодкин Я. Г. О времени основания и начальном расположении Белгорода. С. 45.

⁴⁶ Фоминов А. В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов... С. 202–219; Он же. Дата основания Валук — 1599 год... С. 134–138.

⁴⁷ Зорин А. В. Средневековый Курск в письменных источниках XVI–XVII вв. // Белгородская черта: Сборник материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2021. Вып. 6. С. 114–134; Раздорский А. И. Курск «киевский» и Курск «московский»: проблема континуитета // Российское государство в XVI — начале XVII века: Сб. ст. к 70-летию А. П. Павлова. СПб. — М., 2022. С. 317–334; Солодкин Я. Г. Существовал ли Курск в 1596 г.? (к интерпретации одного «приговора» Ивана Грозного) // Курский край в истории Отечества. Курск, 2012. С. 188. Обзор более ранней историографии см.: Раздорский А. И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, 2015. С. 193–194.

⁴⁸ Солодкин Я. Г. Существовал ли Курск в 1596 г.? С. 188.

⁴⁹ На Курске стояли воеводы летом 1557 г.: «А из украинских городов стояли воеводы на поле Иван Петрович Яковлев да князь Петр Иванович Горенской. А стояли усть Ливен; а по вестем, с усть Ливен пришед, стояли на Туле. А усть Ельца на поле стояли Иван да Федор Шереметевы; а по вестем, пришед с поля, стояли на Михайлове. А в Курску стояли воеводы князь Михайла Репнин да князь Петр Татев; а и с Курска пришед, стояли во Мценску» (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 162). В следующий раз воевода на Курске упоминается уже в 1596 г. Скорее всего, в процитированной разрядной записи мы видим выдвигание полковых воевод в места «Поля», где через несколько десятилетий возникнут города.

⁵⁰ Буганов В. И. Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву 1595 г. (из истории организации станичной и сторожевой службы на юге России в конце XVI в.) // Записки Отдела рукописей. М., 1958. Вып. 20. С. 177–185. Позднее грамота переиздана: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 85–93.

⁵¹ Книга Большому чертежу. С. 66.

⁵² Фоминов А. В. Нерешенные вопросы... С. 213.

⁵³ Чурсин Д. И. Еголдаева тьма... С. 100.

⁵⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 600, 604, 607 (по указ.); Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 211, 216, 220 (по указ.).

⁵⁵ Солодкин Я. Г. О времени основания и начальном расположении Белгорода... С. 98.

⁵⁶ Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начала XVIII века. М., 2006. С. 81; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. С. 211–221.

к этой категории городов не отнесены⁵⁷. Очевидно, что такое выделение городов в особую группу подтверждает достоверность их постройки одновременно в 1596 г., то есть незадолго до 1599 г.

Таким образом, «Роспись польских дорог» отражает ситуацию до строительства Белгорода, Оскола и Курска. Памятник отражает намерения Русского государства по возведению новых крепостей в «Поле».

Относительно датировки памятника стоит отметить следующее. Вслед за В. Н. Загоровским, М. Ю. Зенченко и А. В. Фоминовым заманчиво связать составление росписи с событиями, предваряющими строительство Белгорода, Оскола и Курска, то есть с экспедицией Ивана Лодыженского «с товарищи» летом 1596 г. Однако в памятнике отсутствуют Кромы, построенные весной 1594 г.⁵⁸ Служилый человек согласно «Росписи дорогам» должен «бежать» «налево к Орлу или ко Мценску, или к Новосилу» (л. 9–10). Нижнюю дату определяет строительство Ельца. Таким образом, памятник был создан между 1592 г. и весной 1594 г.

Обратимся теперь к датировке «Росписи чертежу». В памятнике упоминается Новый Белгород (л. 27, 28), что указывает на время, близкое к строительству крепости. Находим в росписи мы и Оскольский город с Курском. Таким образом, памятник был составлен после строительства этих городов в 1596 г.

При этом в росписи не упомянуты Валуйки, Царев-Борисов и Гремячий. Валуйки, как показал А. В. Фоминов, были построены только осенью 1599 г.⁵⁹ Царев-Борисов возводится летом этого же года⁶⁰. Осадный голова на Гремячем впервые фигурирует в 1598/99 г.⁶¹ Именно 1598/99 г. является верхней датой составления памятника.

Отметим, что памятник содержит уникальные сведения о расположении Крапивны и Данкова до переноса этих городов на новые места. Особенно это интересно в рамках дискуссии о дате переноса Крапивны с р. Крапивенки в устье р. Плавы⁶².

Как уже отмечалось выше, оба публикуемых документа дошли до нас в составе столбца Белгородского стола Разрядного приказа, склейки документа в настоящий момент расклеены. Документ предваряет печатный архивный ярлык XIX в., пронумерованный карандашом как л. 1 (рис. 1).

После архивного ярлыка XIX в. идет нумерованный лист бумаги XX в. формата А4 с набранным на печатной машинке текстом: «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ. Отдел фондов центральных учреждений. Ф. 210. РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗ. Столбцы Белгородского стола. Стб. № 1. Л. 1–115».

Склейки столбца пронумерованы, вероятно, в XIX в. в левом верхнем углу черными чернилами.

На обороте л. 1 пометка почерком XVIII (?) в.: «Белгородского стола 107 г.». Скрепки на склейках публикуемых документов отсутствуют.

«Роспись польских дорог» написана одним почерком, исключая текст на л. 16 («А только бежать от тех мест к Егоддаеву... и бежать к Ливнам»), который, вероятно, был вписан чуть позднее. «Роспись чертежу» написана тремя почерками, сменяющимися друг друга: Л. 21–25, 26–40, 41–42. При передаче эти почерки называются основными. В документ был внесен ряд правок как основными почерками, так и почерком, отличным от оных. Текст на л. 41–42 написан почерком, не совпадающим с почерком, которым вносились правки.

Все склейки имеют ширину 150 мм. Высота склеек (в мм): л. 1 — 399, л. 2 — 345, л. 3 — 325, л. 4 — 330, л. 5 — 360, л. 6 — 345, л. 7 — 375, л. 8 — 210, л. 9 — 300, л. 10 — 370, л. 11 — 370,

⁵⁷ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 69.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 480; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 75.

⁵⁹ См. прим. 27.

⁶⁰ Анхимюк Ю. В. К истории русской колонизации Дикого поля... С. 335–351.

⁶¹ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 84.

⁶² Дедук А. В. Перенос Крапивны на новое место // Позднесредневековый город III: Археология и история: Матер. III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 227–231; Лисейцев Д. В. Город Крапивна на исходе Смутного времени: возрождение крепости в свете новых источников // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2018. Вып. 6. С. 231–239; Яцкин Д. М. К вопросу о времени — месте основания Крапивны и характеристике ее укреплений // Провинция в контексте истории и литературы: материалы V Крапивенской конференции. Тула, 2009. С. 19–49.

чертежу...», это не что иное, как черновик «Государева разряда» 1598 г., в котором мы находим сведения о строительстве в 1596 г. Белгорода, Оскола и Курска. Листы для черновика разрядной книги и «Росписи чертежу...» брались из одних стоп бумаги, а учреждение, из которого вышли документы, можно определить как Разрядный приказ.

Стоит оговорить несколько моментов, связанных с термином «роспись чертежу». Логично предположить, что под росписью понимается описание чертежа. Чертежи земель Русского государства уже известны в XVI столетии⁶⁴. Афанасий Мезенцев, составитель «Большого Чертежа» и книги к нему, писал в своей челобитной в сентябре 1627 г.: «По твоему, государь, указу в нынешнем во 136-м году сентября в 12 день в Разряде я, холоп твой, болшой чертеж зделал и мне, холопу твоему, в Разряде твои государевы дьяки велели чертежей, что я, холоп твой, **зделал против старого чертежу** морю и рекам и городам **зделати роспись и по росписи чертежи справить (здесь и далее выделено нами. — Авт.)**. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели мне дать корм покаместо напишу всему **чертежу роспись...**»⁶⁵ Исходя из того, что у нас есть однотипная «роспись чертежу», мы можем примерно реконструировать ход работ над «Большим чертежом». С более ранних чертежей составлялись «росписи», их текст подлежал поновлению и редактированию. Затем с росписи составлялся чертеж. Возможно, многочисленные пометки и зачеркивания в публикуемом документе отражают именно этот этап подготовки нового чертежа. Указание на то, что существовали росписи, которые «деланы против чертежей», содержит опись Разрядного приказа 1626 г.⁶⁶

В таком случае получается, что «Книга большому чертежу» XVII в. — это не что иное, как разросшаяся «роспись чертежу». Косвенное подтверждение этому находим в челобитной А. Мезенцева от октября 1627 г., то есть через месяц после первой челобитной, где он просит о выплате жалования, «покаместо зделую чертежную книгу»⁶⁷.

Таким образом, «роспись чертежу» — это текстовое описание картографического источника, которое составлялось с целью корректировки информации для последующего переноса на новый чертеж.

Стоит обратиться к вопросу, при каких исторических обстоятельствах «Роспись чертежу» была составлена. Как известно, в 1613 г. Гессель Герритс издал в Амстердаме карту России, посвященную царю Михаилу Федоровичу. В основу ее был положен, согласно записи в картуше, *ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta* (автограф, который позаботился нарисовать Федор, сын царя Бориса)⁶⁸. Н. Д. Чечулин пришел к следующим выводам относительно этого памятника: «Карта Московии, известная под названием карты Феодора Борисовича, была составлена в Москве на рубеже XVI и XVII ст.; в основу ее положена была карта Европы Меркатора — лучшая из существовавших в то время карт этой части света; некоторые очертания рек были исправлены по русским сведениям и являются наиболее точными сравнительно со всеми известными в то время их начертаниями; из русских же источников внесены многочисленные географические названия и линии засек»⁶⁹. Соответственно, логично задаться вопросом, не была ли публикуемая нами «Роспись чертежу» одним из этапов работ, итогом которых стала карта Г. Герритса. К сожалению, сохранность источниковой базы не дает возможности дать ответ на этот вопрос. Стоит отметить, однако, что изучаемая «Роспись чертежу» могла быть только одним

⁶⁴ Каштанов С. М. Чертеж земельного участка XVI в. // Тр. МГИАИ. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 429–436; Кусов В. С. Московское государство XVI — начала XVIII в.: Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 5–7; Фролов А. А. Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси в XV–XVI вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 50–59; и др.

⁶⁵ Ураносов А. А. К истории составления Книги Большому Чертежу // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1957. Вып. 4. С. 190.

⁶⁶ Описи архива Разрядного приказа XVII в. С. 38.

⁶⁷ Ураносов А. А. Указ. соч. С. 190.

⁶⁸ О карте см.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974. С. 57–69; Стебницкий И. И. Первая известная оригинальная карта Европейской России // Записки РГО. Т. XXV. 1889. Вып. 1. С. 105–107; Чечулин Н. Д. О так называемой карте царевича Федора Борисовича Годунова // ЖМНП. 1903. Апрель. С. 335–344.

⁶⁹ Чечулин Н. Д. О так называемой карте... С. 344.

из промежуточных этапов составления «годуновской карты»: на последней показан Царев-Борисов и Засечная черта, которые не отражены в публикуемом нами памятнике.

Но, так или иначе, составление «росписи чертежу» произошло в Разрядном приказе примерно в то же время, что и составление «Государева разряда» 1598 г., или незадолго, или сразу после смерти царя Федора Ивановича.

Публикации текстов подготовлены по «Правилам издания исторических документов в СССР»⁷⁰.

В соответствии с современной орфографией и пунктуацией произведено деление текста на слова и предложения, даны прописные буквы. Текст передан буквами современного гражданского алфавита, с заменой вышедших из употребления букв современными (і — и, ѣ — е, љ — кс, ѿ — ф, ѡ — о и т. д.). Если буква «ѣ» исправлена на «е» и наоборот, то такая правка оговаривается. Слова «под титлом» раскрываются без оговорок. Кратное «и» обозначается по правилам современной орфографии. Выносные буквы внесены в строку без выделения. Гласные, опущенные в рукописи после выносной согласной, вводятся в текст без оговорок. Числа, обозначенные в рукописи буквенной цифирью, передаются арабскими цифрами. Мягкий и твердый знаки ставятся по современным правилам. Знаки препинания расставлены по смыслу. Реконструированный текст помещается в квадратные скобки. Конец оборота листа отмечается двумя косыми черточками. Заметки на полях и приписки оговариваются в примечаниях. Заметки на полях, правки и приписки оговариваются в примечаниях, размещенных постранично, что вызвано необходимостью раскрыть историю редактирования текста. В «Росписи польским дорогам» не воспроизводятся пометки карандашом, вероятно, XIX в., возможно, связанные с публикацией этого документа Д. И. Багалеем.

Публикации снабжены географическим указателем.

1. [1592 — весна 1594 гг.] — «Роспись польским дорогам»

(л. 1) Роспись польским дорогам

От Ливен Муравскою дорогою, которою ходит крымской царь, до Изюмской дороги и до верх Семи проезду пол-3 дни. А Изюмская дорога пошла от верх Семи налево меж Оскола и Донца. А от верх Семи до Карпова сторожевьезду пол-2 дни. А Карпово сторожевьеза рекою за Ворсклом подле Муравской дороги. А от Карпова сторожевьездо Хотмышсково городища ездуполдни. А Хотмышское городищеза рекою за Ворсклом же от Муравской дороги верст з 20. А от Хотмышского городища до Путивльские дороги, что ездят станицы ис Путивля к усть Айдару, ездудень. А от Путивльские дороги до верховья речек Мжа и Коломок ездудень. А от верховья речек Мжа и Коломок до верх речки Орелу ездупол-2 дни. А от верх речки Орели до речки до Самари ездуд 2 дни. И всего от Ливен Муравскою дорогою // (л. 2) до верх Самари о дву конь ездуд 10 ден, а от речки от Самари крымскими улусы до Перекопи ездуд 5 ден. И всего от Ливен до Крыму до Перекопи ездуд Муравскою дорогою 15 ден, ¹а назад тож¹.

А с Муравской дороги от верх Семи Изюмскою дорогою да Донца до перевозу до Изюм кургана ездуд 4 дни. И всего от Ливен Муравскою дорогою до верх Семи, а от верх Семи Изюмскою дорогою до Донца до Изюм кургана ездупол-7 дни, а ²назад то же. А дале того за Донец тою дорогою станицы не ездят².

Да от Ливен же от реки от Сосны новою Кальмиюскою дорогою до верх речк³и Убли ездуд³ 2 дни. А верх речки Убли пришла дорога слева от Ельца на Кальмиюскую дорогу, а от Ельца до верх речки Убли ездупол-3 дни, а от верховья речки Убли до верх речек Котла и Потудони ездуполдни. //

(л. 3) А от верх речек Котла и Потудони до верх речек Айдара и Баучара ездуд 3 дни. А меж верховья речек Айдара и Баучара пошла дорога новая Кальмиюская налево к Гребенным горам. А от верх речек Айдара и Баучара большою Кальмиюскою дорогою да Донца до перевозу до усть

⁷⁰ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990.

¹⁻¹ Написано почерком, отличным от основного. Этот почерк совпадает с почерком на л. 16.

²⁻² Написано почерком, отличным от основного. Этот почерк совпадает с почерком на л. 16.

³⁻³ Написано по затертости.

Боровой езде 3 дни. И всего от Ливен Кальмиюскою дорогою до Донца до усть Боровой езде пол-9 дни, ⁴-а назад то ж⁴.

А от Ельца Кальмиюскою дорогою до Донца до усть Боровой езде 9 ден, ⁵-а назад тож⁵.

А с Кальмиюские з большие дороги от верх речек Айдара н Баучара новою нижнею дорогою до Донца до Гребенных и до Хороших гор езде ⁶⁻⁸ ден, а назад тож⁶. //

(л. 4) Да с Кальмиюские ж дороги через речку Айдар и через Айдарские розсошины до Донца ⁷Посольскою дорогою⁷ до усть речки Деркула до Мишкина перевозу езде 3 дни. И всего от Ливен новою посольскою дорогою до Донца до усть Деркула до Мишкина перевозу езде 9 ден, ⁸-а назад тож⁸.

Да от Ливен же до верх Оскола езде 3 дни.

Да от Ливен же до Оскола до Еголдаева городища через Муравскую дорогу и через речку Опочки езде 2 дни.

А от Еголдаева городища до Муравской дороги до верх Оскола езде верст с 40. А верховье Оскольское у Муравской дороги. //

(л. 5) А ис Путивля дорога, куды ездят станицы через Муравскую дорогу, и через Донец, и через Кальмиюскую дорогу, и через Оскол, и через иные речки до Донца до усть Айдара.

⁹И от Путивля⁹ до Муравские дороги езде 4 дни.

А от Муравской дороги до Донца до Чюгуева городища езде пол-2 дни.

А от Донца от Чюгуева городища до Оскола езде пол-2 дни.

А от Оскола до речки до усть Боровой езде день.

А от речки от Боровой до речки до усть Айдара езде день же. //

(л. 6) И всего ис Путивля до устья Айдара езде 9 ден, а назад то же.

Да ис Путивля ж дорога старая Посольская на Карпово сторожевье через Ворскол и через Муравскую дорогу к Донцу Северскому¹⁰ к усть речки ¹¹Везеницы, а на усть речки Везеницы на Донцы делают суды и ездят вниз Донцом в Дон¹¹.

А от Путивля до Карпова сторожевья езде с телегами 8 ден.

А от Рыльска до Карпова сторожевья ехать на ту ж дорогу верх речки Суджа до Карпова сторожевья от Рыльска езде с телегами 6 ден.

А от Карпова сторожевья через Муравскую дорогу до Донца до устья речки Везеницы ехати с телегами день. //

(л. 7) И всего ис Путивля до Донца до усть речки Везеницы ехати с телегами 8 ден.

А из Рыльска до тех же мест ехати ¹²-с телегами ж¹² 7 ден.

А Карпово сторожевье место высоко, пришла гора клином, а стоит на реке на Ворскле. А от Ворскла к Муравской дороге пришло поле чистое, а поперег его до Муравской дороги версты с 3. И по речкам по Ворсклу и по Везенице против Карпова сторожевья крымской царь и большие люди, идучи, ставятца на станех, а с Карпова сторожевья то видит, как они идут и как на Ворскле на станех станут. А около Карпова сторожевья по обе стороны леса пришли большие и на город лесу много и пашни¹³ быти мочно. А за Карпово сторожевье¹⁴ до Псла и до Днепра все пришли леса больш[ие]¹⁵. //

(л. 8) А за речку за Ворскол царь и большие люди не хаживали для того¹⁶, что¹⁷ по Ворсклу по обе стороны Карпова сторожевья пришли леса большие и ржавцы, и болота есть, и на крымсково

⁴⁻⁴ Написано почерком, отличным от основного.

⁵⁻⁵ Написано почерком, отличным от основного.

⁶⁻⁶ Написано другими чернилами.

⁷⁻⁷ Написано между строк другими чернилами.

⁸⁻⁸ Дописано почерком, отличным от основного.

⁹⁻⁹ Исправлено: из Путивля.

¹⁰ Слово написано над строкой.

¹¹⁻¹¹ Написано другими чернилами.

¹²⁻¹² Дописано на полях и между строк.

¹³ Исправлено из: пашне.

¹⁴ Исправлено из: сторожевий.

¹⁵ Текст утрачен.

¹⁶ Выше дописано «что», которое позднее было затерто.

¹⁷ Слово написано над строкой.

царя и на людей мочно приходити на походе или на станех из-за Ворскла из лесов и из крепостей. А опричь Муравской дороги¹⁸ меж Донца и Ворскла¹⁸ обходу крымского¹⁹ царю и большим людем иной дороги нет, опричь Изюмской и Кальмионской дороги. //

(л. 9) А с вестью бежать от Карпова сторожевья к Ливнам на верх речки Ворскла и верх Псела подле Муравские дороги в Меловой брод, а за Семью Муравская дорога тому вестовщику будет вправо верстах в 10, а инде и в 15, и в 20. Да через Семь и к Ливнам места пришли польские, и дубровы, и баяраки есть. И в дубровах, и в баяраках леса есть невеликие, а больших лесов нет. А бежати от Карпова сторожевья до Ливен о двуконь наскоро пол-3 дни.

Да ис Карпова ж сторожевья бежати с вестми на Орел или во Мценеск, или в Новосиль до Семи тою ж дорогою в Меловой брод. И за Семь бежати верст з 10 тою же дорогою да поворотити налево к Орлу или ко Мценску // (л. 10) или к Новосили — куды будет мочно проехать. А бежати с вестью от Карпова сторожевья на Орел или во Мценеск или в Новосиль 4 дни.

Да ис Карпова ж сторожевья бежать с вестью в Рылеск старою большою Посольскою дорогою через речку Пену и через реку Псел, а поспети о двуконь наскоро в пол-2 дни.

А из Рыльска бежати на Карачев, да на Болхов, да на Белев, да в Колугу. А от Рыльска ехать до Карачева через Камаритцкие волости²⁰ 200 верст, а яму нет. И станичные головы бьют челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси, чтоб²¹ государь пожаловал велел²¹ в Камарицких волостях²² устроить для скорых вестей ям или два.

А только государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит в Карпове сторожевье поставити город, и ис Путивля // (л. 11) станицы все перевесть в Карпово сторожевье. А ис Карпова сторожевья посылати станицы к Донцу ж к Северскому к Чюгуеву городищу и через Донец, и через Изюмскую дорогу к Старому урочищу к усть же Айдару. А проезду от Карпова сторожевья через Муравскую дорогу до²³ Донца до Чюгуева городища пол-2 дни. А от Чюгуева городища за Донец до Изюмской дороги и до Оскола ездю пол-2 ж дни. А от Оскола до усть Боровой ездю день. А от Боровой до усть Айдара ездю день же.

И всего от Карпова сторожевья до усть Айдара ездю о дву конь наскоро 5 ден, а назад тож.

Да ис Карпова сторожевья посылати станицы встречю большою Муравскою дорогою до верх Мжа и Коломок и до речек до Орели и до Самари. А ездю от Карпова сторожевья до верх Мжа и Коломок пол-3²⁴ дни²⁴ наскоро о дву конь. //

(л. 12) А от верховья речек Мжа и Коломок до верх речки Орели ездю пол-2 дни, а от верх речки Орели до верх речки Самари ездю 2 дни.

И всего от Карпова сторожевья ехать Муравскою большою дорогою до речки Самари 6 ден наскоро о дву конь, а назад бежати только тою дорогою, ино бежати 6 ж ден.

А мочно назад от Самари и Орели бежать с вестью в Путивль, а бежати от Самари до верх Мжа и Коломок большою Муравскою дорогою 2 дни, а от верх Мжа и Коломок с Муравские дороги поворотити налево через речки²⁵ Мерл и Ворскла и Псел. А бежати от верх Мжа и Коломок до Путивля 2 дни наскоро о дву конь. А из Путивля до Рыльска 60 верст, а из Рыльска до Карачева 200 верст.

А сторожем быть ис Карпова сторожевья на большой на Муравской дороге верх Мжа и Коломок, а другим сторожам // (л. 13) тутю ж с ними стоять ис Путивля, а бежати одним сторожем в Карпово сторожевье пол-2 дни, а другим сторожем бежати в Путивль 2 дни наскоро о дву конь.

А только государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит город поставити на Донцы на Северском и искати на город места на Донцы по речкам усть Сажного Донца и усть Липового Донца, и усть Везеницы, и на усть Топлины. А по обе стороны Донца пришли места лесные и крепкие, и на город лес есть, и пашне²⁶ быть мочно.

¹⁸⁻¹⁸ Написано над строкой.

¹⁹ Слово дописано над строкой.

²⁰ Исправлено из: Камаритцкую волость.

²¹⁻²¹ Написано над строкой.

²² Исправлено из: Комарицкой волости.

²³ Слово написано по затертому вместо «и».

²⁴⁻²⁴ Написано другими чернилами по затертому.

²⁵ Исправлено из: речка.

²⁶ Исправлено из: пашни.

А только приищут на город место усть Сажново Донца или усть Липового Донца, и от того города до Муравские дороги ездю верст с 15,²⁷ а через Донец до Изюмские дороги ехать день²⁷.

А только приищут место усть Везеницы или усть Топлин, и от тех мест ездю до Муравские дороги верст з 20. //

(л. 14)²⁸ А за Донец до Изюмские дороги ехать день²⁸.

А с вестью бежать ис тех мест через Муравскую дорогу верх Ворскла да на Семь к Ливнам и на Орел, и во Мценск, и в Новосиль по тем же урочищам, по которым бежати ис Карпова сторожевья. А бежати столько ж ден, что и от Карпова сторожевья. //

(л. 15) А прямо на Ливны бежать верх по Донцу, а от верх Донца к Семи через Муравскую и Изюмскую дороги к Ливнам. А бежати все, куды царь и все люди идут.

А только бежати от тех мест через Донец и через Изюмскую ж дорогу, и через Оскол к Ливнам. И бежать до Ливен пол-3 дни о дву конь наскоро. //

(л. 16) А только бежать от тех мест к Еголдаеву городищу через Изюмскую ж дорогу. И бежать до Еголдаева городища пол-2 дни. А от Еголдаева городища бежать до Ливен пол-2 дни о дву конь наскоро. А бежати меж дорог Муравской и Кальмиюской и перекинутца через Муравскую дорогу на Кценеве или где будет мочно, и бежать к Ливнам.

А только будет на Донцы город усть Сажново или усть Липового Донца, и от того города будет к Муравской дороге лесу верст на 7, а от лесу до Муравской дороги все поле чистое. //

(л. 17) А только будет город на усть Везеницы или усть Теплин, и на тех речках по Донцу к Муравской дороге²⁹ лесу только на полверсты, а то все и до Муравской дороги поле чистое.

А только государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит город поставить на Донцы на Северском на Чюгуеве городище, и от Чюгуева городища вверх по Донцу до речки до Тетлеги чистово места версты з 2. А от речки от Тетлеги до речки до Бабки и вверх по Донцу, и по тем речкам леса большие есть. А вниз по Донцу от Чюгуева городища до усть Уд до лесу версты с 3. А по речке³⁰ по Удом³¹ лес большой есть ж, а против того городища за рекою за Донцом лес большой и³² бор, на город лесу много. А позад того городища до речки Харькова поле чистое верст с 30. А по речкам по Харькову // (л. 18) и по Лопину, и по Удам, и до большие до Муравские дороги леса все большие. А около Чюгуева городища по обе стороны Донца земля худа и травы нет, пришли все боры и пески. А от Чюгуева городища до Муравские дороги ездю пол-2 дни о дву конь наскоро. А за Донец до Изюмской дороги от Чюгуева городища ездю пол-2-ж дни, а от Изюмской дороги до Кальмиюской дороги до усть Боровой ездю день, а от Боровой до усть Айдара ездю день же. И всего от Чюгуева городища до усть Айдара ездю пол-4 дни. //

(л. 19) А вверх по Донцу до речки Везеницы до судовые пристани ездю сухим путем пол-2 дни, а от речки Везеницы от пристани сухим путем ехать с телегами до Путивля 8 ден, а до Рильска 7 ден.

А до Ливен от речки Везеницы от пристани сухим путем с телегами ехать на Муравскую и на Изюмскую дорогу, и Муравскою дорогою до Ливен 10 ден.

А от судовые пристани, что на Донцы на Северском усть речки Везеницы, ехать в судех на низ Донцом до Чюгуева городища судном 4 дни, а от Чюгуева городища до Роздоров донетцких ездю 3 недели, а от Роздоров донетцких до Азова ездю 4 дни. А назад от Азова вверх ехать до Роздоров // (л. 20) донетцких 6 ден, а от Роздоров донетцких до Чюгуева городища вверх ехать 5 недель, а от Чюгуева городища до судовые пристани до усть речки Везеницы вверх ехать судном 6 ден.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1.

Стб. Белгородского ст. Ед. хр. 1. Л. 1–20.

Список 90-х гг. XVI в.

²⁷⁻²⁷ Дописано, вероятно, позднее, более мелким почерком, чем основной.

²⁸⁻²⁸ Дописано между строк.

²⁹ Исправлено из: дороги.

³⁰ Исправлено из: речку.

³¹ Исправлено из: Уды.

³² Написано поверх затертого.

2. [1596–1599 гг.] — «Роспись чертежу украинских городов...»

(л. 21) Роспись чертежу украинских городов, и полю, дорогам¹.
 От Серпухова вверх по Оке до Олексина 40 верст.
 А от Олексина до Колуги 50 верст.
 А вниз по Оке от Серпухова до Коширы 40 верст.
²А от Коширы до Коломны 30 верст².
 А Серпухов, и Олексин, и Колуга, и Кошира, ³и Коломна³ стоят на Оке.
 А до Тулы от Серпухова 70 верст. А Тула на реке на Упе.
 А ⁴от Тулы до Олексина⁴ 40 верст.
⁵Да от Тулы ж до Коширы⁵ 70 верст.
 А ⁶от Коширы⁶ до Николы Заразсково⁷ 30⁸ верст. А Никола Заразской на реке на Осетре.
 А от Николы Заразсково до Венева 50 верст. А Венева стоит на реке на Веневе.
 От⁹ Николы ж Заразсково ¹⁰до Переславля Резансково¹⁰ 50 верст. А Переславль стоит на реке на Оке да на реке на Трубеже. //

(л. 22) ¹¹Да от Николы ж¹¹ Заразсково ¹²до Михайлова города¹² 50 верст.
 А от Переславля Резансково до Михайлова ж 50 верст. А Михайлов стоит на реке на Проне.
 Да¹³ от Тулы ¹⁴ж к полю¹⁴ до Дедилова 20 верст. А Дедилов на реке на Шивороне¹⁵.
 От Дедилова до Веневы 30 верст.
 А до Епифани от Дедилова 30 ж верст. А Епифань стоит на Дону.
 А от Епифани до Веневы 40 верст.
 А до Донкова от Епифани 40¹⁶ верст. А Донков стоит на реке на Дону.
 От Михайлова до Веневы 40 верст.
 А до Пронска от Михайлова 30 верст. А Пронск стоит на реке на Проне¹⁷.
 А до Донкова от Пронска 70 верст.
¹⁸А от Михайлова до Данкова 80 верст¹⁸.
 А до Рязсково от Пронска 50¹⁹ верст. А Рязской стоит на реке на Ранове. //

(л. 23) А от Рязсково до Донкова 70 верст.
 А до Воронажа ²⁰от Рязсково²⁰ 250 верст.
 А Воронаж на реке на Воронаже. А от Дону версты с 3.
 От Донкова до Ельца 100 верст.
 От Тулы до Кропивны 30 верст. А Кропивна стоит на реке на Кропивне.
 От Кропивны до Черни 40 верст. А Чернь стоит на реке на Черни.
 А до Одоева от Кропивны 30 верст. А Одоев стоит на реке на Упе.
 А от Одоева до Белева 30 верст. А Белев стоит на Оке.

¹ Далее зачеркнуто: и урочищем, и рекам.

²⁻² Дописано между строк почерком, отличным от основного.

³⁻³ Дописано над строкой почерком, отличным от основного.

⁴⁻⁴ Написано над строкой почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: от Олексина до Тулы.

⁵⁻⁵ Написано над строкой почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: А от Коширы до Тулы.

⁶⁻⁶ Дописано над строкой почерком, отличным от основного.

⁷ Далее зачеркнуто: от Коширы.

⁸ Написано над строкой, вместо зачеркнутого: 40.

⁹ Написано после зачеркнутого: А до Переславля Резанского.

¹⁰⁻¹⁰ Написано над строкой почерком, отличным от основного.

¹¹⁻¹¹ Написано над строкой почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: А до Михайлова от Николы.

¹²⁻¹² Написано над строкой почерком, отличным от основного.

¹³ Дописано на полях более темными чернилами.

¹⁴⁻¹⁴ Написано над строкой почерком, отличным от основного.

¹⁵ Далее зачеркнуто: А Шиворона впала в Упу.

¹⁶ Написано над строкой вместо зачеркнутого: 30.

¹⁷ Далее зачеркнуто: От Пронска до Епифани 50 верст.

¹⁸⁻¹⁸ Дописано между строк почерком, отличным от основного.

¹⁹ Написано над строкой, вместо зачеркнутого: 70.

²⁰⁻²⁰ Написано над строкой почерком, отличным от основного.

А до Мценска от Одоева 40 верст. А Мценск стоит на реке на Зуше.

А до Черни от Одоева 40 верст.

От Черни до Новосили 40 верст. А Новосиль стоит на реке на Зуше. //

(л. 24) От Новосили до Мценска 40 верст.

А ото Мценска до Орла 40 верст. А Орел стоит на Оке.

А до Ливен от Новосили 70 верст. А Ливны стоят на реке на Быстрой Сосне да на речке на Ливенке.

А до Ельца от Новосили 80 верст. А Елец стоит на реке на Быстрой Сосне да на речке на Ельце²¹. //

(л. 25) От Колуги до Лихвина 40 верст. А Лихвин стоит на реке на Оке.

А от Лихвина до Белева 30 верст.

А от Белева до Болхова 40 верст²².

А до Козельска от Белева 40 верст²³.

А от Козельска до Болхова 70 верст.

А от Болхова до Орла 40 верст.

А от Орла до Карачева 70 верст²⁴.

²⁶От Орла ж до Кром 20 верст. А от²⁵ Кром до Курска 140 верст. А Курск стоит на реке на Тускори да на Куре²⁶.

А от Карачева до Рыльска 200 верст²⁷.

А от Рылеска до Путивля 60 верст²⁸. //

(л. 26) Город Ливны, стоит на реке на Быстрой Сосне²⁹. От Ливен Муравским шляхом³⁰ до середине до Изюмские дороги³⁰ до Савинца колодезя днище. А Савинец колодезь впал в реку в Тиму. А Тим река пришла справа Муравсоково шляху и впала в реку Быстрою Сосну. //

(л. 27) А от Савинца колодезя до верховья реки Кщенева и до Пузатцково лесу полднища.

А река Кщенева впала в реку в Сосну ниже Ливен через Калмиюсскую дорогу. А с правые стороны с Муравсково шляха река Семица Пузатая впала в Сейм.

А от Пузатцково лесу до Кутлубанов до Семских и до верховья речки Донецкие Семицы и до верхов Донецких днище. А от Пузацково³¹ лесу от Кутлубанов с³² Муравсково шляху налево пошла дорога в Новой Белгород.

И всего от Ливен до верховья Донецково Муравским шляхом пол-3 днища. //

(л. 28) А от верховья³⁶ Донетцково³³ до Карпова³⁴ сторожевья днище. А Карпово³⁵ сторожевье

²¹ Далее зачеркнуто: От Ливен вниз по Сосне 60 верст.

А до речки до Любовши и до Судбищ, где было дело с крымским царем Шереметеву, от Новосили 30 верст, а от Судбища до Дедилова 80 верст.

А до Дедовы дубровы от Новосили 15 верст.

А до речки до Синьковца 30 верст. А от Синьковца до Ливен 40 верст.

А до Стоновые дубровы от Новосили 40 верст.

А от Стоновые дубровы до Ливен 30 верст.

²² Далее зачеркнуто: А Болхов стоит на реке на.

²³ Далее зачеркнуто: А Козельск стоит на реке.

²⁴ Далее зачеркнуто: А Карачев стоит на реке.

²⁵ Выше пометка: отстав.

²⁶⁻²⁶ Написано между строк («А от Карачева до Рыльска 200 верст») почерком, совпадающим с основным, кроме слов «От Орла ж до Кром».

²⁷ Далее зачеркнуто: А Рылеск стоит на реке на Семи.

²⁸ Далее зачеркнуто: А Путивль стоит на реке на Семи.

²⁹ Далее зачеркнуто: А Сосна Быстрая впала в Дон ниже Ельца. Брод Кирпичной по Муравскому шляху выше Ливен 2 версты. От реки от Сосны от Кирпичного броду дорога в Крым Муравским шляхом.

³⁰⁻³⁰ Дописано между строк почерком, близким к основному. «Середине» написано над вставленной строкой и, похоже, является еще более поздней вставкой.

³¹ Между строк сверху написано затертое: «где пошла». «А от Пуза» — было зачеркнуто. Далее до «от Кутлуба» текст подчеркнут (зачеркнут?).

³² «С» написано поверх «к».

³³ Над словом почерком правки помета: чисто.

³⁴ Над фрагментом «до Кар» почерком правки помета: чисто.

³⁵ Над словами «Донетцково... Карпово» почерком основного текста написано и характерными для почерка правки чернилами зачеркнуто: Липново Донца до верх (над буквами «до вер» почерком правки написано и зачеркнуто слово «речки») речки (слово «речки» вписано выше почерком основного текста) Рогозенца и до Мерла (?) 2 дни езду.

на реке на Ворскле поправу Муравсково шляху. А от Карпова сторожевьа до Белгорода 20 верст. А справа Муравсково шляху с верховья реки Ворскла через нево и через Муравской шлях пришла дорога в Новой Белгород путивльская и рыльская³⁶.

А от Карпова сторожевьа и от дороги от рыльской³⁷ и от путивильской³⁷ до верховья речки Рагозенца³⁸ // (л. 29) днище.

А от³⁹ верховья речки Рагозенца⁴⁰ до верховья рек Мжа, и Колок,⁴¹ и до Валок⁴² днище⁴³. А Мжо⁴⁴ впала в Донец, а Коломок в Ворскол.

А от тех рек до верховья речки Орчика и от Орчика до верх⁴⁵ речки Берестовой полднища. А Орчик и Берестовая впали в Арел.

А от верховья речки Берестовой до верховья первых Арельских Розсошин и до других Арельских Розсошин днище⁴⁶. А река Орель впала в Днепр, потекла направо от Муравсково шляху.

И всего ото Мжаи, и от Коломок, и от Валок до верховья речки Арели пол-2⁴⁷ днища⁴⁸. //

(л. 30) А⁴⁹ от верховья речки Арели от розсошин до верховья реки Самари днище. А река Самарь впа[ла] в Днепр⁴⁹.

А от реки от Самары до речки Волчьих Вод днище. А течет речка Волчьи Воды через Изюмскую дорогу и через Муравскую, а впала в Самарь.

⁵⁰И всего от Арельских розсошин до Волчьих вод 2 днища⁵⁰.

А от речки Волчьих Вод до речки Овечьих Вод днище. А течет через Изюмскую и через Муравскую дорогу. А впала в речку в Волчьи Воды.

А от речки Овечьих Вод до верховья реки Конских Вод днище. А река Конские Воды впала в Днепр.

⁵¹И всего от Волчьих Вод до верховья Конских Вод 2 днища⁵¹.

А от верховья реки Конских Вод до речки Токмака и до верховья реки Молочных Вод днище. А речка Токмак впала в реку Молочные Воды. А река Молочные Воды впала в море.

А от реки от Молочных Вод до Перекопи два днища. //

(л. 31) И всего от Ливен до Перекопи Муравским шляхом⁵² днищ⁵³.

Дорога середняя Изюмская в Крым с Муравские дороги через⁵⁵ верх⁵⁴ реки Кщеневи⁵⁵ ⁵⁷на усть колодезя⁵⁶ Дорожина через Оскол⁵⁷.

³⁶⁻³⁶ Текст был зачеркнут. Вероятно, зачеркивание было снято пометами «чисто» (см. ниже). Ниже текст дублирован.

³⁷⁻³⁷ Написано над строкой основным почерком.

³⁸ Далее зачеркнуто: и до путивильской станичной // (л. 29) дороги.

³⁹ Далее зачеркнуто: путимской станичной дороги и от.

⁴⁰ Далее зачеркнуто: до верховья речки Олешенки с полднища, а речка Олешенка впала в Уды.

А от верховья речки Олешенки.

⁴¹ Так в документе.

⁴² Так в документе. Далее зачеркнуто: с пол.

⁴³ Исправлено из: днища.

⁴⁴ Так в документе.

⁴⁵ Слово написано над строкой основным почерком.

⁴⁶ Исправлено из: полднища.

⁴⁷ Дописано над строкой.

⁴⁸ Исправлено из: днище.

⁴⁹⁻⁴⁹ Написано над строкой вместо зачеркнутого текста основным почерком: от верховья речки Арельских розсошин до верховья реки Самары днище. А Самара впала в Днепр. Выше зачеркнутого текста зачеркнутая помета: чис.

⁵⁰⁻⁵⁰ Дописано между строк более светлыми чернилами, чем основной текст, но основным почерком.

⁵¹⁻⁵¹ Дописано между строк основным почерком.

⁵² Далее зачеркнуто: 14. Текст вместо зачеркнутого не поставлен.

⁵³ Далее примерно половина склейки оставлена чистой.

⁵⁴ Далее зачеркнут текст, написанный над строкой: «И через ре».

⁵⁵⁻⁵⁵ Написано над строкой вместо зачеркнутого: Кщеневи (так! — изд.) верхи реки Семи. «Кщенева» дописано над строкой. Над словом «Семи» написано зачеркнутое: «Оскола». Текст над строкой правлен. Первоначально текст выглядел так: через верхи реки Семи. Все правки сделаны почерком, отличным от основного.

⁵⁶ Слово написано над строкой.

⁵⁷⁻⁵⁷ Дописано почерком, отличным от основного.

А от Муравской дороги⁵⁸ от колодезя от Савинца до усть колодезя⁵⁸ Дорожина⁵⁹ полднища. А⁶⁰ колодезь Дорожин^{60,61} впал⁶² в Оскол⁶³.

А⁶⁴ от колодезя Дорожина⁶⁵ до верховья речки Нежеголи⁶⁶ пол-2⁶⁷ днища. А речка Нежеголь⁶⁸ впала в Донец.

А от речки от Нежеголи⁶⁹ // (л. 32) до верховья речки Бурлука 2⁷⁰ днища⁷¹. А речка Бурлук впала в Донец.

А от верховья речки Бурлука до⁷² Изюмов⁷³ курган⁷⁴ 2 днища.

А от Изюм кургана⁷⁵ до речки⁷⁵ до верх Торца⁷⁶ и до верх Самари⁷⁶ днища⁷⁷. А речка Торец⁷⁸ впала в⁷⁹ реку в Тор⁷⁹.

А от⁸⁰ речки от Торца до Волчьих⁸⁰ Вод⁸¹ днище. А Волчьи⁸² Воды впали⁸³ в Самарь⁸³. // (л. 33) А от⁸⁴ Волчьих Вод⁸⁴ до верх⁸⁵ до Молочных Вод⁸⁶, речки⁸⁸ до усть⁸⁸ Токмакова⁸⁹ 2 днища⁹⁰.

А от Молочных Вод до Перекопи 2 днища.

От Ливны ж от реки от Быстрой Сосны⁹¹ дорога Калмиюская в Крым, налево⁹² через речку Кщеневу⁹³.

А от Ливен до реки⁹⁴ до Кщеневы 5 верст.

⁵⁸⁻⁵⁸ Написано над строкой вместо зачеркнутого почерком, отличным от основного: до верховья реки Оскола и до.

⁵⁹ Далее зачеркнуто над строкой: через Оскол. Написано почерком, отличным от основного.

⁶⁰⁻⁶⁰ Дописано над строкой основным почерком, вместо зачеркнутого: речка Короча.

⁶¹ Далее зачеркнуто: Корочи.

⁶² Исправлено из: впала. Далее зачеркнуто: в Нижегород.

⁶³⁻⁶³ Дописано над строкой.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: от верховья реки Корочи. «Реки» исправлено из «речки». Зачеркнуто над строкой, написано почерком, совпадающим с основным: и Оскола и.

⁶⁵⁻⁶⁵ Написано над строкой.

⁶⁶ Исправлено из: Нежегоди.

⁶⁷⁻⁶⁷ Написано над строкой основным почерком.

⁶⁸ Исправлено из: Нежегодь.

⁶⁹ Исправлено из: Нежегоди. Далее зачеркнуто: до речки Волчьих Вод полднища. А речка Волчья впала в Донец // (л. 32) А от речки от Волчьи.

⁷⁰ Написано над строкой.

⁷¹ Исправлено из: днище.

⁷² Далее зачеркнуто: верховья рек Большой да Меньшой Булуклей днище. А те речки впали в Донец.

А от речек Булуклей до Изюмского колодезя и до Донца полднища. А переехав Донец на.

⁷³ Исправлено из: Изюмской.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: ниже Белагорода. Над строкой написано и зачеркнуто написанное почерком, отличным от основного: на пути на Дон.

⁷⁵⁻⁷⁵ Написано над строкой почерком, отличным от основного.

⁷⁶⁻⁷⁶ Написано над строкой почерком, отличным от основного.

⁷⁷ Исправлено из: днище.

⁷⁸ Написано над строкой вместо: Самара.

⁷⁹⁻⁷⁹ Дописано позднее почерком, отличным от основного, вместо: Днепр.

⁸⁰⁻⁸⁰ Написано над строкой, почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: Волчьих.

⁸¹ Далее зачеркнуто: до верх Овечьих Вод.

⁸² Исправлено из: Овечи.

⁸³⁻⁸³ Написано над строкой, почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: в Волчьи Воды.

⁸⁴⁻⁸⁴ Написано над строкой, почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: Овечьих Вод верх.

⁸⁵⁻⁸⁵ Написано над строкой дописанного текста почерком, отличным от основного.

⁸⁶ Далее зачеркнуто: до усть до.

⁸⁷⁻⁸⁷ Дописано между строк основным почерком. Далее зачеркнуто: до устьев.

⁸⁸⁻⁸⁸ Написано над строкой основным почерком.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: до Молочных Вод днище.

⁹⁰ Исправлено из: дни езды. Правка, вероятно, сделана основным почерком.

⁹¹ Далее зачеркнуто: от Кирпичного броду.

⁹² Написано по затертому: Кщеневу.

⁹³⁻⁹³ Дописано между строк основным почерком.

⁹⁴ Написано по затертому.

А от реки ото Кщенева до верховья реки⁹⁵-Ольми, где пришла елетцкая дорога в Оскол, пол-2 днища⁹⁵. А река⁹⁶ Олым впадала⁹⁷ в Быструю Сосну⁹⁷.

А от верх речки Ольми⁹⁸ до верховья речки⁹⁹ Убли¹⁰⁰ полднища. Убль впадала в Оскол,¹⁰² ниже Оскольсково¹⁰¹ города¹⁰².

А от речки от¹⁰³ верх Убли¹⁰⁴ до верховья речки¹⁰⁵ 106-Тихой Сосны до Каменного¹⁰⁶ броду 2 днища.¹⁰⁸ А река Тихая Сосна¹⁰⁷ впадала в Дон¹⁰⁸. //

(л. 34) А от верховья реки¹⁰⁹ 110-Тихой Сосны от Каменного броду¹¹⁰ до верховья рек¹¹¹ 113-Айдара и Баучара 2 днища, а реки¹¹² Айдар впадал в Донец, а Баучар¹¹³ впадал в Дон.

А от¹¹⁴ верховья рек Айдара и Баучара до большой росоши Айдарские¹¹⁴ 2 днища¹¹⁵.

А от Большой¹¹⁶ 117-Росаши¹¹⁷ Айдарские до усть Борового перевозу 2 днища¹¹⁸. //

(л. 35) А от усть Боровой до верх речки¹¹⁹ Багмутовой днище. А речка Багмутова впадала в Донец.

А от верх Багмутовой до верховья¹²⁰ рек¹²¹ Калмиуса и до Волчьих Вод днище. А Кальмиус впадал в море. А Волчьи Воды впадал в Самарь.

А от верховья рек Кальмиуса и Волчьих Вод до верховья речек Берд пол¹²²-3 днища. А речки Берды впадал в море.

А от верховья речек Берд до усть¹²³ реки до¹²³ Молочных Вод пол-3 днища. А Молочные Воды впадал в море.

А от реки от усть Молочных Вод до Перекопи 3 днища.

И всего¹²⁴ от Ливен¹²⁴ Кальмиускою дорогой¹²⁵ до Перекопи...¹²⁶ //

⁹⁵⁻⁹⁵ Написано над строкой вместо зачеркнутого почерком, совпадающим с основным: Ольми и до верховья речки Горюсими 2 днища. Выше над строкой написано и зачеркнуто почерком, совпадающим с основным: Убли.

⁹⁶ Написано над строкой почерком, отличным от основного: Олым.

⁹⁷⁻⁹⁷ Написано над строкой почерком, совпадающим с основным, вместо зачеркнутого: в Сосну Быструю, а Горосль околь верст з 2 в Сосну в Быструю.

⁹⁸ Написано над строкой вместо зачеркнутого: Алыми и Горосими. Выше над строкой написано и зачеркнуто: Убли.

⁹⁹ Исправлено из: рѣчки.

¹⁰⁰ Написано над строкой почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: Убли. Выше над строкой написано почерком, совпадающим с основным, и зачеркнуто: Тихой Сосны до Каменного броду. Далее зачеркнут первоначальный текст: и до того места, где пришла елетцкая дорога.

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: ро.

¹⁰²⁻¹⁰² Дописано, вероятно, позднее, почерком, отличным от основного.

¹⁰³ Написано над строкой.

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: овья Убли.

¹⁰⁵ Исправлено из: рѣки.

¹⁰⁶⁻¹⁰⁶ Написано над строкой вместо зачеркнутого: Потудони полднища, а Потудань.

¹⁰⁷ Написано под строкой на л. 34. В основной строке далее зачеркнуто: Дон.

¹⁰⁸⁻¹⁰⁸ Дописано, вероятно, позднее, почерком, отличным от основного.

¹⁰⁹ Исправлено из: речки.

¹¹⁰⁻¹¹⁰ Написано над строкой основным почерком вместо зачеркнутого: Потудани.

¹¹¹ Исправлено из: реки.

¹¹² Слово написано над вписанной строкой.

¹¹³⁻¹¹³ Написано над строкой вместо зачеркнутого: Тихой Сосны до Каменного брода днище, а Тихая Сосна.

¹¹⁴⁻¹¹⁴ Написано над строкой основным почерком вместо зачеркнутого: Тихие Сосны до верх речки Донские Калитвы полднища, а Калитва впадала в Айдарские.

¹¹⁵ Далее зачеркнуто почерком, отличным от основного: впадала в Дон.

¹¹⁶ Слово написано над строкой.

¹¹⁷⁻¹¹⁷ Роса — исправлено из: реки.

¹¹⁸ Написано между строк, почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого: Калитвы до Верх Айдара днище.

¹¹⁹ Слово дописано над строкой основным почерком.

¹²⁰ -овья написано над строкой.

¹²¹ Слово дописано над строкой.

¹²² Написано над строкой, вероятно, основным почерком.

¹²³⁻¹²³ Слово дописано над строкой, вероятно, основным почерком.

¹²⁴⁻¹²⁴ Написано над строкой основным почерком.

¹²⁵ Далее зачеркнуто: от Ливен.

¹²⁶ Далее оставлено свободное место.

(л. 36) Дорога с Муравсково шляху направо возле Днепре на низ к Перекопи от верх¹²⁷ Орчика на Самарь на Пещаной брод.

От верх речки¹²⁸ Орчика до реки¹²⁹ до Сомари до Пещаново броду 2 днища. А река Самарь впадала в Днепр.

А от реки от Самари до усть¹³⁰ реки до¹³⁰ Конских Вод 2 днища. А река Конские Воды впадала в Днепр.

А от реки от усть Конских Вод до Перекопи 3 днища.

И всего тою дорогою до Перекопи¹³¹ днищ. //

(л. 37) Дорога из Белгорода¹³² через речку Разумницу¹³² ездят станицы вниз по Донцу к Хорошинским¹³³ Гребенным горам по Нагайской стороне через Изюмскую¹³⁴ и Калмиюскую дорогу¹³⁵.

От¹³⁶ Белгорода¹³⁷ и от речки Разумницы¹³⁷ до усть¹³⁸ реки до¹³⁸ Оскола 3 днища. А Оскол впадал в Донец¹³⁹ выше Святых гор.

А от усть Оскола до усть реки¹⁴⁰ Айдара 2 днища. А река Айдар впадал в Донец.

А от усть реки¹⁴¹ Айдара до Гребенных гор 2 днища.

И всего от Белгорода до Гребенных гор 7 днищ¹⁴².

А¹⁴³ с перевозов¹⁴⁴, которые в поле по Донцу выше Оскола, все шляхи¹⁴⁵ сошлись¹⁴⁶ в место меж речки¹⁴⁷ Корочи и Холка, и Холани на Изюмскую дорогу. ¹⁴⁸А тут стоят сторожи из Белгорода¹⁴⁸.

А другою дорогою из Белгорода станицы ездят¹⁴⁹ до¹⁵⁰ Берестовой и до верховья рек Арели и Самари. //

(л. 38) А из Оскольского города станицы ездят вниз по Осколу к усть Боровой. А от усть Боровой ездят станицы до Роздоров Донецких и до Дону. А от Оскольского города до Роздоров Донецких и до Дону 8 днищ.

А с перевозов, которые вниз по Донцу от усть Оскола¹⁵¹ от Святых гор¹⁵¹ до Роздоров Донецких шляхи,¹⁵² все сошли в место х¹⁵³ Каменому¹⁵⁴ броду на Тихую Сосну. А тут стоят¹⁵⁵ ¹⁵⁶на Калмиюскую дорогу¹⁵⁶ сторожи из Оскольского города¹⁵⁷. //

¹²⁷ Написано поверх затертого: с верх.

¹²⁸ Написано над строкой основным почерком.

¹²⁹ Написано по затертому: Самари.

¹³⁰⁻¹³⁰ Написано над строкой.

¹³¹ Далее зачеркнуто: 7.

¹³²⁻¹³² Дописано над строкой основным почерком. Далее зачеркнут текст над строкой, написанный основным почерком: через ре.

¹³³ Слово написано над строкой.

¹³⁴ Далее зачеркнуто: от Белгорода.

¹³⁵ Далее зачеркнуто написанное основным почерком: дорогу.

¹³⁶ Перед словом зачеркнуто: А.

¹³⁷⁻¹³⁷ Дописано над строкой основным почерком, выше: реки до.

¹³⁸⁻¹³⁸ Дописано над строкой основным почерком.

¹³⁹ Далее зачеркнуто: под.

¹⁴⁰ Слово написано над строкой основным почерком.

¹⁴¹ Слово написано над строкой основным почерком.

¹⁴² Слово дописано более темными чернилами, чем основной текст.

¹⁴³ Далее зачеркнуто: шляхи.

¹⁴⁴ Далее зачеркнуто: от.

¹⁴⁵ Написано над строкой, почерком, отличным от основного, вместо зачеркнутого и дописанного над строкой основным почерком: дороги.

¹⁴⁶ Дописано над строкой основным почерком.

¹⁴⁷ Исправлено из: рѣчки.

¹⁴⁸⁻¹⁴⁸ Дописано более светлыми чернилами, чем основной текст, основным почерком.

¹⁴⁹ Далее зачеркнуто: Муравским шляхом.

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: верховья речки.

¹⁵¹⁻¹⁵¹ Написано над строкой основным почерком.

¹⁵² Написано над строкой основным почерком вместо зачеркнутого: дороги.

¹⁵³ Исправлено из: на.

¹⁵⁴ Исправлено из: Каменной.

¹⁵⁵ Над строкой написан основным почерком зачеркнутый текст: на Калмиюс.

¹⁵⁶⁻¹⁵⁶ Дописано над строкой основным почерком.

¹⁵⁷ Исправлено из: гогорода, второй слог -го- зачеркнут.

(л. 39) Дорога новая Калмиюская к Гребенным горам с Калмиюской дороги налево сверх Айдара и Баучара до роз[со]ши[н]¹⁵⁸ Айдарских днище. //

(л. 40) А от Розсошин до Белье Калитвы днище. А Белая Калитва впала в Донец.

А от верх Белье Калитвы до речки до Быстрой днище. А речка Быстрая впала в Донец.

А от Быстрой речки до Гребенных гор полднище. А ездят тою дорогою станичные головы.

¹⁵⁹А от Гребенных гор до Роздоров Донецких днище¹⁵⁹.

Дорога с Калмиюской дороги направо на Боровую от Розсошин по Айдару до верховья Боровой днище. А по Боровой до устья другое днище. А Боровая впала в Донец. //

(л. 41) Да от Ливен же дорога к Белу¹⁶⁰ городу ехати Муравскою дорогою до Савинца колодезя днище. А от Савинца колодезя до верх речки Кшеневой, и до верх речки Оскола, и до Пузатцково лесу ¹⁶¹пол¹⁶¹днища¹⁶². А от Пузатцково лесу с Муравские дороги налево к Белгороду¹⁶³ до верх речки Корени и до Белева города пол-2 днища.

И всего от Ливен до Белева города ехати станичною ездою 3¹⁶⁴ днища.

Да от Ливен ж дорога к Оскольскому городу ехати Муравскою ж дорогою до Савинца до колодезя днище. А от колоде // (л. 42) за Савинца налево до речки до Кшеновой полднища. А от речки от Кшеновой до Оскольского города днище.

И всего от Ливен до Оскольского города ехати станичною ездою пол-3 днища.

А от Оскольского города до Белгорода ехати станичною ездою пол-2 днища.

Дорога ис Курска к Белугороду ехати верх речки Полной да через верхи Псельские, да выше верхов речки Пени да верх Ворскла, да через Муравскую дорогу, да межи Сажновой, Липново Донца, по Липному Донцу межи лесу¹⁶⁵. А лес пошел к Сажному Донцу, а ездю ис Курска до Белгорода пол-2 дни.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1.

Стб. Белгородского ст. Ед. хр. 1. Л. 21–42.

Черновик (?). Вторая половина 90-х гг. XVI в.

Географический указатель

(В указателе дается отсылка на архивный номер листа без разбивки на публикуемые памятники. В указателе учтен зачеркнутый текст.)

Азов, г. 19

Айдар, р. 3, 4, 5, 6, 11, 18, 34, 37, 39, 40

Айдарская розсошь (россош, Айдарские росошины), р. 4, 34, 39

Алексин (Олексин), г. 21

Алымь (Олымь), р. 33

Арель (Орель), р. 29, 30, 37

Арельские розсошины, р. 29, 40

Бабка, р. 17

Багмут, р. 35

Баучар, р. 3, 34, 39

Белая Калитва, р. 40

Белгород «новый» (Белев город, Белгород) 27, 28, 32, 37, 41, 42

Белёв, г. 10, 23, 25

Берды, р. 35

Берестовая, р. 29, 37

¹⁵⁸ Часть букв пропущена переписчиком.

¹⁵⁹⁻¹⁵⁹ Дописано более светлыми чернилами, чем основной текст, почерком, отличным от основного.

¹⁶⁰ Исправлено из: Белеву.

¹⁶¹⁻¹⁶¹ Дописано над строкой. Выше зачеркнуто: пол-2.

¹⁶² Исправлено из: днищъ.

¹⁶³ Исправлено из: Белевугороду.

¹⁶⁴ Написано вместо зачеркнутого: пол-4.

¹⁶⁵ Далее зачеркнуто: и Лепново Донца.

Болхов, г. 10, 25
Большая Булукля, р. см.: Булукля Большая
Боровая, р. 6, 11, 18, 35, 38, 40
Боровой перевоз 34
Боучар, р. 34
Булукля Большая, р. 32
Булукля Малая, р. 32
Бурлук, р. 32
Быстрая Сосна, р., см.: Сосна Быстрая
Быстрая, р. 40
Валок, р. 29
Везеница, р. 6, 7, 13, 17, 19, 20
Венев (Венева), г. 21, 22
Венева, р. 21
Воды Волчьи, р. 30, 32, 33, 35, см.: Волчьи Воды, р.
Воды Конские, р. 30, 36
Воды Молочные, р. 30, 33, 35
Воды Овечьи, р. 30, 33
Волчьи Воды, р. см.: Воды Волчьи
Воронеж, г. 23
Воронеж, р. 23
Ворскла (Ворскол), р. 1, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 28, 29, 42
Горосль, р. 33
Гребенные горы, см.: Хорошинские Гребенные горы
Данков (Донков), г. 22, 23
Дедилов, г. 22, 24
Дедова дуброва 24
Деркул, р. 4
Днепр, р. 7, 29, 30, 36
Дон, р. 6, 22, 23, 26, 32, 33, 34, 38
Донец, р. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 15, 17, 18, 19, 29, 31, 32, 34, 35, 37, 40
Донец Липовый (Липный), р. 13, 16, 28, 42
Донец Сажный, р. 13, 16, 42
Донец Северский 6, 11, 13, 17, 19
Донецкая Семица, р. 27
Донецкое верховье 27, 28
Донецкие Роздоры, см. Роздоры Донецкие
Донков, г. см.: Данков
Донская Калитва, р. см.: Калитва Донская
Дорожин колодезь, р. 31
Еголдаево городище 4, 16
Елетцкая дорога 33
Елец, г. 2, 3, 23, 24, 26
Елец, р. 24
Епифань, г. 22
Зарайск, г. См.: Никола Зарайский
Зуша, р. 23
Изюм (Изюмов) курган 2
Изюмская дорога 1, 2, 8, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 26, 30, 31, 32, 37
Изюмский колодезь, р. 32
Калитва Донская, р. 34
Калуга (Колуга), г. 10, 21, 25
Кальмиус (Калмиус), р. 5, 35

- Кальмиуская новая дорога 2, 3, 39
Кальмиуская (Калмиуская) дорога 4, 8, 16, 18, 27, 33, 35, 37, 38, 39, 40
Каменный брод 33, 34, 38
Карачев, г. 10, 12, 25
Карпово сторожевое 1, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 28
Кашира (Кошира), г. 21
Кирпичный брод 26
Козельск, г. 25
Коломна, г. 21
Коломок, р. 1, 11, 12, 29
Колуга, р. см.: Калуга
Комарицкая (Камаритцкая) волость (волости) 10
Конские Воды, р. см.: Воды Конские
Корень, р. 41
Короча, р. 31, 37
Котел, р. 2, 3
Кошира, г. См.: Кашира
Крапивна (Кропивна), г. 23
Кропивна, р. 23
Кромы, г. 25
Крым 2, 31, 33
Кур, р. 25
Курск (Куреск), г. 25, 42
Кутлубаны Семские 27
Кщенева (Кшенева), р. 16, 27, 31, 33, 41, 42
Ливенка, р. 24
Ливны, г. 1, 2, 3, 4, 9, 14, 15, 16, 19, 24, 26, 27, 31, 33, 35, 41
Липовый Донец, р. см.: Донец Липовый
Лихвин, г. 25
Лопин, р. 18
Любовша, р. 24
Малая Булукля, р. См.: Булукля Малая
Меловой брод 9
Мерл, р. 12, 28
Мжа (Мжо, Мжая), р. 1, 11, 12, 29
Михайлов, г. 22
Мишкин перевоз. См.: Перевоз Мишкин
Молочные Воды, р. См.: Воды Молочные
Муравская дорога (Муравский шлях) 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 36, 37, 41, 42
Мценск, г. 9, 10, 14, 23, 24
Нагайская сторона 37
Нежеголь, р. 31
Никола Заразский (Зарайск), г. 21, 22
Новосиль, г. 9, 10, 14, 23, 24
Овечьи Воды, р. См.: Воды Овечьи
Одоев, г. 23
Ока, р. 21, 23, 25
Олексин, г. См.: Алексин
Олешенка, р. 29
Олымь, р. См.: Алымь
Опочька, р. Л. 4
Орёл (Орел), г. 9, 10, 14, 24, 25, 29

Орёл (Орел), р. 24
Орель, р. 1, 11, 12
Орчик, р. 29, 36
Осетр, р. 21
Оскол (Оскольский город), г. 31, 33, 38, 41, 42
Оскол, р. 1, 4, 5, 11, 15, 31, 33, 37, 38, 41
Оскольские верховья 4
Пена, р. 10, 42
Перевоз Мишкин 4
Перевоз усть Боровой 3
Перекоп 2, 30, 31, 33, 35, 36, 36
Переславль Рязанский, г. 21, 22
Пещанный брод 36
Полная, р. 42
Посольская дорога 4, 6, 10
Потудань (Потудонь), р. 2, 3, 33, 34
Пронск, г. 22
Проня, р. 22
Псел, р. 7, 9, 10, 12
Пселские верхи 42
Пузатая Семица, р. См.: Семица Пузатая
Пузатцкий лес 27, 41
Путивильская дорога 1, 5, 28
Путивль, г. 5, 6, 7, 10, 12, 13, 19, 25
Рагозенец, р. 28, 29
Разумница, р. 37
Ранова, р. 22
Рогозенец, р. 28
Роздоры Донецкие 19, 20, 38, 40
Рылеск (Рыльск), г. 6, 7, 10, 12, 19, 25
Рыльская дорога 28
Рязской, г. См.: Ряжск
Ряжск (Рязской), г. 22, 23
Савинец колодезь, р. 26, 27, 31, 41, 42
Сажный Донец, р. См.: Донец Сажный, р.
Самарь (Самара), р. 1, 2, 11, 12, 30, 32, 35, 36, 37
Святые горы 37, 38
Северский Донец, р. См.: Донец Северский
Сейм, р. 27
Семские Кутлубаны, см.: Кутлубаны Семские
Семица Пузатая, р. 27
Семица Донецкая, р. См.: Донецкая Семица, р.
Семь, р. 1, 9, 14, 25, 31
Серпухов, г. 21
Синьковец, р. 24
Сосна Быстрая (Сосна), р. 24, 26, 27, 33
Сосна Тихая, р. 33, 34, 38
Старое урочище 11
Стоновая дуброва 24
Судбищи, лес 24
Суджа, р. 6
Теплин, р. 17
Тетлега, р. 17

Тима, р. 26
 Тихая Сосна, р. См.: Сосна Тихая
 Токмак, р. 30, 33
 Топлина, р. 13
 Тор, р. 32
 Торец, р. 32
 Трубеж, р. 21
 Тула, г. 21, 22, 23
 Тускорь, р. 25
 Убль, р. 2, 33
 Уд, р. 17, 18, 29
 Упа, р. 21, 22, 23
 Харьков, р. 17
 Холань, р. 37
 Холк, р. 37
 Хорошие горы (также см.: Хорошинские Гребенные горы). См.: Хорошинские Гребенные горы
 Хорошинские Гребенные (Хорошие, Гребенные) горы 3, 37, 39, 40
 Хотмышское городище 1
 Чернь, г. 23
 Чернь, р. 23
 Чугуево (Чугуевское) городище 5, 11, 18, 19, 20
 Шиворонь, р. 22

References

- Alferova G. V. *Russkiye goroda XVI–XVII vekov* [Russian Cities of the 16th–17th Centuries]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1989. (In Russian).
- Ankhimiyuk Yu. V. [Documents on the Founding of Tsarev-Borisov and Valuyek in RGADA and OPI GIM (A Review)]. *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorod Line: Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod: Konstanta Publ., 2018, iss. 3, pp. 3–8. (In Russian).
- Ankhimiyuk Yu. V. [On the History of Russian Colonization of the Wild Field in the Late 16th — Early 17th Century]. *Rossiyskoye gosudarstvo v XVI — nachale XVIII veka: sbornik statey k 70-letiyu Andrey a Pavlovicha Pavlova* [The Russian State in the 16th — Early 18th Century: A Collection of Articles for the 70th Anniversary of Andrei Pavlovich Pavlov]. Saint Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2022, pp. 335–351. (In Russian).
- Ankhimiyuk Yu. V. *Chastnyye razryadnyye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV — nachala XVIII veka* [Private Razriad Books with Records for the Last Quarter of the 15th — Early 18th Century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2006. (In Russian).
- Buganov V. I. [Charter to the Livonian Governor Ivan Osipovich Polev in 1595 (From the History of the organization of Guard Service in the South Of Russia at the End of the 16th Century)]. *Zapiski Otdela rukopisey* [Notes of the Manuscript Department]. Moscow: Kniga Publ., 1958, iss. 20, pp. 177–185. (In Russian).
- Buganov V. I. *Razryadnyye knigi posledney chetverti XV — nachala XVII v.* [Razriad Books of the Last Quarter of the 15th — Early 17th Century]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1962. (In Russian).
- Chursin D. I. [“Tumen Of Jagoldai” and his Volosts According to Historical Sources]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Policy], 2021, no. 2 (18), pp. 96–119. (In Russian).
- Deduk A. V. [Transfer of Krapivna to a New Place]. *Pozdnesrednevekovyy gorod III: Arkheologiya i istoriya: Materialy III Vserossiyskogo seminara* [Late Medieval City III: Archaeology and History: Materials of the 3rd All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-istoricheskiy i prirodnyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole” Publ., 2011, pp. 227–231. (In Russian).
- Dvoretzky E. V. [On the Reliability of the Chronicle Date of the Founding of Belgorod, Oskol and Valuyki]. *Istoriografiya i istochniki po istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo*

Chernozem'ya [Historiography and Sources on Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut Publ., 1989, pp. 13–14. (In Russian).

Fominov A. V. [The Date of Foundation of Valuyek — 1599: New Arguments]. *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorod Line: Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod: Konstanta Publ., 2018, iss. 3, pp. 134–138. (In Russian).

Fominov A. V. [Unresolved Issues in the History of the “Polish” Cities of the Moscow State: The Founding of Valuyki and the Death of Tsarev-Borisov]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2013, iss. 16, pp. 202–230. (In Russian).

Frolov A. A. [The Emergence of Russian Cartographic Drawing and the Perception of Space in Muscovy in the Fifteenth and Sixteenth Centuries]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 3, pp. 50–59. (In Russian).

Kashtanov S. M. [The Drawing of a Land Plot of the 16th Century]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute]. Moscow: MGIAI Publ., 1963, vol. 17: Questions of source study of the history of the USSR, pp. 429–436. (In Russian).

Khoruzhenko O. I. [The Measurement Data of the *List of the Steppe Roots* and the Localization of the *Yegoldayevo Gorodishche*]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RSUH / RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies], 2008, no. 4, pp. 302–311. (In Russian).

Liseytshev D. V. [The Krapivna City at the End of the Time of Troubles: The Revival of the Fortress in the Light of New Sources]. *Gorod Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archaeology. History]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole” Publ., 2018, iss. 6, pp. 231–239. (In Russian).

Papkov A. I. [The Founding of Belgorod (The Problem of Building Fortresses on the Southern Outskirts of Russia at the End of the 16th Century)]. *N. I. Troitskiy i sovremennoye issledovaniye istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii* [N. I. Troitsky and Modern Research of the Historical and Cultural Heritage of Central Russia]. Tula: INFRA Publ., 2002, vol. 2, pp. 103–113. (In Russian).

Papkov A. I. *Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoy (konets XVI — pervaya polovina XVII veka)* [Borderlands of the Russian Kingdom and Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Late 16th — First Half of the 17th Century)]. Moscow: Konstanta Publ., 2004. (In Russian).

Petrov V. A. [Geographical Reference Books of the 17th Century (“Poverstnaya kniga” and “Opisanie rasstoyaniyu stolic, narochityh gradov slavnih gosudarstv i zemel' ... ot grada Moskvy”). *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950, vol. 5, pp. 74–165. (In Russian).

Razdorskiy A. I. [“Kiev's” Kursk and “Moscow's” Kursk: The Problem of Continuity]. *Rossiyskoye gosudarstvo v XVI — nachale XVII veka: Sbornik statey k 70-letiyu A. P. Pavlova* [Russian State in the 16th — Early 17th Century: Collection of Articles for the 70th Anniversary of A. P. Pavlov]. Saint Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2022, pp. 317–334. (In Russian).

Razdorskiy A. I. [About the Time of Existence of Modern Kursk (On the Issue of Chronological Gaps in the History of Some Russian Cities)]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda* [Historical Urban Studies: The Past and Present of the City]. Kurgan: Kurganskiy dom pečati Publ., 2015, pp. 193–194. (In Russian).

Rybakov B. A. *Russkiye karty Moskovii XV — nachala XVI v.* [Russian Maps of Muscovy in the 15th — Early 16th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1974. (In Russian).

Saatchyan G. R. [Geographical Description of the Southern Part of the Muscovite state (*Rospis' chertezhu ukrainnyh gorodov...*) of the end of the 16th century]. *Istoricheskiy istochnik: chelovek i prostranstvo: Tezisy dokladov i soobshcheniy nauch. konf. Moskva, 3–5 fevralya 1997 g.* [Historical source: Man and Space: Abstracts of reports and messages of a sci. conf. Moscow, February 3–5, 1997]. Moscow: RGGU Publ., 1997, pp. 169–171. (In Russian).

Saatchyan G. R. [On the Problem of Traditions of Form and Content of Russian Geographical Descriptions of the 16th–17th Centuries]. *Tochnoye gumanitarnoye znaniye: Traditsii, problemy, metody, rezul'taty* [Exact humanitarian Knowledge: Traditions, Problems, Methods, Results]. Moscow: Izd. tsentr RGGU Publ., 1999, pp. 130–131. (In Russian).

Saatchyan G. R. [Russian Field: How “Ukraine” and “Polish Cities” Appeared on Our Land]. *Rodina* [Motherland], 1996, no. 2, pp. 48–50. (In Russian).

Shmelev Yu. N. *“Kogda Moskva Belgorod stroila i Valuyku s Oskolom”* [“When Moscow built Belgorod, Valuyka and Oskol”]. Belgorod: Uprpoligrafizdat Publ., 1990. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [About the Time of Foundation and Initial Location of Belgorod]. *Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Problems of Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region]. Moscow; Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut Publ., 1994, pp. 42–49. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [Did Kursk Exist in 1596? (To the Interpretation of One “Sentence” of Ivan the Terrible)]. *Kurskiy kray v istorii Otechestva* [Kursk Region in the History of the Fatherland]. Kursk: Kurskiy gos. universitet Publ., 2012, pp. 186–190. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [On the Dating and Chronological Structure of the New Chronicler]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2004, no. 3 (17), pp. 39–46. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [On the Early History of Oskol and Tsarev-Borisov]. *N. I. Troitskiy i sovremennoye issledovaniye istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii* [N. I. Troitsky and Modern Research of the Historical and Cultural Heritage of Central Russia]. Tula: INFRA Publ., 2002, vol. 2, pp. 97–102. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [On the Early History of the First Russian Cities on the “Field”: Several Controversial Issues]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on feudal Russia]. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2015, iss. 18, pp. 106–115. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [On the History of the Founding of the First Russian Cities on the “Field”]. *Vladimir Zagorovskiy: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vladimir Zagorovsky: To the 80th Anniversary of His Birth]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 2006, pp. 33–39. (In Russian).

Solodkin Ya. G. [On the History of the Settlement of the “Field” at the End of the 16th Century]. *Aktual'nyye problemy regionovedeniya: Trudy 3-ey mezhdunar. nauch. konf.* [Current Problems Of Regional Studies: Proceedings of the 3rd International Sci. Conf.]. Kursk: Izd-vo KurONKO Publ., 2008, part 2, pp. 83–85. (In Russian).

Uranosov A. A. [On the History of Compiling the Book of the Big Drawing]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the History of Natural Science and Technology]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, iss. 4, pp. 188–190. (In Russian).

Yatskin D. M. [On the Question of the Time — the Place of Foundation of Krapivna and the Characteristics of Its Fortifications]. *Provintsiya v kontekste istorii i literatury: materialy V Krapivenskoj konf.* [Province in the Context of History and Literature: Materials of the 5th Krapivna Conf.]. Tula: Yasnaya Polyana Publ., 2009, pp. 19–49. (In Russian).

Zagorovsky V. P. [Historical-Geographical and Historical-Demographic Consequences of the Livonian War for the Territory of the Modern Central Black Earth Region]. *Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Problems of Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region]. Moscow; Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut Publ., 1994, pp. 25–42. (In Russian).

Zagorovsky V. P. [Description of Field Roads]. *Voronezhskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Voronezh Historical Encyclopedia]. Voronezh: Istoki Publ., 1992, p. 196. (In Russian).

Zagorovsky V. P. *Istoriya vkhozhdeniya tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI v.* [History of the Entry of the Central Black Earth Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1991. (In Russian).

Zenchenko M. Yu. *Yuzhnoye rossiyskoye porubezh'ye v kontse XVI — nachale XVII v.: Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva* [Southern Russian borderland in the late 16th — early 17th Century: Experience of State Building]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008. (In Russian).

Zorin A. V. [Medieval Kursk in Written Sources of the 16th–17th Centuries]. *Belgorodskaya cherta: sbornik materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorod Line: Collection of Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod: Konstanta Publ., 2021, iss. 6, pp. 114–134. (In Russian).

УДК 94(479)«1894»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-110-131

Шумкин Георгий Николаевич

к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

**Записка министра земледелия и государственных имуществ
о поездке на Черноморское побережье Кавказа в 1894 г.**

АННОТАЦИЯ. Публикуемый документ — отчет о первой поездке А. С. Ермолова в должности министра земледелия и государственных имуществ по регионам Российской империи. Маршрут этого путешествия пролегал по территории регионов, которые сравнительно недавно были присоединены к Российской империи — по Черноморскому побережью Кавказа, Закавказью, Закаспийской области и Туркестанскому краю. Из всех этих регионов наиболее сложную ситуацию Ермолов обнаружил на Черноморском побережье. В записке от третьего лица излагаются его впечатления от поездки на Кавказ, дается описание проблем края, указываются вероятные причины, которые привели к их возникновению, и намечается программа социально-экономического развития региона. Этой запиской министр земледелия и государственных имуществ обратил внимание Николая II на непростое социально-экономическое положение Черноморского побережья и тем самым инициировал подготовку и проведение целого комплекса административных и социально-экономических мероприятий, в ходе которых была образована Черноморская губерния, активизировалась политика по заселению края крестьянами из центральных губерний России, организована поддержка «высоких» сельскохозяйственных культур, заложены основы курортного дела, модернизирована транспортная инфраструктура. Проведенные реформы определили основные направления социально-экономического развития края в XX — начале XXI в. Предваряет публикацию источника вводная статья, в которой излагается круг задач, возложенных на министерство земледелия и государственных имуществ, а также результаты преобразований, проведенных на Кавказе по инициативе А. С. Ермолова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. С. Ермолов, Кавказ, Черноморское побережье, Черноморская губерния, колонизация

UDC 94(479)«1894»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-110-131

Georgy N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

**The Minister of Agriculture and State Property's Note
On His Trip to the Black Sea Caucasian Coast in 1894**

ABSTRACT. The published document is a report on the first trip of A. S. Ermolov as the Minister of Agriculture and State Property to the regions of the Russian Empire. The route of this trip ran through the territories of regions that had relatively recently been annexed to the Russian Empire — along the Black Sea Caucasian coast, Transcaucasia, Transcaspian region and Turkestan Region. Of all these regions, Ermolov found the most difficult situation on the Black Sea coast. The note from a third person describes his impressions of the trip to the Caucasus, sets forth the problems of the region, indicates the probable causes that led to their occurrence, and outlines a program for the socio-economic development of the region. With this note, the Minister of Agriculture and State Property drew the attention of Nicholas II to the difficult socio-economic situation of the Black Sea coast and thereby initiated the preparation and implementation of a whole complex of administrative and socio-economic measures, during which the Black Sea Province was formed, the policy of settling the region with peasants from the central provinces of Russia was activated, the support for «high» agricultural culture was organized, the foundations of the resort business were laid, the transport infrastructure was modernized. The reforms carried out determined the main directions of socio-economic development of the region in the 20th — early 21st centuries. The publication of the source is preceded by an introductory article, which outlines the range of tasks assigned to the Ministry of Agriculture and State Property, as well as the results of the transformations carried out in the Caucasus on the initiative of A. S. Ermolov.

KEYWORDS: A. S. Ermolov, Caucasus, Black Sea coast, Black Sea province, colonization

Одним из следствий голода 1891–1892 гг. стало преобразование Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ, то есть в ведомство, которое должно было отвечать за сельское хозяйство страны. Однако спектр задач, которые были возложены на это ведомство, был существенно шире (в процессе реорганизации предлагалось его назвать Министерством земледелия, промышленности и торговли, но эта идея не прошла). Ему вверялось «заведование сельскохозяйственной, лесною и горною промышленностью, а также государственными имуществами». «К предметам ведомства» принадлежали: «1) попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства; 2) попечение о развитии кустарного промысла сельского населения; 3) распоряжение капиталами для поощрения сельской промышленности; 4) заведывание рыбными и звериными промыслами; 5) общий надзор за исполнением правил о сбережении лесов, а равно поощрение лесоразведения и устройства лесов на землях частных владельцев; 6) заведывание горною частью и некоторыми минеральными водами, а также сохранение всех вообще минеральных источников; 7) содействие торговли сельскохозяйственными, лесными и горнозаводскими произведениями; 8) заведование состоящими в ведении Министерства учебными заведениями по сельскохозяйственной, лесной и горной частям, а также казенными образцовыми фермами, опытными станциями и т. п. заведениями; 9) собиране и разработка статистических сведений по сельскохозяйственной, лесной и горной промышленности; 10) управление государственными имуществами: землями, имениями, оброчными статьями и лесами; 11) поземельное устройство некоторых разрядов сельских обывателей; 12) участие в переселенческом деле». Сверх того на Министерство возлагался ряд специальных функций, географически привязанных к национальным окраинам: управление имениями и лесами заграничных монастырей в Бессарабской области, попечительство над инородцами Сибири, Архангельской, Астраханской, Ставропольской и других губерний, над колонистами Кавказского края и над евреями-земледельцами в Херсонской и Екатеринославской губерниях¹. Фактически в ведении Министерства находился весь первичный сектор экономики (то есть добыча и первичная переработка природных ресурсов), а также инородческое население Империи.

Обширный круг задач требовал личного присутствия главы ведомства. Поэтому министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов был одним из самых активно путешествующих чиновников в конце XIX в. В 1894 г. он посетил побережье Черного моря, Кавказ, Закаспийскую область и Туркестанский край; в 1895 г. — Олонецкий край, верхневолжские губернии, Урал и Сибирь; в 1897 г. — Астраханскую губернию и Кавказ; в 1898 г. — Среднее Поволжье, Урал и Сибирь; в 1899 г. он объехал территорию всей Европейской России («внутренние губернии») и Кавказ, в 1902 г. — внутренние губернии и снова Кавказ. По итогам командировок готовились подробные отчеты императору, в которых министр давал подробную характеристику социально-экономической ситуации и основных проблем региона, предлагал способы их решения и определял основные направления политики своего ведомства. На полях отчетов царь делал пометы, которыми выражал свое отношение как к сложившейся ситуации, так и предполагаемым преобразованиям. Поскольку отчеты с пометами царя являлись программой действия Министерства, их обнародовали. Были опубликованы «Всепопданнейшие доклады» о поездках 1895, 1898 и 1902 гг.² Но отчеты о командировках 1894, 1897 и 1899 гг., содержащие информацию о непростой социально-политической обстановке на Кавказе, не публиковались, они сохранились только в делопроизводственной документации Министерства³.

Кавказу и, прежде всего, его Черноморскому побережью А. С. Ермолов уделял много внимания. Маршруты трех из пяти его путешествий по России в 1890-х гг. прошли по территории этого региона.

¹ ПСЗ РИ III. Т. 14. № 10457. Ст. 1–3.

² Всепопданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Олонецкий край, Верхне-Волжские губернии и на Урал осенью 1895 года. СПб., 1896. 135 с.; Всепопданнейший доклад Министра Земледелия и Государственных Имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. 53 с.; Прибавление к Всепопданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. 123 с.; Всепопданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. СПб., 1899. 59 с.; Поездка министра земледелия и государственных имуществ в 1902 году. СПб., 1903. 140 с.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 153. Л. 80–91; Д. 155. Л. 17–54; Д. 163. Л. 133–163.

Столь пристальный интерес был обусловлен очень непростым состоянием региона, в котором тот оказался через 20 лет после присоединения к России. Если «во времена горского владычества», по словам А. С. Ермолова, здесь «проживало несколько сот тысяч горцев, аулы их были окружены садами, следы которых видны доселе», то в начале 1890-х гг. край населяло «не более 17 000 душ, остальные в безвестной отлучке, а наличные жители бедствуют, живут впроголодь и вымирают от лихорадки»⁴, и притом «свободных земель, по мнению местной администрации, более почти не имеется»⁵. Ситуацию обостряли конфликты между местным населением и переселенцами, между русским и инородческим населением, между теми, кто переселился в 1870–1880-х гг., и теми, кто принял решение осесть в этом крае в 1890-е гг.

Для выхода из кризиса А. С. Ермолов наметил преобразования по нескольким направлениям: во-первых, с целью повышения эффективности управления краем Черноморский округ следовало выделить из состава Кубанской области в самостоятельную губернию; во-вторых, необходимо было развивать пути сообщения, строить порты и Черноморское шоссе; в-третьих, необходимо было пересмотреть колонизационную политику, сделав ставку преимущественно на русских; и, в-четвертых, оказать поддержку колонистам, учредив должности агрономов, виноделов, организовав школы садоводства, опытные станции, организовав ипотечный и мелиоративный кредит и т. д.

Данная программа была успешно реализована благодаря поддержке члена государственного совета, гофмейстера А. А. Абазы⁶, назначенного председателем Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья. В 1896 г. была создана Черноморская губерния⁷, разделенная на три округа — Новороссийский, Туапсинский и Сочинский, с губернским центром в Новороссийске. В 1904 г. к ней была присоединена Гагринская климатическая станция с прилегающим районом⁸. Благодаря продуманной политике переселения с 1897 по 1914 г. численность населения губернии выросла более чем в три раза — с 57,6 тыс. чел. до 194,5 тыс. чел.

В губернии активно развивалось сельское хозяйство. Если в 1900 г. снято 498 тыс. пуд. хлеба, то в 1914 г. 747 тыс. пуд., а также 248,5 тыс. пуд. фруктов, 240 тыс. пуд. винограда, 126,5 тыс. пуд. табака и произведено 190,9 тыс. ведер вина. В организованных Министерством земледелия и государственных имуществ вдоль всего Черноморского побережья Кавказа опытных станциях, имениях и школах садоводства были акклиматизированы и стали распространяться среди местного населения культуры китайского и индийского чая, японских мандаринов и хурмы, апельсина, инжира, персика, земляного ореха, маслины, ямса и батата⁹.

В 1890-х гг. было построено Черноморское шоссе (являющееся до сих пор единственной трассой вдоль побережья Черного моря). В крупный транспортный узел превратился Новороссийск. Если в 1900 г. в него прибыло по железной дороге и морем 60 млн пуд. грузов, то в 1913-м — 116 млн пуд.¹⁰ Успешно функционировали и другие порты губернии — Джубга, Геленжик, Туапсе, Лазаревка, Сочи, Адлер, Гагры, новые Гагры. Если в 1899 г. было получено 1,7 млн руб. таможенных сборов, то в 1913 г. — 3 млн руб.¹¹

Активно развивалось курортное дело. В районе Адлера и Сочи проведена осушка малярийных болот. Для строительства курортной инфраструктуры в окрестностях Новороссийска, Сочи, Туапсе, Хосты, Адлера, царского имения Дагомыс были организованы т. н. «дачные участки». В руслах рек Ачипсе, Мацеста, Чвижипсе было открыто несколько источников минеральных вод¹², благодаря

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 19 об.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 21.

⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 157. Л. 86–91.

⁷ ПСЗ—III. Т. 16. Ч. 1. № 12995.

⁸ ПСЗ—III. Т. 24. Ч. 1. № 25568.

⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 163. Л. 158 об.

¹⁰ Обзор Черноморской губернии за 1900 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1901. С. 10–12, 30; Обзор Черноморской губернии за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1915. С. 3, 8–10, 13–14.

¹¹ Обзор Черноморской губернии за 1898 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1899. С. 29; Обзор Черноморской губернии за 1913 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Черноморского губернатора. Б. м., 1914. С. 12.

¹² РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 163. Л. 146 об. — 147.

которым Сочи должны были превратиться в бальнеологический курорт. По мысли А. С. Ермолова, «расположенная довольно высоко в горах» Красная Поляна (здесь был построен город Романовск) представляла «местность, весьма пригодную для устройства горной станции», которую охотно будут посещать «жители прибрежной местности Черноморья во время жарких летних месяцев, когда пребывание на берегу делается от зноя почти невыносимым. Наоборот, прибрежные местности, и в особенности Сочи и Сухум, предоставляют все удобства для устройства зимних станций» для больных, «страдающих легочными болезнями»¹³.

Всеподданнейшие доклады и записки министра земледелия и государственных имуществ представляют большой интерес, особенно в контексте изучения социально-экономической политики в регионах в конце XIX — начале XX в. Однако до настоящего времени не часто попадали в поле зрения исследователей¹⁴. В публикуемой записке от третьего лица излагаются впечатления А. С. Ермолова от его первой поездки на Кавказ, определяется основной круг проблем Черноморского побережья Кавказа, называются причины, которые привели к возникновению данных проблем, и намечается программа социально-экономического развития региона. Документ публикуется в соответствии с современной орфографией, но с сохранением стилистических особенностей.

Записка Министра Земледелия и Государственных Имуществ о Черноморском побережье Кавказа^{1) 2) 3)}

Согласно Высочайшему повелению в Бозе почившего Императора Александра III, Министр Земледелия и Государственных Имуществ, во время поездки своей на Кавказ, осенью 1894 года, обратил особенное внимание на Черноморское побережье Кавказа. Природные богатства этого края и то печальное состояние, в котором он ныне находится, невзирая на почти тридцатилетние усилия Правительства к его колонизации и оживлению, вызывают необходимость подробного изучения его условий и ближайшего выяснения причин такого неуспеха.

Заботы о заселении Черноморского края с целью развития в нем культуры начались немедленно по оставлении его горцами, во второй половине 60-х годов, причем Правительством затрачены были значительные суммы на привлечение туда переселенцев. Но так как русские считались в то время мало пригодным элементом для заселения края, — по естественным его условиям и по роду необходимой в нем культуры (садоводство и виноделие), — столь отличного от прочих местностей России, то признано было необходимым по преимуществу населять его греками, армянами и другими инородцами, которые на казенный счет выписывались из Малой Азии и получали значительные льготы при водворении. Но еще до окончательного замирения края, с целью создания надежного оплота против горцев, в край были переселены, на основании положения 10 Мая 1862 года, также со значительными пожертвованиями от казны и со щедрым наделением землею (по 20 дес[ятин] на душу), казаки из Кубанской области, которые образовали 12 станиц так называемого Шапсугского берегового батальона. Если благодаря успехам русского оружия и геройским подвигам русских солдат уже в половине шестидесятых годов удалось его окончательно умиротворить и очистить от враждебных России горцев, то с другой стороны ожидания Правительства от принятых им мер к заселению и оживлению Черноморского побережья на деле, к сожалению, далеко не оправдались.

Армяне и греки скоро освоились условиями тех местностей, где они были поселены, но, живя в Черноморском округе более 20 лет, они тем не менее всецело сохраняли свои племенные особенности, в том числе и нескрываемую, проявляющуюся наглядно и до сих пор, вражду ко всему русскому. Живут они особняком, ни в какое общение с русскими не входят и хотя нередко пользуются довольно значительным благосостоянием, но основой этого благосостояния часто является не что иное, как эксплуатация соседей-русских или такие культуры, которые в их руках имеют часто хищнический характер, как, например, табаководство, основанное исключительно на распашке

¹³ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 157. Л. 90–91.

¹⁴ Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. Формирование политики модернизации имперских окраин России в конце XIX в.: предложения и проекты А. С. Ермолова // Журнал фронтирных исследований, 2020. № 4. С. 106–126.

земель из-под леса и возделывании на них табака впредь до полного их истощения, после чего переходят на новые земли и т[ак] д[алее]. Что же касается до казаков Шапсугского батальонаⁱ, то они при переходе в чуждые им условия оказались вполне неспособными к ним примениться и до сих пор находятся в самом бедственном состоянии. В первое время их водворения были установлены бдительный за ними надзор и попечительство, причем известная система последовательной разработки земель была сделана для них обязательной и нерадивые хозяева подвергались весьма строгим взысканиям. Но с упразднением Шапсугского берегового батальона и перечислением 12-ти образовавших его станиц в гражданское ведомство (на основании Высочайше утвержденного 18 Октября 1870 года Положения), поселенцы из бывших казаков были предоставлены их собственным силам; с тех пор экономический быт их только ухудшился. Когда позднее началось внедрение в край русских поселенцев из внутренних губернийⁱⁱ, то оно тоже велось без надлежащей системы и без всякого попечительства над поселенцами: льготы новым поселенцам были значительно сокращены, и в то время, как прежде водворенные греки, армяне и казаки обходились казне свыше тысячи рублей на человека, новым поселенцам давалось не более 40 руб[лей] на двор, и то в виде ссуды на обзаведение. Ныне в распоряжении местной администрации для выдачи этих пособий имеются ничтожные средства, по 4000 руб[лей] в год, т[ому] е[сть] на 100 дворов, между тем как число желающих поселиться считается тысячами. Впрочем, судьба поселившихся, даже со сказанным пособием, остается доселе весьма печальною. Предоставленные исключительно своим собственным силам, в незнакомых им природных условиях, в крае, где все привычные им приемы земледелия оказываются непригодными, в местности, где господствуют губительные лихорадки, среди лесов, изобилующих дикими зверями — кабанями, медведями и т[ому] п[одобное], истребляющими их скот и посевы, — они терпели и терпят самую горькую нужду и почти поголовно готовы покинуть столь негостеприимно приютивший их край. Есть селения, где теперь осталась половина, одна треть, даже только четвертая часть поселенных первоначально семейств, — остальные вымерли или ушли. Многие неудобства переселенцы терпели и от тех стеснений, которые они встречали в прежнее время со стороны чинов, призванных охранять в крае государственные имущества: так, им воспрещалась рубка на продажу леса, росшего даже на отведенной в их надел земле, иначе как с уплатой в пользу казны попенных денег; воспрещалась пастьба скота в лесах, воспрещалась ломка камня, хотя бы для возведения построек или починки дорог, так как каменоломни должны были составлять оброчную статью для казны; воспрещалось брать песок с морского побережья, по той же причине; запрещалась охота на диких зверей в видах охранения дичи от истребления и т[ому] п[одобное]. К довершению их бедствий, новых поселенцев ожидал самый недружелюбный прием со стороны старожилов, которые, успев захватить наиболее пригодные для культуры места, отказывались делиться ими с новоселами и отводили им только горы и скалы, где нередко никакая культура не была возможна. А так как, по причинам, которые будут изложены ниже, свободных мест для поселения не оказывалось, то новых поселенцев приселяли к старым и заставляли входить в состав прежде образовавшихся и уже сплотившихся обществ, оказывавших им самый энергичный отпор. Вследствие этого на всем Черноморском побережье господствует донныне непримиримая вражда между иноземцами (греко-армянами) и русскими, с одной стороны, и между старожилами и поселенцами — с другой. Не было, можно сказать, ни одного селения из числа посещенных Министром Земледелия и Государственных Имуществ, где бы население не осаждало его жалобами на взаимные притеснения, и обиды и в большинстве случаев, по расследовании, жалобы эти оказывались более или менее основательными. Старожилы жаловались на то, что новоселы стремятся завладеть расчищенными ими нивами, новоселы на то, что старожилы не отводят им сколько-нибудь пригодных для культуры мест; греки и армяне — на то, что к ним приселяют русских, взамен своих соотечественников — анатолийских армян и греков, которые доселе массами приливают на Черноморский берег из Турции и стремятся здесь водвориться, нередко вполне самовольно и вопреки распоряжениям начальства; русские жаловались на притеснения и обиды со стороны армян и греков и т[ому] п[одобное].

ⁱ Шапсугский береговой батальон был образован в 1862 г. (ПСЗ—II. Т. 37. № 38256).

ⁱⁱ ПСЗ—II. Т. 41. № 43093.

Другая мера, которой предполагалось достигнуть развития и оживления края в культурном отношении, заключалась в широкой раздаче земельных участков в виде Высочайших пожалований лицам, служившим в крае, и в продаже их на самых льготных условиях — по 10 руб[лей] за десятину, с рассрочкою платы на 10 лет. Ожидалось, что владельцы этих участков поселятся на них или, по крайней мере, примутся за их разработку, но и это ожидание на деле вовсе не оправдалось. Несмотря на то, что таким образом было роздано и распродано огромное количество земель, — и притом лучших по расположению, у берега моря и в местах, наиболее удобных для культуры, — участки эти и доселе остаются, за немногими, единичными исключениями, в самом первобытном, диком состоянии, в большинстве случаев даже в худшем, нежели у крестьян — поселенцев. К сожалению, большинство лиц, получивших участки на столь льготных условиях, имело в виду отнюдь не их разработку, а руководствовалось только надеждою на будущее повышение цен на земли и на возможность перепродать их впоследствии со значительным барышом. Только те лица, которым удалось получить участки с ценным лесом, и особенно с так называемою кавказскою пальмоюⁱⁱⁱ, поспешили вырубить все то, что было в их дачах ценного и доступного для вывоза, чтобы затем их бросить на произвол судьбы. Есть немало участков, самое местопребывание владельцев которых никому не известно, которые не только сами никогда их не посещали, но не имеют даже на месте поверенных, так что и земские сборы за эти участки остаются десятками лет не взысканными и неизвестно, с кого их взыскивать. А между тем разработка земель, уничтожение чрезмерно разгустившейся древесной поросли (препятствующей даже правильному лесовозобновлению) служат единственным средством для прекращения лихорадок, поддерживаемых вечно сыростью этих непроходимых, недоступных солнечному лучу дебрей. Даже там, где есть уже разработанные стараниями поселенцев и немногих отдельных владельцев участки, оздоровлению их препятствуют окрестные заросли, дающие только приют диким зверям.

Тем с большим уважением приходится остановиться на деятельности тех, к сожалению, единичных пионеров культуры и цивилизации, которые решились посвятить свои силы и средства разработке приобретенных ими участков. Между ними Министр Земледелия и Государственных Имуществ считает себя обязанным поименовать: г[оспод] Пиленко^{iv}, Пенчула^v, барона Штейнгеля^{vi} и Сибирякова^{vii}, как насадителей виноградарства близ Анапы, Новороссийска и Туапсе; Еропкина — близ села Берегового^{viii}; Хлудова — близ Сочи^{ix};

ⁱⁱⁱ Кавказская пальма — самшит вечнозеленый.

^{iv} Пиленко Дмитрий Васильевич (1830–1895) — государственный деятель, пионер виноделия в районе Анапы. Окончил Корпус горных инженеров, служил на Алагирском серебро-свинцовом заводе, с 1861 г. — в саперном батальоне, с 1864 г. — начальник штаба Кубанского казачьего войска, с 1867 г. — начальник Черноморского округа, с 1876 г. — командир Кубанской казачьей дивизии. В 1883 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. В 1865 г. основал имение «Хан Чокрак» под Анапой, в котором занялся виноделием. В 1871 г. заложил первый виноградник в имении Абрау.

^v Пенчул Михаил Федорович (1831–1909) — пионер виноделия в районе Новороссийска. В 1856 г. окончил медицинский факультет МГУ, служил в Крымском и Севастопольском пехотных полках на Кавказе, работал врачом больницы Екатеринодарской войсковой богадельни и острога, в Пансионской больнице Мариинского кубанского женского училища. В 1896–1898 гг. — городской голова Новороссийска. В 1868 г. приобрел 40 десятин в урочище Мыксахо, где занялся разведением винограда. В 1889 г. вина М. Ф. Пенчула были отмечены большой серебряной медалью на Кавказской выставке в Тифлисе. В 1903 г. передал свое имение в Министерство земледелия и государственных имуществ.

^{vi} Штейгель Рудольф Васильевич (1841–1892) — барон, инженер путей сообщения. Руководил строительством Орловско-Витебской, Грязе-Царицынской и Балтийской, Владикавказской железных дорог. В 1881–1882 гг. в окрестностях Армавира создал образцовое имение «Хуторок» общей площадью более 8,2 тыс. дес., ныне — город Новокубанск.

^{vii} Сибиряков Константин Михайлович (1854 — после 1908) — потомственный почетный гражданин, золотопромышленник, скульптор, издатель, меценат, народник, толстовец. В 1880-е в 22 верстах от Туапсе приобрел у Кривенко имение, в котором стал выращивать клещевину, кунжутное семя, сахарное сорго, китайскую крапиву, хлопок, чай, виноград. Имение продано Голубеву (ныне поселок Голубая Дача).

^{viii} Еропкин Виктор Васильевич — один из основателей земледельческой общины интеллигентов-народников «Криница», основанной в 1886 г. под Геленджиком (подробнее об общине см.: Паназтов О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 44–49).

^{ix} Хлудов Василий Алексеевич (1841–1913) — потомственный почетный гражданин, член правления Егорьевской бумагопрядильной фабрики Товарищества А. и Г. братьев Хлудовых, директор правления товарищества «Сталь». В 1883 г. на участке земли между реками Сочи и Псахе основал винодельческое имение «Раздольное». Ныне — парк Ривьера в г. Сочи.

Татарина^x, Ноева^{xi} и Введенского^{xii} (сад коего куплен Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем^{xiii}) — близ Сухума; Соловцова^{xiv} и Попова^{xv} (основателей чайной культуры на Кавказском побережье), Стоянова, Вучино и некоторых других — близ Батума. Высококультурный оазис, оказывающий благотворное влияние на всю окружающую местность, представляет и удельное имение Абрау^{xvi}, близ Новороссийска. Не меньшего внимания заслуживает полезная и поучительная деятельность в крае монастырей — Драндского^{xvii}, Пицундского^{xviii} и еще более Ново-Афонского^{xix}; последний не только являет окрестному населению пример самой совершенной культуры, но и просвещает его светом Евангельского учения. Чем более деятельность упомянутых выше тружеников заслуживает уважения и даже удивления, чем плодотворнее и поразительнее достигнутые ими результаты, тем безотраднее картина окружающего их запустения, посреди богатой и способной к самому высокому развитию природы.

Невероятное богатство природы Черноморского побережья не может подлежать никакому сомнению и блистательно доказано результатами, полученными упомянутыми выше деятелями. Северная часть побережья от Анапы и до реки Шахе, — несколько южнее Туапсе, — способна к производству самых лучших вин, не только равняющихся, но даже превосходящих по качеству крымские и кахетинские. Доказательством тому служат вина из имения Абрау, вина Пенчула, барона Штейгеля, Сибирякова; даже вина из немногих местных крестьянских виноградников находят себе обеспеченный сбыт по весьма высокой цене. Южная часть побережья — Сухумский и Батумский округа — соединяют все условия для культуры самых ценных подтропических растений: апельсины, лимоны, оливки, чай, индиго, фисташковое дерево, финиковая пальма, банан, бамбук, пробковый дуб, рами^{xx} и многие другие представители южной флоры могут расти здесь вполне успешно, доказательством чего служат сады Великого Князя Александра Михайловича, Татарина, Стоянова, д'Альфонса^{xxi}, Соловцева и т[ому] п[одобное]. Наконец, средняя часть побережья, по почвенным условиям менее пригодная для культуры винограда, дает возможность выращивания многих ценных плодов и овощей, которые по времени созревания могли бы заменить ранние сорта их, ныне привозимые в Петербург, Москву и другие центры потребления из Константинополя, Алжира, Египта. По всей средней и южной части побережья

^x Татарин Павел Егорович (1833–1905) — тайный советник, чиновник Министерства государственных имуществ и Министерства внутренних дел. В 1885 г. поселился в своем имении близ Сухума. Заложил сад, в котором произрастали 48 редких видов пальм, 20 видов эвкалиптов, 46 видов агав, 27 видов кипарисов и др. растения. В 1891 г. возглавил Сухумский ботанический сад.

^{xi} Ноев Федор Федорович — предприниматель. В 1888 г. заложил питомник гиацинтов в окрестностях Сухума.

^{xii} Введенский Аполлон Никитич — полковник артиллерии, начальник Сухумского военного отдела. В 1872 г. получил в Сухуме земельный участок, где построил дачу. Им была осушена заболоченная почва и был разбит сад «Флора», где было культивировано около 10 тыс. саженцев различных растений. Во время Русско-турецкой войны сад был разорен, но после войны восстановлен, а в 1891 г. был продан великому князю Александру Михайловичу.

^{xiii} Александр Михайлович (1866–1933) — великий князь, внук Николая I, муж великой княжны Ксении Александровны, родной сестры Николая II. В 1891 г. приобрел у А. Н. Введенского имение «Флора» и, являясь морским офицером, переименовал его в «Синоп». Ныне — парк «Синоп» в Сухуми.

^{xiv} Соловцов А. А. — полковник инженерных войск. В 1884 г. приобрел участок около Чаквы в окрестностях Батума, на котором создал плантацию чая и построил чайную фабрику. После его смерти в 1896 г. хозяйство разорилось. Подробнее о чаеводстве см.: Бахтадзе К. Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси, 1961. 171 с.

^{xv} Попов Константин Семенович (1850–1919) — чаеоторговец. В 1892 г. приобрел около 300 десятин около в Салибаури, Капрешуми и Чакве (Батумский округ и Кутаисская губерния) под чайные плантации. Попов пригласил из Китая специалиста Лау Джон Джэу (Лю Цзюнь Чжоу), сыгравшего ключевую роль в становлении культуры грузинского чая.

^{xvi} Абрау — имение Министерства Императорского двора и уделов, основанное в 1871 г. М. Ф. Пенчулом. С 1872 г. в имении культивируются виноградники, в 1877 г. собран первый урожай винограда. С 1893 г. под руководством Голицына разводятся шампанские сорта винограда. Ныне — село Абрау-Дюрсо.

^{xvii} Драндский монастырь основан в 1880 г. при Успенском соборе VII–VIII вв. в селе Дранда в Сухумском округе.

^{xviii} Пицундский монастырь учрежден в 1872 г. при Пицундском храме (ПСЗ–II. Т. 47. Ч. 1. 51121; Т. 48. Ч. 1. № 52107).

^{xix} Ново-Афонский мужской монастырь основан в 1875 г. монахами монастыря Св. Пантелеимона со Старого Афона. Во время Русско-турецкой войны был разорен, после войны восстановлен. Один из главных духовных центров Кавказа.

^{xx} Рами, или китайская крапива — одна из древнейших прядильных культур.

^{xxi} Д'Альфонс Михаил (1856–1898) — французский дворянин, пионер садоводства в Батумском округе. В 1878 г. купил участок земли на мысе Килик в Батуме, на котором проводит акклиматизацию тропических растений (ныне «Зеленый мыс» в Батуми). С 1884 г. — управляющий Батумского бульвара.

могут с успехом возделываться хлопок и рис, который уже и теперь в Батумском округе дает превосходные урожаи.

Не менее богата эта область и лесом самых ценных пород, хотя, к сожалению, за исключением лесов казенных, все частновладельческие леса, расположенные в местах, доступных для сбыта, уже истощены неразумною вырубкою и превращены в мелкую поросль. Дорогая пальма, продающаяся на вес по 50 к[опеек] — 1 ½ руб[ублей] за пуд, ныне сохранилась только в лесах казенных; также и ореховые напльвы, идущие в продажу по 5–15 р[ублей] за пуд. Невзирая на обилие произрастающих здесь гигантских пихт, дубов, каштанов, сосен, тиса и т[ому] п[одобное], город Батум, потребляющий миллионы досок для выделки керосиновых ящиков, получает лес для них из Австрии. Дубовые колья, употребляемые для виноградников, продаются по 8–18 р[ублей] за тысячу, а на южном берегу Крыма стоят 50–55 р[ублей] и получают из Малой Азии.

Наконец, многие местности Черноморского побережья изобилуют и минеральными богатствами. На первом плане между ними по обширности распространения следует поставить цементный камень; так называемая стопластовая залежь^{xxii} этого камня, начинаясь от Новороссийска, тянется по всему побережью на сотни верст и во многих местах представляет все удобства для разработки. Местами цементный камень переходит в более плотную разновидность его, называемую литографским камнем, немногие месторождения которого в Западной Европе уже близки к истощению; далее открыты руды: серебро-свинцовая, цинковая, медная, марганцевая; во многих местах обнаруживаются признаки нефти, найдены богатые и самые разнообразные минеральные источники.

Во времена горского владычества в одном районе Черноморского округа проживало несколько сот тысяч горцев; аулы их были окружены садами, следы которых видны доселе и которые долгое время давали плоды, служившие иногда единственным источником существования сменивших горцев русских поселенцев; теперь эти сады частью одичали, заглохли, частью вырублены поселенцами, которые, особенно в первое время, не задумывались рубить целое дерево, чтобы легче было собирать с него плоды. Вместо нескольких сот тысяч горцев, ныне все население Черноморского округа определяется — номинально — в 28 000 душ; в действительности не более 17 000 душ, остальные в безвестной отлучке, а наличные жители бедствуют, живут впроголодь и вымирают от лихорадки в том самом крае, где горцы благоденствовали и занимались высокою культурою, следы которой местами и доселе еще не могли быть истреблены. В чем же следует искать объяснение этого странного и печального явления?

По мнению Министра Земледелия и Государственных имуществ, причин этих много, и они довольно сложны. Первая причина заключается в административном неустройстве края. В этом отношении в последнее время край несомненно пошел назад, а не вперед. В первые же годы по уходе горцев введено было, на основании Высочайшего указа 10 Марта 1866 г[ода]^{xxiii}, положение об управлении Черноморским округом и о его заселении, причем надзор за водворением переселенцев был вверен особым попечителям, местопребывание коих назначалось, по усмотрению Наместника Кавказского, в наиболее центральных пунктах прибрежных селений. В распоряжении начальника округа состояли агроном, медики, ветеринарный врач, землемер, архитектор. Общий расход на администрацию округа (с городом Анапой) составлял до 47 000 р[ублей] в год. В 1874 г[оду] Управление округом было преобразовано, и состав чинов администрации был еще усилен; вместе с тем и сумма расходов по управлению округом увеличена до 63 000 р[ублей], не считая расходов на содержание чинов судебного ведомства. Округ был разделен на 3 отдела, и в каждом отделе находились попечитель, врач, по 2 фельдшера и т[ому] п[одобное]. Начальник Округа действовал на праве губернатора. В 1888 году состоялось новое преобразование^{xxiv}, согласно коему Черноморский округ подчинен в порядке

^{xxii} Так в источнике. Стопластовая залежь — мощная свита на Кавказском побережье Черного моря, состоящая из слоев известняка, мергелей и песчаников. Из 400–500 пластов, образующих свиту, более 100 являются сырьем для изготовления цемента.

^{xxiii} ПСЗ—II. Т. 41. Ч. 1. № 43093.

^{xxiv} ПСЗ—III. Т. 8. № 5077.

управления начальнику и областным учреждениям Кубанской области и на все Управление округом (начальник, его помощник, 3 участковых начальника, окружной и ветеринарный врач и т[ому] п[одобное]) ассигновано всего 12 953 р[ублей]. Окружному Начальнику присвоены права и обязанности, принадлежащие по общим узаконениям уездным исправникам, а участковым начальникам даны права станowych приставов. В таком положении Черноморский округ находится и поныне. Результатом означенного преобразования явилось то, что в настоящее время в этом крае нет ни фактической власти (один начальник с помощником и три участковых начальника на область пространством по берегу Черного моря в 360 верст и шириною в разных частях округа от 20 до 100 верст), ни суда — один мировой судья в г[ороде] Новороссийске, ведению коего подчинена и часть Кубанской области, с мировым съездом за пределами округа — в Тамани, ни полиции — участковые начальники представляют собою низшую полицейскую силу, не имея в своем распоряжении ни нижних полицейских чинов, ни даже простых рассыльных. В округе нет ни волостного, ни сельского устройства, ни даже сельских судов, так что жители вынуждены за разбором каждого самого мелочного дела обращаться иногда за сотни верст к мировому судье в Новороссийск. Правильного почтового сообщения тоже нет, — прежде для перевозки служебной почтовой корреспонденции служили казачьи посты, но теперь и они сняты. Несмотря на крайнюю лихорадочность местности, врачебной помощи на местах не имеется никакой, — один окружной врач в Новороссийске, один ветеринарный врач там же, один фельдшер и одна повивальная бабка на весь округ. Ни войск, ни казачьего поселения в округе в настоящее время равным образом не имеется.

Впрочем, невозможность оставлять долее округ в таком положении уже обратила на себя внимание высшего кавказского начальства, которым ныне разработан проект преобразования Управления, с созданием из него вновь самостоятельной административной единицы.

Но не одно административное неустройство тормозило правильное развитие и заселение Черноморского округа. Не менее серьезную роль в этом отношении играет и неустройство поземельных отношений.

Как было изложено выше, первыми поселенцами в крае явились казаки из Кубанской области, которые были переселены обязательно, по жребию, и которые образовали так называемый Шапсугский береговой батальон. На основании Положения 10 Мая 1862 года^{xxv} им назначалось в полную собственность по 20 дес[ятин] на наличную душу удобной земли; те же казаки, которые изъявляли желание переселиться добровольно, получали, сверх надела, по 10 дес[ятин] на душу в полную собственность, — так называемые потомственные участки; позднейшим переселенцам, по правилам 10 Марта 1866 года о заселении Черноморского округа, дано было право на надел в 30 дес[ятин] удобной земли на двор, но без предоставления этой земли в полную собственность, а только в пользование^{xxvi}. Кроме того, значительное количество земли было роздано в силу Высочайших пожалований и распродано на льготных условиях частным лицам. Первоначально предполагалось, что раздаваемые и продаваемые участки не должны быть значительными, но от принятых сперва довольно умеренных норм скоро отступили и стали отчуждать в частное владение участки в 500–1000, — а по правилам 24 Февраля 1872 года о льготной продаже участков — и до 3000 десятин^{xxvii}.

На основании правил о заселении земли, отведенные переселенцам, должны были немедленно быть обмежеваны, но на деле это исполнено не было — все наличные и притом крайне значительные межевые силы заняты были межевыми работами по отводу частным владельцам Высочайше пожалованных и купленных участков, так что фактически межевание переселенческих земель началось только почти 25 лет спустя после начала заселения края, именно с 1890 года. Планов на отведенные под заселение участки также не было, руководствовались топографическими картами глазомерной съемки, составленными еще в 40-х и 50-х годах, во время войны с горцами с целями чисто военными. Границы отводимых участков означались только, и то не в натуре, а лишь на бумаге, самым приблизительным образом, по живым урочищам (в том числе по горным

^{xxv} ПСЗ—II. Т. 37. Ч. 1. № 38256.

^{xxvi} ПСЗ—II. Т. 41. Ч. 1. № 43093.

^{xxvii} ПСЗ—II. Т. 417. Ч. 1. № 50570.

речкам, беспрерывно меняющим свое течение), по горным хребтам, по местным названиям и т[ому] п[одобное]. При водворении поселенцам указывались предназначаемые им участки лишь в самых общих чертах, но им обещалось, что все, что они разработают, будет оставлено за ними. Самые размеры наделов, при эластичности понятия о том, что такое удобная земля, оставались крайне неопределенными и большинству поселенцев неизвестными.

За водворением при таких порядках поселенцев и за передачей огромных пространств земли в частные руки, — в руках казны остались только наиболее отдаленные от моря и от сколько-нибудь доступных путей леса и поляны на горных возвышенностях и голые скалы внизу, которых никто брать не захотел. Последствием же такого положения явилось то, что в крае, где в прежнее время было густое горское поселение, теперь поселено менее 20 000 душ и свободных под поселение земель, по мнению местной администрации, более почти не имеется. В действительности это, однако же, не совсем так.

Когда в 1890 году было приступлено к межеванию поселенческих участков, так называемых юртовых земель, то оказалось, что фактически население владеет не теми 20 десятинами на душу или 30 десятинами на двор, которые предполагалось отводить в надел по правилам о заселении, а пространствами земель неизмеримо большими. Так, оказалось, что у большинства селений площадь юртов составляет по 75–100–150 дес[ятин] и даже до 300 дес[ятин] на двор. У отдельных селений оказались юрты, составляющие до 700 дес[ятин] на двор, причем из этого огромного количества земель только самая ничтожная часть, по 2–3, самое большее 5 дес[ятин] — действительно разработано, все же остальное лежит впусе, под непроходимыми лесными зарослями. Когда же приступлено было к отрезке излишних земель, которые могут дать значительный земельный запас для новых поселений, тогда оказалось, что разработанные населением земли не приурочены к одному месту, но разбросаны часто ничтожными клочками, иногда по несколько квадратных сажень, на всем пространстве захваченных земель. А так как разработка земли из-под сплошного леса и приведение ее в культурное состояние требуют громадных усилий и большой затраты труда и времени, то население стало энергически протестовать против всяких отрезков, ссылаясь на то, что ему обещано право вечного пользования всем тем, чем оно фактически владеет. Отсюда масса жалоб и протестов против действий межевых партий, которыми был буквально засыпан Министр Земледелия и Государственных Имуществ во время проезда его по Черноморскому округу.

С другой стороны следует признать, что население, в руках которого находятся такие громадные пространства земель, фактически ими пользоваться не может и живет среди них в состоянии самой удручающей бедности. Русские поселенцы, как равно и бывшие казаки Шапсугского батальона, переселенные в этот край со степей Кубанской области, привыкли на родине к обработке плоскостных земель и переносят сюда свои столетиями усвоенные приемы полевой культуры на ровных полях. Удобными землями они считают только гладкие поляны, которые можно пахать плугом или сохой для посева хлеба, а все остальное ни во что не ценят. Но таких ровных земель здесь, посреди гор, лесов и скал, действительно весьма мало, почему поселенцы так и разбросались со своими культурами. А между тем в руках того же населения превосходные склоны и долины, которые, не будучи пригодными для хлебопашества, в высшей степени удобны для разведения виноградников, для садоводства, даже для пастьбы скота, но этими отраслями хозяйства поселенцы заниматься не умеют, а многие и не желают. Коль скоро земля не родит ржи или гречихи, она в их глазах не пригодна ни к чему и на такой земле, по их мнению, жить нельзя.

Кроме того, нельзя не признать, что наделение поселенцев землей по расчету 20 дес[ятин] на душу или 30 дес[ятин] на двор также составило ошибку. Нормы эти были выведены приблизительно к хозяйству на плоскости, где подобные наделы, конечно, обеспечили бы не только безбедное существование, но и благосостояние крестьян. Здесь же условия оказались совершенно иными. Работать и закультивировать под соответствующие условиям данной местности высшие культуры 20 или 30 дес[ятин] крестьянин, очевидно, не может; на это у него не хватает ни времени, ни сил. Но поселенцы, упуская из виду, что десятина виноградника или сада может обеспечить их лучше, нежели 3–5 дес[ятин] мало пригодных для хлебопашества земель, предпочли разбросать отдельные клочки пашен по всему пространству своих громадных наделов,

и собирая с них скудные, недостаточные для их прокормления урожаи хлебов, оставляя без всякой обработки все остальные.

При таких условиях очевидно, что слишком большие наделы составляют зло, а не благо для населения, побуждая его разбрасываться со своею культурою, вместо того, чтобы концентрировать ее на отдельной небольшой площади. Другое зло — при данных условиях края — составляет общинная форма владения, при которой разработанный и даже засаженный виноградными лозами, орехами или фруктовыми деревьями участок может быть во всякое время отобран и обращен в общественную собственность по приговору схода. При полном отсутствии сколько-нибудь правильного сельского управления подобные примеры бывали нередко, тормозя всякое стремление к улучшению культуры со стороны отдельных крестьян. Во многих селениях крестьяне обращались к министру Земледелия и Государственных Имуществ с просьбою поделить их земли раз и навсегда по дворам. Пусть хоть десятина будет, да своя, говорили они, тогда и виноградники разведем и орехи посадим, а теперь неизвестно, на кого работаем.

Оставление при данных условиях столь громадных пространств земли, нередко в 5–10 и более раз превышающих установленные законом, без того слишком обширные, наделы в руках немногочисленного местного населения, не умеющего ими пользоваться и не могущего их разработать, навсегда обрекло бы этот край на вечное запустение, делая в то же время невозможным привлечение в него новых переселенческих элементов извне. Чтобы судить о ненормальности настоящего положения дела в Черноморском округе, достаточно сказать, что, если бы применить здешние порядки и условия наделения землею, например, к южному берегу Крыма, то пришлось бы едва ли не весь южный берег отвести в надел одному селению, которое потом умирало бы с голода, так как по климатическим и почвенным условиям Крымское побережье далеко уступает восточному берегу Черного моря.

Неопределенность границ как между юртовыми землями, так равно и между ними и казенными и частновладельческими землями ведет, кроме того, к непрерывным спорам о захватах земель. Спорят отдельные селения между собою, предъявляют претензии к казне и частным лицам. Эта поземельная неурядица достигает наивысшего предела в Батумском округе, где особенно сильно стремление частных лиц захватывать казенные земли и закреплять их за собою в силу закона о давности, при помощи подставных свидетелей, которые за небольшое вознаграждение готовы показать перед судом что угодно. Как высшее кавказское начальство, так и Министерство Земледелия и Государственных Имуществ давно указывали на неудобство применения закона о давности на Кавказе, где в силу этого закона совершаются самые вопиющие злоупотребления. Для рассмотрения этого вопроса осенью 1894 года была образована при Министерстве особая Комиссия из представителей разных ведомств, и вопрос этот предполагается внести на рассмотрение Комитета Министров. Между тем земельные захваты, совершающиеся под покровом закона о давности, имеют крайне пагубное значение не только для казны. Бывали случаи, когда таким образом захватывались ценные леса, вырубка коих может повести к оголению горных вершин, к оскудению источников рек и т[ому] п[одобное]; имели место захваты земель, издавна населенных крестьянами, которые оказывались всецело в руках лиц, захвативших их земли. Особенно широко практиковалась система захвата земель, заключающих в себе минеральные богатства, напр[имер], нефть. По удостоверению местных чинов Управления Государственными Имуществами, бывали случаи, когда в одну ночь неизвестные люди обводили плужной бороздой участок казенной нефтеносной земли или ставили на нем шалаш, а затем подавали в суд заявление о закреплении за ними в силу закона о давности захваченной таким образом земли, приводя свидетелей из туземцев, которые под присягою показывали, что истцы больше 10 лет владеют и пользуются данным участком. Иногда суд подобные претензии удовлетворял, считая себя обязанным руководствоваться присяжными свидетельскими показаниями и не придавая значения документальным доказательствам. Очевидно, что бороться с такими захватчиками равным оружием казна не может, не имея возможности, ни даже средств на привод в суд свидетелей, всегда готовых за известное вознаграждение показать в пользу частного лица скорее, нежели в пользу казны, от которой они никакого вознаграждения получить не могут. Впрочем, от захватчиков не менее казны страдают и частные лица, бесперестанно вынужденные вести подобные же

процессы и никогда не обеспеченные в своем владении и пользовании даже приобретенной на законном основании землю.

Другую причину крайне низкого уровня экономического развития восточного берега Черного моря составляет полная его обособленность, затруднительность проезда, а иногда и полная невозможность сбыта сельских произведений. На всем пространстве этого побережья — от Анапы и до Батума, т[о] е[сть] на расстоянии свыше 600 верст, имеется в сущности, только три порта, во всякое время доступных для судов, — это именно Новороссийск, Батум и отчасти Сухум. Портовые работы в Потти, поглотившие многие миллионы, до сих пор не привели этот порт в сколько-нибудь удобное для захода и выхода судов состояние. На всем остальном пространстве берега, к сожалению, ни одной закрытой от ветров и сколько-нибудь удобной для стоянки судов бухты нет. Хотя почти везде суда могут свободно подходить к берегу и останавливаться на якоре не в дальнем от него расстоянии, но весьма часто, даже в сравнительно тихую погоду, невозможно установить сообщения между берегом и стоящим на якоре судном, вследствие прибоя и прибрежных бурунов. Так, в 1894 году, в течение почти всего сентября, даже такие важные в торговом отношении пункты побережья, как, напр[имер], Туапсе, обходились пароходами, за невозможностью высадки пассажиров и сдачи грузов. Бочки и прессы для вина, выписанные местными садовладельцами и необходимые им в это именно время для давки винограда, по четыре раза проплывали мимо Туапсе и не могли быть выгружены на берег. Только турецкие фелюги, в прежние годы поддерживавшие сообщение между различными пунктами побережья, умели обходить это препятствие, благодаря особому способу причала, только им доступному, это именно — выбрасывание на берег. Но ныне, в силу закона, воспреещающего каботажное плавание иностранным судам, и это удобство прекратилось. Между тем устранить существующие затруднения для сообщения судов с берегом было бы не трудно и без тех миллионных сооружений, которые устроены в Батуме, Потти и Новороссийске. Для этого достаточно было бы пока ограничиться устройством железных на столбах пристаней, в роде существующих уже в Сухуме и у Ново-Афонского монастыря, стоимостью 30–40 000 руб[лей], и совершенно достигающих цели. Такие пристани необходимо было бы устроить хотя бы в главных торговых пунктах Черноморского побережья — Адлере, Сочи, Туапсе и Джубге.

Омываемый морем и тем не менее лишенный сколько-нибудь удобных морских сообщений Черноморский округ лишен вместе с тем до сих пор и сухопутных сообщений. Построенное на средства, отпущенные для общественных работ, черноморское шоссе, хотя и может представить в будущем весьма хорошую и удобную дорогу, пока своей цели далеко не достигает и именно потому, что на нем не имеется мостов через все сколько-нибудь значительные реки. В летнее время отсутствие мостов особых неудобств не представляет — реки в это время маловодны и переезд их вброд, а более широких — на пароме, вполне возможен. Но в это время года можно пользоваться и пароходным сообщением, потому что море обыкновенно тихо и причал судов возможен. Зато весной и осенью, когда горные реки разливаются, а нередко и зимою, переезд через них становится иногда на долгое время совершенно невозможным или сопряжен с опасностью жизни для решающих переправляться. К сожалению, в это же время и морское сообщение надолго прерывается или становится столь неправильным и невозможным, что приходится иногда по нескольку недель ждать прибытия парохода. Суда, приходящие за грузом, вынуждены нередко по неделям ждать возможности загрузки или уходить порожнем. Вследствие этого, например, фрахт от Адлера или Сочи до Батума дороже, нежели от Батума до Марселя. Для более же громоздких товаров, которые Черноморское побережье могло бы отправлять в изобилии, как, например, лес, такой фрахт совершенно недоступен. Легче и дешевле привезти доски в Батум из Галиции, чем из любого пункта Черноморского побережья.

Не менее важно, чем устройство правильных сухопутных и морских сообщений вдоль берега Черного моря, проложение колесных путей вглубь страны, а в особенности через горы. Теперь такие пути уже имеются от Джубги и Туапсе через горы в Кубанскую область, но они частью не достроены, частью тоже без мостов. Даже такой важный пункт, как Сухум, представляющий лучшую после Батума и Новороссийска бухту, с сухого пути совершенно отрезан даже от своего губернского города Кутаиса и не имеет с внутренними частями губернии никакого сообщения. Через реку Кодор, протекающую между Сухумом и городом Зугдиди, построен великолепный мост,

предназначенный для колесного и для железнодорожного сообщения, но к нему только недавно открыт проезд со стороны Сухума, а со стороны Зугдиди никакого проезда нет. Между тем этот путь прорезал бы богатейшую в культурном отношении область, так называемую Цебельду. Еще важнее было бы, с экономической и стратегической точек зрения, приложение железнодорожной линии от Сухума с одной стороны через горы для соединения с Кубанью и Владикавказской железной дорогой, а с другой — на Зугдиди с Закавказской железной дорогой. Хотя и существует проект такой дороги через Марухский перевал, но она, по мнению многих лиц, близко знающих местные условия, должна предоставить непреодолимые технические затруднения; есть указание на другое направление, более длинное, но гораздо более удобное в техническом отношении — с перевалом не выше 4000 фут[ов]. Вопрос этот имеет для восточного побережья Черного моря и даже для всего Кавказского края столь серьезное значение, что требовал бы самого подробного изучения. В равной мере необходимо ассигнование средств на достройку Черноморского шоссе с мостами на нем, без которых самое шоссе утрачивает всякое полезное значение, и на окончательное устройство названных выше путей от моря в углу страны и на соединении с Северным Кавказом. Только при этом условии край этот может сделаться истинно русским и быть навсегда обеспеченным против таких случайностей, как полное разорение его турками и взбунтовавшимися туземцами Абхазцами, во время последней турецкой войны, когда г[ород] Сухум и многие другие населенные пункты побережья были разграблены и сожжены, а беззащитные жители принуждены были спасаться в горы.

Наконец, проложение хотя бы простейших грунтовых путей необходимо и для разработки лесных богатств и для заселения пустующих ныне, но высокоплодородных земель в более отдаленной от моря нагорной области, которая могла бы дать приют многим тысячам переселенцев русских. Эти русские поселенцы встретили бы здесь, на плоских возвышенностях гор, более привычные им условия культуры; тут могут произрастать излюбленные ими рожь, гречиха, ячмень и другие знаки, для которых внизу, у моря, слишком жарко и сыро. Тут неизвестны лихорадки, от которых гибнут жители низменностей, — даже лихорадки, схваченные внизу, на этих высотах немедленно проходят. По распоряжению Министра Земледелия, эти пригодные для поселения возвышенности ныне приводятся в известность и обнаруживаются для образования на них переселенческих участков; но водворение на них переселенцев будет возможно только при условии проложения сколько-нибудь доступных дорог, на что не потребуется даже особенно значительных средств; на несколько десятков тысяч рублей тут иногда можно сделать многое и открыть для культуры и заселения десятки тысяч десятин. Привлечение в эту нагорную область поселенцев особенно важно и потому, что они увеличат собою крайне недостаточный ныне контингент рабочих рук, необходимых для развития в прибрежной полосе различных видов высшей культуры. В летнее время поселенцы работали бы на своих землях, в нагорной полосе, свободной от лихорадок, а зимою, когда по преимуществу производятся работы по перекопке виноградников и садов, спускались бы вниз, пользуясь более благоприятными в санитарном отношении условиями зимнего времени и находя себе заработки на этих дорого оплачиваемых работах именно в такую часть года, когда они собственным хозяйством не заняты.

Не менее важны для эксплуатации лесов и минеральных богатств Черноморского побережья расчистка и урегулирование горных рек, с целью сделать их доступными для сплава. Многие казенные лесные дачи, как Бзыбская на реке Бзыби, Чубихевская на реке Ингуре, могли бы доставлять ежегодно сотни тысяч бревен самого ценного леса для сплава, которые вскоре вытеснили бы из Батума австрийские доски. Одна Бзыбская дача заключает часть себе миллионы пудов ценного пальмового дерева, которое ныне гниет и пропадает без всякой пользы. Дача уже теперь дает богатейшие ореховые наплывы, которые, однако, могут быть добываемы только из немногих доступных для вывоза мест. Чубихевская дача, по весьма обстоятельному расчету местного лесничего, с затратою 70 000 руб[лей] на расчистку реки Ингура, могла бы снабдить Батум лесным материалом для керосиновых ящиков и удешевить их стоимость на 5–7 коп[еек], считая на пуд керосина. Для открытия разработки леса в этих дачах, заключающих в себе миллионные запасы лесного материала, необходимы и некоторые изменения в действующих ныне правилах эксплуатации казенных лесов, не соответствующих своеобразным условиям этих местностей, столь отличных от условий прочих частей Империи. К пересмотру этих правил

ныне, на основании собранных на месте сведений, уже в Министерстве Земледелия приступлено, и вместе с тем открыты переговоры с некоторыми крупными лесоторговыми фирмами о продаже им леса из названных дач. Бзыбская казенная дача изобилует, кроме того, и минеральными богатствами — залежами свинца, меди, серебра; на эти руды сделано в последнее время много заявок, но эксплуатация их также невозможна, пока не будет проложено к ним сколько-нибудь доступных путей.

Неудовлетворительность настоящего экономического положения Черноморского побережья вызывает настоятельную необходимость обсуждения вопроса о тех мерах, которые должны быть приняты для улучшения этого положения в будущем. В ряду этих мер, по мнению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, с которым вполне согласен и Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, генерал-адъютант Шереметев^{xxviii}, на первом плане должно быть поставлено восстановление прежней самостоятельности Черноморского округа, т[о] е[сть] отделение его от Кубанской области, с подчинением непосредственно Главноначальствующему, и организация внутреннего управления округом на началах, выработанных Главноначальствующим. По мнению Министра Земледелия, желательнее было бы присоединение к Черноморскому округу и бывшего Сухумского отдела, ныне округа Кутаисской губернии, ввиду тождественности во многих отношениях его условий с условиями Черноморского округа и необходимости организации его заселения и оживления на одинаковых с последним основаниях⁴). Соединение же Сухумского округа с Кутаисской губернией, вследствие отдаленности от города Кутаиса, неудобства сообщения с ним и коренного различия в условиях округа с прочими частями губернии, представляет серьезную помеху к его развитию.

Далее, необходимо пересмотреть и существенным образом изменить действующие ныне правила о заселении края, образовав вместе с тем предварительно правильно обмежеванные переселенческие участки. При этом прежде всего надлежит разрешить вопрос, какому именно элементу переселенцев следует отдавать предпочтение в будущем — русским или инородцам различных национальностей, как местным (мингрельцы, имеретины, абхазцы, гурийцы и т[ому] п[одобное]), так и пришлым (греки, армяне, галицийские выходцы). Выше было указано, что в прежнее время Кавказское начальство считало русских переселенцев малопригодными для водворения в крае, вследствие незнакомства их со своеобразными условиями его культуры, и всеми мерами стремилось привлечь сюда инородцев, особенно греков и армян. И действительно, опыт показал, что последние лучшие уживаются здесь, нежели выходцы из внутренних губерний России, и скоро утрачивает свое благосостояние, между тем как русские пребывают в бедности, вымирают от лихорадки и не вносят в край никаких новых соответствующих его условиям культур и приемов обработки почвы. Тем не менее, по глубокому убеждению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, при заселении Черноморского побережья в будущем не только следует отдавать безусловное предпочтение русскому элементу, но надлежит заселять край исключительно лицами русского происхождения, отказавшись от всякой иноземной его колонизации. Если иностранные выходцы и достигают в некоторых случаях довольно высокой степени благосостояния, то это личное их благосостояние приносит, в общем, очень мало пользы для края, — они живут особняком, сторонясь от русского населения, не сливаясь с ним и только эксплуатируя его в свою пользу; здесь повторяется в этом отношении то же, что с немецкими колонистами на юге России⁵). Если же русские поселенцы в большинстве случаев бедствуют, не применяются к новым для них местным условиям и не сумели еще сделать ничего или почти ничего не только для пользы края, но и для своей собственной пользы, то это объясняется теми особенно неблагоприятными условиями, в которые была поставлена русская колонизация. Первыми колонистами явились казаки Шапсугского берегового батальона, — но помимо того, что казаки и в местах своей постоянной оседлости оказываются плохими хозяевами, — на долю их выпала здесь борьба с еще неумеротворенными враждебными местными элементами,

^{xxviii} Шереметев Сергей Алексеевич (1836–1896) — генерал от кавалерии. С 1855 г. состоял при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом. В 1876 г. — командир Сводной Кавказской казачьей дивизии, в 1877 г. — 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В 1882 г. — начальник Кубанской области, наказной атаман Кубанского казачьего войска. С 1890 г. — Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

им приходилось водворяться и приступать к обработке отведенных им земель, так сказать, с оружием в руках. Хотя они при поселении и пользовались довольно значительными льготами, но самые эти льготы до известной степени их избаловали. Позднейшие же поселенцы из русских набирались совершенно случайно, без всякого разбора; нередко водворялись целые толпы оборванцев, собранных на базарах в городах Одессе и Николаеве из самых подонков населения этих портовых городов, и которые не знали, но и не хотели знать никакого серьезного труда, привыкнув к жизни изо дня в день, в расчете на случайные заработки. Когда потом начался наплыв переселенцев крестьян из внутренних губерний, то их стали водворять как попало, большею частью приселяя к образованным уже ранее поселениям, без всякого разбора, предоставляя их исключительно их собственными силами, посреди чуждой и незнакомой им обстановки; прежние попечители, заведовавшие переселениями на местах, были упразднены как раз во время наибольшего наплыва переселенцев из России. Никакого подбора при водворении поселенцев между ними не делалось; селились вместе выходцы из Малороссии с великороссами, жители в черноземных степных губерний с выходцами из лесистых местностей и т[ому] п[одобное]. Ища мест для водворения, наиболее напоминавших привычные им на родине условия, они стремились селиться в низинах, у берегов рек, у взморья, т[о] е[сть] в местах, наиболее подверженных лихорадкам, избегая незнакомых им гор, где санитарные условия неизмеримо лучше. Приведенный ими из России скот погибал, не вынося, как и люди, непривычных климатических условий; в огромном числе он истреблялся и дикими зверями, для борьбы с которыми, еще до запрета охоты, у поселенцев не было ни ружей, ни пороха. Привезенные из России орудия — сохи, плуги, семена культурных растений — оказывались также непригодными для здешних почв и климата, научиться же новым приемам культуры поселенцам было негде, — ни примеров, ни руководителей они в этом отношении не имели: инородцы их себе не пускали, школ и образцовых хозяйств поблизости не было, попечительная о нужных переселенцев власть отсутствовала. Помимо того, среди окружающих их враждебных инородческих элементов русские переселенцы чувствовали себя в положении угнетенной народности, нигде не находившей ни защиты, ни поддержки, в то время как инородцы были тесно между собою сплочены и стояли друг за друга горой. И тем не менее Министр Земледелия имел возможность убедиться, что везде, где русские поселенцы могли воспользоваться хорошими примерами рациональной и соответствующей местным условиям культуры, где они находили себе хоть некоторую поддержку, сначала со стороны попечителей, а потом со стороны добровольных радетелей о благе народном, положение их очень быстро улучшалось. Такими примерами рациональной культуры являлись для них удельное имение Абрау, имения барона Штейнгеля, Сибирякова, Еропкина, Пенчула, Пиленко и некоторых других. Такими руководителями темной русской крестьянской массы переселенцев являлись Ново-Афонский монастырь, г[оспода] Еропкин, барон Штейнгель, окружной садовод в Туапсе Борисенко и некоторые другие. Примеры названных выше имений и деятельность означенных лиц не замедлили принести полезные результаты. Вокруг них крестьяне взялись за садоводство, за виноградарство и уже теперь находят себе этим способом источники благосостояния там, где прежде, по их понятиям, жить нельзя было. Приходя мало-помалу к осознанию необходимости изменения прежнего строя своих хозяйств, они просят о школах, о присылке им руководителей, о раздаче виноградных чубуков и фруктовых саженцев, просят поддержки их зарождающемуся садоводству и виноделию. Успехи, достигнутые в этом направлении некоторыми из русских переселенцев, заслуживают полного внимания и служат залогом еще большего развития этого дела в будущем. Таковы крестьянские сады и виноградники в окрестностях Анапы в сел[е] Береговом, в сел[е] Вельяминовском, в Архипоосиповке и в некоторых других местностях. Как всегда, русский человек оказывается сперва в высокой степени выносливым среди самых неблагоприятных условий, а потом и переимчивым и способным примениться к этим условиям, коль скоро он находит поддержку, пример и указание, как взяться за дело, чтобы с ним совладать. Таким образом, водворение в крае русских поселенцев труднее, нежели водворение инородцев, оно требует на первых порах больших усилий и даже пожертвований со стороны Правительства, но оно необходимо для усиления русского элемента среди чуждых и не всегда достаточно надежных народностей, для поднятия престижа русского имени, для водворения русской веры,

русского языка и русской цивилизации в крае, покорение которого стоило нам стольких жертв и столько русской крови.

Но засим естественно выступает вопрос, какими способами можно увеличить число русских поселенцев в крае, где вследствие слишком широкого фактического наделения землею старожилов, как русских, как еще более инородцев, вследствие раздачи и распродажи громадных площадей земли в частные руки, площадь свободных под будущее поселение земель представляется, по-видимому, совершенно ничтожной. Именно, по исчислению местной администрации, свободных и пригодных под поселение земель считается теперь не более 12 000 десятин, что, по принятой ныне норме наделения — 30 дес[ятин] на двор — хватит не более как на 400 семейств. Принимая нормальный состав семьи в три души мужского пола, окажется, что в Черноморском округе можно приселить еще около 1200 душ, что с проживающими там ныне 17 000 душ составит около 18 000 душ на весь округ. В Сухумском округе считают возможным пристрелить еще около 600 дворов, т[о] е[сть] цифру, также совершенно ничтожную. Исходя из этих данных, пришлось бы признать, что край, который во времена горского владычества давал приют и обеспечивал существование нескольких сот тысяч горцев, не может ныне вместить более двух десятков тысяч русских, силы которых конечно вполне недостаточны не только для высокого развития в нем культуры, но и для приведения его хотя бы в то состояние, в котором он был во времена занятия его горцами. Очевидно, что с таким заключением примириться было бы невозможно и необходимо изыскать выход из этого вполне ненормального положения.

Прежде всего надлежит заметить, что в счет свободных под переселение земель вовсе не входят те более отдаленные от морского побережья и ныне за отсутствием путей почти неприступные нагорные места, которые, однако, по естественным, климатическим и почвенным условиям представляют все удобства для водворения на них русских крестьян, коль скоро они будут связаны удобными путями с другими частями округа. Этим одним способом можно в будущем открыть для заселения несколько десятков тысяч десятин. Далее, в счет тех же предназначенных под переселение земель, не вошли казенные оброчные статьи и казенные же лесные площади. Между тем эти оброчные статьи, при малонаселенности края и слабом вследствие этого спросе на землю, переносят казне ничтожный доход; с отделением части этих статей под переселение доходность остальных может только увеличиться; но и независимо от сего, по мнению Министра Земледелия и Государственных Имуществ, главною задачею вверенного ему ведомства в Черноморском округе должно быть не столько увеличение казенного дохода от земель, сколько оживление края и развитие в нем таких культур, которые требуют больших затрат труда и капитала, — условия почти недостижимые на землях, находящихся в руках казны и эксплуатируемых путем сдачи их в аренду на более или менее короткие сроки. Что же касается лесных площадей, то, признавая безусловно необходимым навсегда сохранить в руках казны все ценные лесные насаждения, а равно все леса, имеющие по расположению своему особое защитное значение, в смысле предохранения источников рек от обмеления, горных вершин и склонов от оголения и обвалов, Министр Земледелия не мог, однако, не обратить внимания на то, что в числе казенных лесных площадей есть немало таких, которые отнюдь такого полезного значения не имеют, по роду насаждения никакой особенной ценности не представляют и обращение которых в культурное состояние было бы, напротив того, весьма полезно для улучшения санитарных условий края. Таковы лесные заросли на болотных низинах, которые теперь только поддерживают и распространяют малярию, таковы леса, насколько испорченные хищническим хозяйством и пастьбою скота в прежнее время, что они уже не могут дать цены лесной поросли, без обращения к искусственным лесокультурным приемам, которые едва ли могут окупиться, даже в далеком будущем, в крае, и без того столь богатым лесом; таковы, наконец, обширные лесные площади, покрытые мелким, корявым буковым и грабовым лесом, который здесь никакой цены не имеет и эксплуатировать быть не может. С выделением же, так сказать, в заказ, лесов первой категории т[о] е[сть], лесов ценных и защитных, на которых должно быть установлено правильное лесное хозяйство, все остальные лесные площади могут быть постепенно обращаемы в надел переселенцам; этим способом также откроются под переселение и культуру обширные, ныне не только совершенно непроизводительные, но даже вредные с санитарной точки зрения для местного населения площади земли.

Но, наряду с образованием из свободных казенных земель переселенческих участков, казалось бы необходимым выделить из них же особые мелкие участки, с целью предоставления их на известных условиях лицам, желающим поселиться в крае для занятия в нем садоводством, виноградарством и другими видами высшей культуры. Привлечение в край такого рода лиц, наряду с простыми переселенцами из крестьян, было бы в высшей степени полезно, так как они не только своей личной деятельностью содействовали бы оживлению края, но и служили бы примером для крестьян-переселенцев. Устав о сельском хозяйстве уже ныне предоставляет Министру Земледелия право отвода земельных участков на льготных условиях под разного рода высшие культуры, но действующие в этом отношении правила оказались настолько не практичными, что вовсе не достигли цели и побудили Министерство Государственных Имуществ отказаться от их применения. С переработкою же сих правил применительно к условиям Черноморского округа, казалось бы, возможным ожидать от предлагаемой меры больше пользы. Главное внимание при такой переработке должно быть обращено на устранение некоторых крайне стеснительных ныне требований, в роде засадки известной части отводимой площади точно определенным числом растений, а также не предоставления участка в полную собственность лица, даже выполнившего все условия отвода и т[ому] п[одобное]. С другой стороны, во избежание захвата участков со спекулятивными целями и оставления его затем без всякой обработки, надлежало бы сократить срок, в течение которого условия отвода должны быть выполнены, и установить с первого же года отвода оброчную плату, которая должна служить основанием для исчисления размера цены, по которой участок может, по выполнении всех условий отвода, быть выкуплен в полную собственность. Вместе с тем, казалось бы, необходимым уменьшить размеры участков, определенные ныне в 50 и 100 дес[ятин], так как для высших культур столь значительные участки не требуются, и одновременно установить известные ограничения в отношении перехода означенных участков в другие руки, чтобы избежать водворения в крае этим путем нежелательного элемента владельцев. Желающих получить участки на этих условиях — множество и есть полное основание рассчитывать, что с осуществлением настоящего проекта развитие края в культурном отношении пойдет вперед быстрыми шагами. В настоящее время уже разработан вопрос об образовании подобных участков, для обращения их в продажу под высшие культуры, вблизи Новороссийска (Печайская дача) и Геленджика.

Гораздо труднее разрешить вопрос о том, как поступить с теми громадными пространствами земли, которые были отведены в надел местному населению и которые находятся в фактическом его пользовании в количествах, как было объяснено, иногда во много раз превышающих законом установленные наделы. Хотя по причинам, которые были приведены выше, наделение населения землею в количестве 30 дес[ятин] на двор или 20 дес[ятин] на душу в таком крае, как Черноморский округ, составляет, по мнению Министра Земледелия, ошибку, так как подобные наделы не соответствуют ни силам населения, ни тем культурным условиям, которые здесь существуют, отнимать у населения то, что ему было предоставлено словом закона, представлялось бы ныне невозможным. Такая мера, быть может, по существу и полезная, не соответствовала бы достоинству правительственной власти и подорвала бы к ней доверие со стороны населения, тем более что казакам бывшего Шапсугского батальона наделы были отведены в полную собственность. Хотя позднейшим поселенцам наделы отводились не в собственность, а только в пользование, уменьшать ныне размеры этого пользования было бы точно так же невозможно. Но совсем иначе представляется вопрос о тех излишних, сверх законного надела, землях, которые состоят в фактическом пользовании населения, частью вследствие отвода ему не отмежеванных участков, частью вследствие прямых захватов никем не охраняемых земель. На эти сверхнадельные земли население не имеет никакого права, и отрезка их для предоставления будущим переселенцам предоставляется и необходимой и вполне справедливой, так как нельзя допустить, чтобы ничтожное сравнительно число поселенцев владело землею в количестве далеко большем, нежели какое оно может обработать и эксплуатировать, а всем другим желающим поселиться в крае отказывалось бы в то же время в земле. Производимое ныне впервые в крае межевание крестьянских юртовых земель указывает на громадные избытки таких подлежащих отрезке земель, которые и могут служить для нужд будущего поселения. Чтобы судить о размерах этих отрезков, достаточно привести примеры греческого селения Прасковей,

у которого, сверх нормального надела в 1500 десятин, приходится отрезать 12 000 десятин, селения Лазаревского, у которого сверх надела в 2000 десятин нужно отрезать 17 000 десятин, и т[ому] п[одобное]. Таким образом, с приведением крестьянских наделов к *законной норме*, откроются под поселение громадные площади свободных и пригодных для культуры земель, ныне по большей части лежащих втуне. В некоторых местах, там, где среди пригодных для эксплуатации земель имеется много земель действительно неудобных, — горные кряжи, крутые недоступные ни для какой обработки склоны, голые скалы и т[ому] п[одобное], быть может, придется оставить в пользовании крестьян земельные наделы площадью несколько больше нормальных, но и там нет основания оставлять за ними все то, что они ныне без всякого законного основания фактически себе присвоили в ущерб общему развитию края и во вред будущей необходимой его колонизации.

Но отрезка этих излишних против законного надела земель может встретиться и в действительности встречается с одним существенным практическим неудобством, которое заключается в том, что среди этих обширных и большею частью совершенно некультурных пространств попадаются разбросанные отдельными небольшими оазисами участки крестьянских земель, разделанных под пашни, под покосы, реже под сады и т[ому] п[одобное]. Изредка встречаются среди них и остатки горских садов, подновленные более предприимчивыми из поселенцев. Сразу лишить крестьян возможности пользоваться этими участками, разработка которых из-под леса стоила им иногда большого труда, было бы несправедливо. Но и оставление за ними этих отдельных, обыкновенно разбросанных на огромном пространстве, участков было бы также неудобно, так как вызвало бы чересполосицу, одинаково нежелательную в интересах как старых, так и новых поселенцев. Устранение этого неудобства, казалось бы, возможным достигнуть двумя способами, подобными тем, которые уже применены Высочайше утвержденными правилами об образовании переселенческих участков вдоль линии Сибирской железной дороги, а именно: предоставлением старожилам права переселиться на разработанные ими участки, с приурочением к ним всего их земельного надела и под условием включения в состав образуемых новыми переселенцами сельских обществ, или же временным оставлением в их пользовании упомянутых выше участков на такой срок, который был бы достаточен для выручки понесенных на разработку их расходов. Срок этот, казалось бы, возможным определить для пастбищ и сенокосов в три года, для пахотных угодий в пять лет. Такая мера была бы тем более практичной, что хотя образование переселенческих участков желательно было бы начать безотлагательно, фактическое водворение на них переселенцев будет производиться постепенно, в течение нескольких лет; остановленные же за это время без обработки участки могли бы вновь заглохнуть и зарости лесом, с которым здесь даже и на культивируемых участках приходится вести постоянную упорную борьбу.

За таким разрешением данного вопроса, с которым вполне согласна и местная администрация и которое представляется единственным способом хотя до некоторой степени примирить поселенцев с необходимостью отрезки от них излишних земель, дарованные им наделы в 30 дес[ятин] на двор или 20 дес[ятин] на душу придется за ними оставить. Для того же, чтобы эти обширные наделы не оставались навсегда столь мало производительными, как теперь, и для того, чтобы открыть доступ новым поселенцам на эти земли, с которыми настоящее ничтожное по численности население не может и едва ли когда-нибудь будет в состоянии совладать, казалось бы, необходимым принять еще одну меру, хотя и радикальную, но единственно в данном случае целесообразную, это именно: предоставить всему населению, уже водворенному в крае и вынесшему, так сказать, на своих плечах все трудности первого поселения в дикой и лишь наполовину умиротворенной стране, права полной собственности на земли, дав ему вместе с тем и права отчуждения этих земель на известных, определяемых Правительством условиях. Спрос на земли на Черноморском побережье теперь громадный. На небольшие, предназначенные к отводу в частные руки, участки казенной земли, желающие являются сотнями, предлагая арендную плату в 5–10 руб[лей] за десятину в год, среди тех самых земель, которые поселенцы оставляют, лежат втуне, потому что они не пригодны для культуры ржи или гречихи. Такая арендная плата соответствует капитальной стоимости земли в 100–200 руб[лей] за десятину. Если бы крестьянам, не знающим, что со своей землей делать и бедствующим на своих громадных наделах,

предоставлено было право хотя некоторую часть их продать, то это, с одной стороны, дало бы им значительные денежные средства, которыми они могли бы воспользоваться для обращения, под надлежащим руководством, остальной, оставляемой в их владении, земли к более совершенным культурам, как виноградарство и садоводство, а с другой стороны, это мера имела бы последствием водворения 4–5 семейств там, где теперь с трудом добывает себе скудное пропитание одна семья. Но при таком разрешении крестьянам отчуждения своих земель необходимо предусмотреть две опасности, против которых должны быть приняты надлежащие меры, это именно: скупка крестьянских земель спекулянтами с целью их перепродажи и водворение в крае на приобретенных у крестьян землях нежелательных иноземных элементов — греков, армян и других инородцев, и теперь уже тысячами притекающих в край. Для предупреждения этого необходимо определить максимальный размер участка, который может быть приобретаем в одни руки — примерно 5, самое больше 10 десятин, и допущение сделок не иначе, как под контролем и с разрешения администрации, которая могла бы давать разрешение на покупку только русским и в крайнем случае эстонцам, латышам, но ни в коем случае не азиатским выходцам. Для облегчения же подобного рода сделок по покупке крестьянами крестьянских же участков, казалось бы, возможно распространить на этот край действия Крестьянского Поземельного Банка, с теми изменениями в его Уставе, которые будут вызваны особенными местными условиями.

Осуществление проектируемых мер, несомненно, откроет под будущее заселение обширные пространства ныне пустующих земель. Но для того, чтобы надлежащим образом использовать эти земли и действительно водворить на них рациональную, а не хищническую культуру, необходимо изменить действующие ныне правила отвода земель и, вместо настоящих наделов в 30 дес[ятин] на двор, установить для новых поселенцев нормы надела гораздо меньшие и более сообразованные с местными условиями, — в 3–5 и самое большее 10 десятин, смотря по условиям почвы и роду возможных на них культур. При этом надлежит иметь в виду, что благосостояние поселенца здесь обуславливается отнюдь не обширностью предоставляемого ему участка земли, но количеством труда, которое он положит на его разработку, и, следовательно, размеры должны быть сообразованы с характером возможной в каждой местности культуры и наличными силами крестьянского двора. Одна десятина, занятая виноградником или фруктовым садом, может обеспечить поселенца лучше, нежели 30 десятин пускающей или кое-где разрабатываемой под посев хлебных злаков земли. Необходимо в то же время наблюдать за тем, чтобы крестьяне действительно обращались к тем культурам, которые здесь могут быть наиболее производительными, и оказывать им в этом отношении необходимое содействие.

Весьма вероятно, что при том приливе поселенцев и рабочих рук, который будет вызван осуществлением проектируемых мер, оживится в крае и частновладельческое хозяйство на землях, пожалованных или приобретенных в прежнее время на льготных условиях частными покупателями. Часть этих земель, вероятно, перейдет в свою очередь в руки поселенцев при содействии того же Крестьянского Банка. Однако и за всем тем есть основание опасаться, что более или менее значительная часть этих земель будет по-прежнему оставаться втуне, в руках лиц, которые приобрели их в расчете на дальнейшее в будущем возвышение цен, в видах, следовательно, чисто спекулятивных. Выше было указано, какой вред эти некультурные земли переносят всей окружающей их местности. Но так как Правительство при бесплатной раздаче и льготной продаже обширных пространств земель в частные руки руководствовалось единственно стремлением оживить край и содействовать развитию в нем культуры, то, казалось бы, что против лиц, не оправдывающих этих ожиданий Правительства, надлежит принять некоторые понудительные и репрессивные меры. Не прибегая, как это предлагают некоторые, к обратному отобранию этих земель в казну от их нерадивых владельцев, было бы возможно, в видах возбуждения последних к постепенной разработке принадлежащих им земель, обложить эти земли известным налогом, освобождая от него земли культивированные. Сначала этот налог должен быть очень умеренным, но потом его необходимо последовательно повышать, чтобы сделать невыгодным оставление в непроизводительном состоянии обширных пространств земли, в настоящем некультурном своем виде вредных для края вследствие развития на них болотных миазмов. Оставляя даже в стороне вопрос о необходимости разработки этих пространств в видах экономических, Правительство вправе требовать постепенного

обращения их в культурное состояние в целях санитарных, как очагов заразы, от которых страдает все окрестное население.

Наконец, для содействия развитию Черноморского побережья и водворению на нем высшей культуры, необходимо учреждение школ садоводства, опытных станций, устройство питомников, снабжение населения виноградными чубуками, содействие сбыту вина, фруктов и других произведений. Необходимы ипотечный и еще более мелиоративный кредиты. Кроме того, необходимо привлечение в край таких деятелей, которые могли бы оказывать населению непосредственное содействие в новом для него деле распространения высоких культур, — учреждением должностей агрономов, садоводов, виноделов и т[ому] п[одобное]. Министерство Земледелия и Государственных Имуществ отчасти уже пошло навстречу этим потребностям, испросив Высочайшее соизволение на учреждение в посадке Сочи и в гор[оде] Сухуме двух садовых и сельскохозяйственных опытных станций, к устройству коих ныне уже приступлено и во главе которых поставлены лица вполне компетентные, знающие условия края и могущие служить руководителями для местного населения. В настоящее время возбужден вопрос о преобразовании существующей в Сухуме горской школы в школу сельского хозяйства и садоводства с передачею этой школы из ведения Министерства Народного Просвещения в ведение Министерства Земледелия. Но за сим потребуются еще целый ряд других мер, связанных с более или менее значительными, хотя, несомненно, производительными, затратами из казны для постановки Черноморского побережья Кавказа на тот путь широкого развития и процветания, для которого он имеет все задатки. Некоторые из этих мер уже намечены выше, — другие будут выясняться по мере того, как будет приступлено к выполнению тех задач, которые необходимо поставить ныне на первую очередь и которые не замедлят принести свои полезные результаты. Не может подлежать сомнению, что при осуществлении этих задач природные богатства Черноморского края весьма скоро принесут довольство и всему тому многочисленному населению, которому он будет в состоянии дать приют на склонах своих гор и на пустынных донине прибрежьях охватывающего его моря. Достижение этих целей возможно в сравнительно недалеком будущем, если только делу будет ныне же положено твердое начало.

РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 17–30. Подлинник. Машинопись

- 1) Собственный заголовок документа.
- 2) На полях от руки: «Читал».
- 3) На полях от руки: «Собственной Его Императорского Величества рукой начертано: «Читал». В С.-Петербурге 28 января 1895 г. Министр Земледелия и государственных имуществ Ермолов».
- 4) На полях от руки: «Вполне разделяю это мнение».
- 5) На полях от руки: «Совершенно верно».

References

Bakhtadze K. E. *Razvitiye kul'tury chaya v SSSR* [Development of Tea Culture in the USSR]. Tbilisi: Izd-vo Akademii nauk Gruzinskoy SSR Publ., 1961. (In Russian).

Panaetov O. G. [Founders and Ideals of the “Krinitsa” Community]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 2011, no. 1, pp. 44–49. (In Russian).

Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V., Shumkin G. N. [Formation of Modernization Policy of Russian Empire’s Peripheries at the End of the 19th Century: Proposals and Projects by Alexey Yermolov]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2020, vol. 5, no. 4 (20), pp. 106–126. DOI: 10.46539/jfs.v5i4.239 (In Russian).

УДК 94(571.1)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-132-151

Вебер Михаил Игоревич

к.и.н., старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

Несентиментальное путешествие: письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь летом 1918 г.

АННОТАЦИЯ. Публикуется письмо большевика Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова, ставшего впоследствии известным советским писателем, высшему партийному руководству с описанием его путешествия из красного Петрограда в белую Тюмень и обратно через линию фронта в июле — августе 1918 г. Исключенный накануне поездки в Тюмень из партии, Тарасов-Родионов решил использовать свое путешествие как способ вернуть себе доверие партийного руководства, собрав и предоставив последнему ценные сведения о состоянии белого тыла. С этой целью во время своего путешествия он интересовался ходом боевых действий, политической и экономической обстановкой в занятых белыми местностях Поволжья, Урала и Западной Сибири. Источником полученных А. И. Тарасовым-Родионовым сведений послужили собственные наблюдения, материалы антибольшевистских газет и разговоры с попутчиками. Результат своих наблюдений по возвращении из поездки он изложил в подробном письме Петроградскому бюро ЦК РКП(б), написанном 27 августа 1918 г. Письмо А. И. Тарасова-Родионова — ценный исторический источник по начальному периоду Гражданской войны на Востоке России, содержащий любопытные сведения о белом терроре, о повседневной жизни в белом тылу, а также о тактике боевых действий на фронте, с риском для жизни собранные автором во время своего путешествия. Для визуализации маршрута путешествия А. И. Тарасова-Родионова была подготовлена карта-схема, публикуемая в приложении к статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, Восточный фронт, Урал, Сибирь, белый террор, травелог

UDC 94(571.1)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-132-151

Mikhail I. Weber

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

An Unsentimental Journey: The Letter from A. I. Tarasov-Rodionov to Petrograd Bureau of Central Committee of RCP(B) about His Trip to Siberia in the Summer of 1918

ABSTRACT. The paper presents the letter from Bolshevik Alexander Ignatievich Tarasov-Rodionov, who later became a famous Soviet writer, to the top party leadership describing his journey from red Petrograd to white Tyumen and back across the front line in July — August 1918. Excluded from the party on the eve of his trip to Tyumen, Alexander Tarasov-Rodionov decided to use his trip as a way to regain the trust of party leadership by collecting and providing the latter with valuable information about the state of white rear. To this end, during his journey, he was interested in the course of hostilities, the political and economic situation in the white-occupied areas of the Volga region, the Urals and Western Siberia. The source of the information received by Tarasov-Rodionov was his own observations, materials from anti-Bolshevik newspapers and conversations with fellow travelers. The result of his observations on his return from the trip, he outlined in a detailed letter to the Petrograd Bureau of the Central Committee of the RCP(b), written on August 27, 1918. This letter is a valuable historical source on the initial period of the Civil War in the East of Russia, containing interesting information about the White terror, about everyday life in the White rear, as well as about the tactics of combat operations at the front, collected by the author at the risk of his life during his journey. To visualize the route of Tarasov-Rodionov's journey, a schematic map was prepared, published in the appendix to the paper.

KEYWORDS: Civil War, Eastern Front, Urals, Siberia, White terror, travelogue

Особое место среди травелогов занимают травелоги военного времени. К их числу относится и письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1918 г., в котором он подробно описывает свое путешествие из Петрограда в Тюмень и обратно через линию фронта по залитым кровью полям Гражданской войны.

Публикуемый документ был выявлен в фонде 71 «Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931–1991)» Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и представляет собой машинописную копию, подготовленную сотрудниками Истпарта, вероятно, намеревавшимися использовать письмо Тарасова-Родионова в своей научной работе.

Автор травелога — Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов — родился 25 сентября 1885 г. в семье казанского мещанина, землемера Игнатия Семеновича Тарасова-Родионова и дочери помещика Новгород-Северского уезда Черниговской губернии Любовь Павловны Жайворонко¹. В 1903 г. он окончил 1-ю Казанскую мужскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Казанского университета. Студенческие годы Тарасова-Родионова пришлись на период революции 1905–1907 гг. — не удивительно, что он принял активное участие в революционном движении. Сам он впоследствии указывал, что был принят в РСДРП в январе 1905 г. Однако профессиональным революционером не стал, хотя и сохранил связи с партией после того, как революционное движение пошло на спад.

В 1908 г. Тарасов-Родионов закончил обучение в университете, но не был допущен к госэкзаменам из-за политической неблагонадежности и не смог получить диплом юриста. В том же году он женился и переехал в Омск. До 1913 г. Александр Игнатьевич работал коммивояжером фирмы, организующей промышленные выставки. Осенью 1913 г. он с семьей вернулся в Казань: получив, наконец, от полиции справку о политической благонадежности, был допущен к экзаменам и летом 1914 г. получил университетский диплом. Это открыло для него возможность юридической карьеры, и после небольших мытарств Тарасов-Родионов нашел подходящую вакансию в Барнаульском окружном суде.

Весной 1915 г. он был мобилизован и после короткого обучения в Казанском военном училище стал офицером военного времени, получив сперва чин прапорщика, а 1 сентября 1916 г. — подпоручика. В декабре 1916 г. А. И. Тарасов-Родионов был направлен обучаться пулеметному делу в Офицерскую стрелковую школу в г. Ораниенбауме, где его и застала Февральская революция.

Он принял самое активное участие в событиях как Февральской, так и Октябрьской революции в столице империи — Петрограде. Роковыми же для его судьбы оказались июльские дни 1917 г.: после провала попытки свержения Временного правительства А. И. Тарасов-Родионов, к тому времени член Военной организации при ЦК РСДРП(б), оказался за решеткой и в тюрьме дал слабину. Он написал в тюремной камере несколько покаянных писем, в т. ч. Д. Д. Данчичу — секретарю министра юстиции Временного правительства и П. И. Пальчинскому — товарищу министра торговли и промышленности Временного правительства, которых знал лично. В письме Пальчинскому Тарасов-Родионов, в частности, писал: «Но я виноват и глубоко виноват в том, что был большевиком. К стыду своему и позору я вижу теперь, что верил этому учению. Не подозревая, что это только ярко раскрашенная игрушка, которую дергают за ниточки кровавые руки нашего внешнего врага»². Письма эти никак ему не помогли: в сентябре 1917 г. Тарасов-Родионов был выпущен из тюрьмы под денежный залог вместе с другими арестованными большевиками, которые не писали покаянных писем, и смог принять участие в Октябрьской революции с оружием в руках. Более того, они даже не были использованы Временным правительством для дискредитации большевиков в печати. Однако с приходом к власти большевиков эти письма стали губительным компроматом, тяжелым якорем, всю дальнейшую жизнь тянувшим Тарасова-Родионова на дно.

В конце июня 1918 г. Тарасов-Родионов был вызван из Тюмени в Петроград для проведения партийного суда над ним. Писатель Н. М. Захарченко, автор биографической книги о Тарасове-Родионове, в своей работе выдвинул конспирологическую версию о том, что последний преднамеренно уехал

¹ Основным источником сведений о биографии А. И. Тарасова-Родионова послужила книга: Захарченко Н. М.: Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (страницы биографии). М., 2012.

² Цит. по: Захарченко Н. М. Указ соч.

в Тюмень накануне ее захвата белыми, чтобы оставить там свою семью и впоследствии получить повод поехать в тыл к белым, чтобы реабилитировать себя в глазах партии³. Однако никаких доказательств в обоснование этой версии Захарченко не привел. На мой взгляд, версия эта абсолютно фантазмагорична, не говоря уже о том, что она выставляет А. И. Тарасова-Родионова циничным негодяем, готовым рисковать жизнью и здоровьем членов своей семьи ради своих интересов. Семья Тарасовых-Родионовых приехала в Тюмень в середине мая 1918 г., за пару недель до начала мятежа Чехословацкого корпуса, — на тот момент Тюмень была глубоким тылом и никто не мог предсказать, что уже вскоре она станет прифронтовым городом.

Более того, и на момент отъезда Тарасова-Родионова на суд в Петроград Тюмень прочно удерживалась красными. Точную дату отъезда А. И. Тарасова-Родионова из Тюмени удалось установить благодаря мемуарам корнета С. В. Маркова — члена тайной петроградской монархической организации, созданной для организации побега Николая II и его семьи из ссылки, внедрившегося по ее заданию весной 1918 г. в Красную армию, где он был назначен командиром 1-го Тюменского уланского революционного эскадрона. Как вспоминал Марков, в купе поезда, следовавшего из Тюмени в Екатеринбург, «со мной оказался попутчик. Это был небольшого роста человек в штатском, брюнет с выразительными черными глазами, очень нервный, все время подергивающий свою козлиную бородку»⁴. По мнению Маркова, Тарасов-Родионов «оказался очень образованным человеком и интересным собеседником»⁵. Поезд с Марковым и Тарасовым-Родионовым отбыл из Тюмени в 4 часа дня 30 июня и прибыл в Екатеринбург к обеду следующего дня — 1 июля 1918 г., где их пути разминулись. В тот же день Марков, убедившись в бесперспективности попыток проникнуть в Ипатьевский дом, где содержались Романовы, пересел на поезд, следующий в Петроград, на котором и прибыл в город 7 июля 1918 г.⁶ Это позволяет предположить, что и Тарасов-Родионов, добравшийся из Екатеринбурга в тот же пункт назначения, что и Марков, но в другом поезде, прибыл туда не позже 8 июля 1918 г. 30 июня 1918 г., когда Тарасов-Родионов уехал из Тюмени, непосредственной угрозы захвата этого города белыми еще не было, поэтому он безбоязненно оставил там свою семью.

Что же на самом деле побудило Тарасова-Родионова переехать в Тюмень? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности и не требует конспирологических теорий. Весной 1918 г. у Тарасова-Родионова появились признаки туберкулеза (той самой печально известной петербургской чахотки), что и вынудило его сменить место жительства, о чем он сам упомянул в одной из своих автобиографий. Биографу Тарасова-Родионова Н. М. Захарченко и петербургскому историку К. А. Тарасову переезд Александра Игнатьевича в Тюмень для выздоровления показался странным и неочевидным⁷. По моему мнению, в выборе Тарасовым-Родионовым Тюмени для поправки здоровья нет ничего удивительного: в Петрограде и его окрестностях начинался голод, а в Сибири не было дефицита продовольствия, в т. ч. молока, необходимого для питания грудного младенца, родившегося в семье Тарасовых-Родионовых как раз-таки в мае. Как известно, качественное питание необходимо и для больных туберкулезом. Улучшить питание А. И. Тарасову-Родионову могли рекомендовать врачи. Кроме того, не стоит забывать, что Тарасов-Родионов уехал из Петрограда в хорошо знакомые ему места: до начала Первой мировой войны он несколько лет прожил в соседнем с Тюменью Омске.

Разобрав дело А. И. Тарасова-Родионова, Петербургский комитет РКП(б) в конце июля 1918 г. исключил его из партии. Пока Тарасов-Родионов находился в Петрограде, ожидая решения партийного суда, Тюмень была взята белыми и его семья оказалась по ту сторону линии фронта. Александр Игнатьевич оказался в затруднительном положении: открыто вернуться в Тюмень под своим именем он не мог, но и оставлять семью в Тюмени было опасно, т. к. семьи видных партийных и советских работников жили в белом тылу под постоянной угрозой ареста. Путешествовать предстояло инкогнито.

Чтобы пересечь линию фронта и добраться до Тюмени, Тарасов-Родионов придумал себе легенду: он выдал себя за бежавшего из немецкого плена солдата 330-го Златоустовского пехотного

³ См.: Там же.

⁴ Марков С. В. Покинутая Царская семья. 1917–1918: Царское Село — Тобольск — Екатеринбург. Вена, 1928. С. 327.

⁵ Там же. С. 328.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Тарасов К. А. А. И. Тарасов-Родионов — фигурант «Царского дела»? // Императорская семья и ее окружение. 1917–1919. Сборник материалов научной конференции 13–14 сентября 2018 г. СПб., 2019. С. 91.

полка Николая Васильевича Яковлева, якобы возвращающегося к себе на родину — в Минусинск, и сумел получить в петроградском госпитале необходимые документы на чужое имя.

Путешествие из Петрограда в Тюмень и обратно через линию фронта заняло у Тарасова-Родионова около месяца: он выехал из Петрограда 27 июля 1918 г., а вернулся назад 24 августа 1918 г. Для визуализации маршрута его путешествия нами была подготовлена карта-схема (см. цв. вклейку, рис. 11).

От Петрограда до Перми Тарасов-Родионов доехал по железной дороге. От Перми до станции Билимбай ему пришлось идти пешком через линию фронта около 250 верст — это был самый сложный и опасный участок пути. На станцию Билимбай Александр Игнатьевич вышел 8 августа 1918 г. и оттуда доехал до Екатеринбурга поездом. Прямое железнодорожное сообщение между Екатеринбургом и Тюменью на тот момент было нарушено из-за подрыва мостов и разрушения путей в ходе боевых действий, поэтому в Екатеринбурге он 9 августа пересел на другой поезд и в тот же день доехал на нем до Челябинска, где снова сделал пересадку. От Челябинска до станции Куломзино под Омском Тарасов-Родионов снова ехал по железной дороге. В Куломзино он пересел на встречный поезд на другой линии железной дороги и наконец доехал до Тюмени 11 августа 1918 г., откуда в тот же день дошел пешком до деревни, в которой оставил свою семью перед отъездом в Петроград. Оказалось, что в его отсутствие она перебралась в Тюмень, и воссоединиться со своими близкими Александрю Игнатьевичу удалось только на следующий день — 12 августа 1918 г.

Долго оставаться в Тюмени было опасно, и уже 13 августа 1918 г. А. И. Тарасов-Родионов со своей семьей, которая включала в себя его жену Марию Александровну, троих детей и тещу, отправился в обратный путь. Для обратного путешествия ему понадобилась новая легенда: сумев раздобыть в Тюмени новый подложный паспорт, Тарасов-Родионов пустился в обратный путь под видом владельца кожевенного завода, возвращающегося домой в город Арзамас Нижегородской губернии. Из Тюмени Тарасовы-Родионовы поездом доехали до Омска, затем пересели на встречный поезд до Уфы. В Уфе семья пересела на другой поезд и доехала на нем до Самары, от Самары — до Сызрани, а от Сызрани — до станции Коптевка Сызранско-Вяземской железной дороги. Дальше до Пензы поезда не ходили из-за боевых действий, поэтому в Коптевке семья Тарасовых-Родионовых наняла лошадей и на них пересекла линию фронта, доехав до Кузнецка, где стояли уже красные. В Кузнецке они снова пересели на поезд и благополучно доехали через Москву до Петрограда 24 августа 1918 г.

Судя по всему, еще накануне поездки в Тюмень А. И. Тарасов-Родионов решил использовать свое путешествие как способ вернуть себе доверие партийного руководства, собрав и предоставив последнему ценные сведения о состоянии белого тыла. С этой целью во время своего путешествия он интересовался ходом боевых действий, политической и экономической обстановкой в занятых белыми городах и деревнях. Источником полученных им сведений послужили собственные наблюдения, материалы антибольшевистских газет и разговоры с попутчиками. Результат своих наблюдений он изложил в письме Петроградскому бюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1918 г.

Чем интересен этот исторический источник?

Во-первых, данное письмо закрывает некоторые лакуны в биографии самого Тарасова-Родионова. В научной литературе и исторической публицистике Тарасова-Родионова иногда путают с комиссаром Родионовым, который по заданию Уралоблсовета перевез из Тобольска в Екатеринбург оставшуюся часть царской семьи. Эта путаница возникла, главным образом, потому, что колчаковский следователь по делу о расстреле царской семьи Н. А. Соколов не сумел установить личность комиссара Родионова, что и привело впоследствии к возникновению различных версий о том, кем был этот таинственный комиссар (для колчаковского следствия, пытавшегося увязать расстрел Николая II и членов его семьи с деятельностью внешнего врага — Германии, отсутствие точных сведений о биографии представителя Уралоблсовета было даже удобно, т. к. позволяло представить комиссара Родионова агентом германской разведки).

Почву для версии о том, что комиссаром Родионовым был А. И. Тарасов-Родионов, помимо очевидного созвучия их фамилий, подготовили воспоминания перебежавшего на Запад чекиста Ф. П. Другова, напечатанные в 1931 г. в популярной эмигрантской парижской газете «Иллюстрированная Россия»⁸. Другов якобы встретился с А. И. Тарасовым-Родионовым летом 1918 г. в купе поезда,

⁸ Другов Ф. П. С Дзержинским в ВЧК: исповедь раскаявшегося чекиста // Иллюстрированная Россия. 1931. № 10 (303). С. 10–11.

следовавшего из Тобольска в Екатеринбург, и узнал от него, что тот ездил в Тобольск для организации перевозки царской семьи в Екатеринбург. Однако свидетельство Другова доверия не вызывает — во-первых, на тот момент железная дорога между Тобольском и Екатеринбургом еще не была построена, а во-вторых, Другов пишет о том, что прибыл в Тобольск и встретился затем в поезде с А. И. Тарасовым-Родионовым после падения советской власти в Томске. Как известно, город Томск был занят белыми 31 мая 1918 г., а оставшихся членов царской семьи привезли в Екатеринбург из Тобольска еще 23 мая 1918 г. Как представляется, нуждавшийся в деньгах Другов просто решил подзаработать на популярной в среде русской эмиграции теме, выгодно продав сенсационный материал газете «Иллюстрированная Россия». А сам сюжет со случайной встречей с Тарасовым-Родионовым в поезде он предположительно взял из вышедшей на три года ранее книги воспоминаний корнета С. В. Маркова⁹, добавив отсутствовавшие в рассказе Маркова детали про якобы имевшееся у Тарасова-Родионова поручение перевезти царскую семью из Тобольска в Екатеринбург.

Из числа профессиональных исследователей первым версию о том, что комиссар Родионов — это А. И. Тарасов-Родионов, выдвинул в своей монографии о судьбе императора Николая II после отречения от престола, вышедшей первым изданием в 1951 г., известный эмигрантский историк С. П. Мельгунов¹⁰. В современной российской историографии в защиту этой версии высказался, хотя и с оговорками, петербургский историк К. А. Тарасов¹¹. В конце своей статьи, посвященной этому вопросу, К. А. Тарасов признал, что приведенных им свидетельств недостаточно, чтобы однозначно идентифицировать А. И. Тарасова-Родионова как комиссара Родионова, но посчитал эту версию вполне рабочей, хотя и нуждающейся в дополнительной проверке¹². Для проверки, по мнению К. А. Тарасова, необходимо: 1) найти свидетельства о пребывании Тарасова-Родионова на Урале в мае — июле 1918 г. и 2) понять, как именно были использованы 5000 рублей, выделенных Тарасову-Родионову членом Реввоенсовета Западного фронта Р. И. Берзиным по просьбе И. В. Сталина.

Ответом на первый пункт служит публикуемое письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б). Оно вполне убедительно показывает, что Тарасов-Родионов никак не был связан с Уралоблсоветом (в своем письме он даже коверкает фамилию комиссара Ф. И. Голощекина, который был широко известен в Екатеринбурге) и не имел никакого отношения к гибели царской семьи. Во время перевозки второй части царской семьи из Тобольска в Екатеринбург во второй половине мая 1918 г. А. И. Тарасов-Родионов вместе со своей семьей находился в Тюмени и ждал рождения ребенка.

Что касается второго пункта, то очевидно, что он вообще не имеет отношения к судьбе царской семьи. Записка Сталина неверно датирована публикатором — журналистом С. В. Ильичевой (либо дата на документе подделана Я. М. Свикке, у которого хранилась эта записка), события, о которых в ней идет речь, происходили в июле 1919-го, а не 1918 г. Согласно исследованию Н. М. Захарченко, именно летом 1919 г. А. И. Тарасов-Родионов некоторое время был личным секретарем И. В. Сталина, работавшего на тот момент членом Реввоенсовета Западного фронта¹³. Р. И. Берзин, которого Сталин в записке просит выдать 5000 рублей Тарасову-Родионову, также занимал должность члена Реввоенсовета Западного фронта в 1919-м, а не в 1918 г.

Так кто же тогда перевез Романовых в Екатеринбург? Комиссар Родионов (к слову, левый эсер, а не большевик, к тому же имевший чин штабс-капитана, а не поручика, как А. И. Тарасов-Родионов) был начальником отряда интернационалистов, на основе которого в Екатеринбурге формировался полк Красной армии. Эта воинская часть находилась в резерве и занималась охраной железных дорог. В середине июня 1918 г. Родионов во главе своего отряда был отправлен на подавление антибольшевистского Невьянского восстания и был убит в бою за железнодорожную станцию Верх-Нейвинск. Обстоятельства его гибели приведены в воспоминаниях бойца Ирбитского отряда Красной гвардии, влившегося в отряд Родионова, Е. М. Дрягилева: «С запада от Рудянки появился паровоз с угольным вагоном, приспособленным белыми для укрытия от огня. Беляки открывали

⁹ Марков С. В. Указ. соч. С. 327–328.

¹⁰ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 294, 295.

¹¹ Тарасов К. А. Указ. соч. С. 86–96.

¹² Там же. С. 93, 94.

¹³ См.: Захарченко Н. М. Указ. соч.

по нам огонь. На сопке, что западнее станции в ½ км, находились наши пулеметы во главе с командиром отряда т. Родионовым, рассматривающим в бинокль появление паровоза. Предательская пуля из пулемета сразила насмерть героя Гражданской войны, славного, всеми уважаемого командира, его тело было доставлено на станцию и отправлено в Свердловск»¹⁴. Смерть комиссара Родионова не замалчивалась: о его похоронах в Екатеринбурге было сообщено в местной советской прессе. Кроме того, о гибели Родионова в бою с невяянскими повстанцами объявил председатель исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов С. Е. Чучкаев на заседании Совета 19 июня 1918 г.: «...во время сражений под Невьянском убит тов. Родионов и еще один человек и пятеро оказались ранеными»¹⁵. Таким образом, можно считать доказанным, что таинственный комиссар Родионов и писатель А. И. Тарасов-Родионов — это два разных человека.

Стоит отметить, что А. И. Тарасов-Родионов действительно пересекался с царской семьей: в начале марта 1917 г., вскоре после победы Февральской революции, он по поручению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с другим офицером-революционером С. Д. Мстиславским ездил в Царское Село, чтобы проверить слухи о возможном увозе Николая II и его семьи за границу и, если потребуется, посадить бывшего царя в Петропавловскую крепость. К перевозке же Романовых из Тобольска в Екатеринбург и их расстрелу в июле 1918 г. он никакого отношения не имел.

Во-вторых, письмо Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) представляет интерес для историков содержащимися в нем сведениями о белом терроре, о повседневной жизни в белом тылу, о тактике боевых действий на фронте, с риском для жизни собранных автором. Другими словами, это весьма информативный исторический источник по начальному периоду Гражданской войны на востоке России, который, несомненно, заслуживает введения в научный оборот.

Судя по всему, план А. И. Тарасова-Родионова сработал, и этим письмом ему удалось хотя бы частично вернуть себе доверие партийных лидеров. Это и неудивительно — на тот момент советская военная разведка только создавалась и не могла обеспечить высшее военно-политическое руководство необходимым объемом разведывательной информации. Так, в докладе от 19 февраля 1919 г. начальника 1-го отделения 1-го отдела Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики капитана В. А. Срывалина о текущем состоянии и результатах работы советской агентурной военной разведки за 10 месяцев с момента ее создания с горечью констатировался провал попыток по созданию эффективных агентурных сетей во всех ключевых регионах (Прибалтике, Белоруссии, Украине), а в особенности — в Сибири: «Что же касается Сибири, то положение с этой областью еще безотраднее: дальность расстояния, невозможность наладить связь — не привлекали охотников пуститься в тайную разведку в Сибирь»¹⁶.

Осенью 1918 г. Тарасов-Родионов был командирован Петроградским бюро ЦК РКП(б) в Царицын — в 10-ю армию, которой командовал К. Е. Ворошилов. Там Александр Игнатьевич сформировал и возглавил армейский реввоен трибунал, а также разработал положение, регулирующее его работу. В конце 1918 г. вслед за Ворошиловым, назначенным наркомом внутренних дел УССР, Тарасов-Родионов уехал на Украину, где непродолжительное время возглавлял Всеукраинский Главный штаб, а затем последовательно занимал ответственные посты управляющего делами Народного комиссариата по военным делам УССР и управляющего делами Народного комиссариата советской пропаганды УССР.

В итоге в апреле 1919 г. А. И. Тарасов-Родионов был восстановлен в партии. (Однако груз обвинений в малодушии, проявленном им в июле 1917 г., продолжал висеть над ним дамокловым мечом всю оставшуюся жизнь, и в дальнейшем его еще дважды (в 1921 г. и 1936 г.) на этом основании исключали из партии — правда, оба раза восстанавливали).

В 1919 г. Тарасов-Родионов участвовал в боях с Родзянко и Юденичем, в 1920 г. — с поляками и Врангелем. Он, в частности, командовал Сводной Балтийской дивизией и 53-й стрелковой дивизией РККА, был помощником начальника оперативного управления штаба Западного фронта. Вершиной карьеры Тарасова-Родионова в РККА стало его назначение в сентябре 1920 г. начальником полевого штаба 2-й Конной армии¹⁷. В боях с врангелевцами в Крыму он был контужен. Последствия

¹⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 200. Л. 25.

¹⁵ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

¹⁶ Ганин А. В. Первый год советской военной разведки // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 182.

¹⁷ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. М., 1997. С. 503.

контузии и другие проблемы со здоровьем вынудили его уволиться с военной службы в октябре 1921 г. Как удалось установить писателю Н. М. Захарченко, в 1930 г. за свои заслуги во время Гражданской войны Тарасов-Родионов был награжден орденом Красного знамени за № 10972¹⁸.

После неудачной попытки осенью 1921 г. устроиться на работу научным сотрудником в Истпарт, где главным препятствием вновь послужили покаянные письма, написанные в июле 1917 г., Тарасов-Родионов повторно был исключен из партии, но сумел получить назначение следователем по важнейшим делам Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР.

В том же 1922 г. Александр Игнатьевич решил заняться литературной деятельностью: она принесла ему успех, и постепенно бывший красный комдив и следователь ревтрибунала стал профессиональным писателем. Пополнить ряды классиков ему не удалось, тем не менее А. И. Тарасов-Родионов вошел в историю советской литературы своей ранней повестью «Шоколад», опубликованной в декабре 1922 г., а также активным участием в советской литературной жизни 1920-х — 1930-х гг.: он входил в московское литературное объединение «Кузница», затем участвовал в создании литературной группы писателей-коммунистов «Октябрь» и Российской ассоциации пролетарских писателей, работал в редколлегии журнала «Октябрь» и редактором Издательского отдела Госиздата.

Личное близкое знакомство Тарасова-Родионова с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым не уберегло его от гибели во время «Большого террора»: 26 апреля 1938 г. Александр Игнатьевич был арестован и 3 сентября того же года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Помимо обвинений в связях с троцкистами, ему абсолютно бездоказательно вменили в вину подготовку покушения на В. И. Ленина летом 1917 г. Не исключено, что роковую роль в аресте и расстреле Тарасова-Родионова сыграл пресловутый квартирный вопрос: в 1934 г. он возглавил дачный кооператив «Советский писатель» в подмосковной деревне Переделкино и в этом качестве тесно общался и построил дачу для опального партийного лидера Л. Б. Каменева, в 1932–1934 гг. работавшего директором Литературного института имени Максима Горького (сейчас — Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН). В 1956 г. Тарасов-Родионов был полностью реабилитирован.

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей автора. Для удобства читателей текст письма разбит на абзацы. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в документе, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками — [...]. Отдельные явные опечатки исправлены без оговорок.

Публикуемые документы

№ 1

Письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь через линию фронта

г. Петроград

27 августа 1918 г.

Копия
В Бюро Центрального Комитета РКП (большевики)¹
Петроград, Литейный, 48¹¹

Дорогие товарищи.

Хотя я и исключен из партии постановлением партийного суда, утвержденным Петербургским комитетом [РКП(б)] 25-го или 26-го июля с[его] г[ода], но от этого я не перестал быть большевиком и считаю своим революционным и гражданским долгом информировать партию о положении

¹⁸ См.: Захарченко Н. М. Указ. соч.

¹ Петроградское бюро ЦК РКП(б) создано в начале марта 1918 г. в связи с переездом ЦК РКП(б) из Петрограда в Москву. В его состав входили члены ЦК Г. Е. Зиновьев, Н. Н. Крестинский, М. М. Лашевич, И. Т. Смилга, Е. Д. Стасова и кандидат в члены ЦК А. А. Иоффе.

¹¹ Петроградское бюро ЦК РКП(б) размещалось в Смольном, а по адресу: Литейный проспект, д. 48, размещался Северный областной комитет РКП(б), руководивший партийными организациями Северной области. Ему, вероятно, Тарасов-Родионов направил копию своего письма в Петроградское бюро ЦК.

в провинции, как делал это и раньше. Елена Дмитриевна^{III} знает, я был привезен в Петроград и здесь исключен из партии и брошен на произвол судьбы без документов, без денег, оторванный от семьи, которая осталась в Тюмени, конечно, я тотчас же отправился в Тюмень, чтобы спасти семью из-под чехословацкой банды.

Я явился на Варшавский вокзал в Петрограде в грязной солдатской заношенной форме, назвался бежавшим из немецкого плена солдатом 330[-го] Златоустовского [пехотного] полка Николаем Васильевичем Яковлевым, сочинил мифическую историю о бегстве из плена и был подобно другим, действительно бежавшим из плена, отправлен в городской госпиталь на Церковной улице, д. 29, где пролежал, был на врачебной комиссии и был эвакуирован на родину, которую я называл Минусинск. Это был единственный способ нелегально пробраться в Сибирь. 27-го июля я выехал с вновь полученными документами по Северной железной дороге и вместе с инвалидами доехал до Перми. Дальше поезда не ходили.

Необходимо отметить, что нами почти совершенно не ведется в Питере никакой агитации среди военнопленных, возвращающихся на родину, и поэтому в госпиталях реакционно настроенный (в большинстве случаев) медицинский персонал (фельдшера, сестры, прислужники) своеобразно обрабатывают военнопленную массу. Между тем возвращающиеся из плена проходят через Петроградские госпитали десятками тысяч. Если бы на Варшавском вокзале и по госпиталям раздавались ежедневно или через день хотя бы брошюры Ив[ана] Ульянова^{IV} «Что случилось в России»^V — то это дало бы сильный агитаторский материал для деревни.

Далее, железнодорожному управлению следует обратить внимание, какие «инвалиды» катаются в тех инвалидных вагонах, которые прицепляются почти к каждому из уходящих из Питера поездов. По большей части, это человек 5–6 (на вагон) с искусственной ногой или рукой или другим физическим признаком инвалидности, затем человек 10 совершенно здоровых, но с инвалидными документами, и человек 30–40 совершенно здоровых мужчин и женщин в качестве «сопровождающих» этих «инвалидов». Но на самом деле все это одна сплошная организованная шайка спекулянтов, которые едут в провинцию с мешками за хлебом и сахаром и всю дорогу напролет играют в азартные игры, где ставки меньше 100 рублей не бывают. У каждого из этих инвалидов по несколько тысяч, а то и десятков тысяч рублей. Спекуляция их профессия. Я видел этих «инвалидов» по дороге туда, а возвращаясь обратно, видел таких же «инвалидов», везущих пуды сахара и муки. Документы об инвалидности и отдельный «инвалидный» вагон спасают их от проверки и реквизиций.

Итак, я доехал железной дорогой до Перми. Дальше поезда не ходили, и мне оставалось, подобно другим военнопленным, тысячами пробирающимся на родину в Сибирь, — пробираться на Екатеринбург пешком. Я шел пешком 250 верст, где трактом, где — обходя его, боясь задержек (совершенно не нужных и вредных) со стороны Красной армии, вместе с другими идущими из плена.

Надо заметить, что военнопленные наши мало разбираются в политической обстановке и придерживаются нейтральной линии: ни туда — ни сюда. Но там, где их по дороге задерживают или ворочают назад красноармейцы, они становятся во враждебное отношение к советской власти. К счастью, подобные задержки бывают как исключение. Вообще же, и Красная армия, и белогвардейские банды держатся к военнопленным как к нейтральным. В некоторых же местах Красная армия кормит проходящих военнопленных обедами, дает подводы для слабосильных и больных. Подобное участие раскрывает сердца и делает военнопленных сторонниками советской власти, и бывали случаи, что многие военнопленные по дороге вступали в ряды Красной армии. Но в стане врагов аналогичных явлений не бывает, так как к военнопленным там относятся подозрительно. Чехи и белогвардейцы боятся, что под видом военнопленных к ним проникают наши военные разведчики.

^{III} Имеется в виду Елена Дмитриевна Стасова (1873–1966), секретарь Петроградского бюро ЦК РКП(б).

^{IV} Имеется в виду Иван Иванович Ульянов (1884–1946), член РСДРП с 1907 г. В 1918 г. — член ВЦИК, председатель Бюро пленных при ВЦИК, член Центральной коллегии по делам пленных и беженцев.

^V Имеется в виду ориентированная на возвращающихся из Германии и Австро-Венгрии русских военнопленных пропагандистская советская брошюра: Ульянов Ив. Что случилось в России? (Три момента революции). М., 1918.

Я шел пешком из Перми по тракту почти до Кунгура, а затем свернул на Степаново^{VI}, Орду^{VII}, Шляпники^{VIII}, Озерки^{IX}, Янчиково^X и снова вышел на Сибирский тракт в Больших Ключах^{XI}. Это село, а также следующие за ними Быково^{XII} и Ачит^{XIII}, были заняты нашими красноармейскими отрядами, отступившими от Красноуфимска и прикрывающими шоссе на дорогу из Екатеринбурга (занятого в то время чехами) на Кунгур — Пермь. Это был юг Кунгурского и север Красноуфимского уезда. Самые хлебные места Пермской губернии. Урожай небывалый. Хлеб роскошный. Крестьяне богатые, с кулацкой психологией. Толки о предстоящей и полной реквизиции хлеба Красной армией, о предстоящей поголовной мобилизации и вообще всяческие страхи, искусственно подогреваемые в крестьянах местными кулаками и попами и проезжими эсеровскими и кадетскими агитаторами, которыми кишит наша прифронтовая полоса, делали свое дело. А недостойное поведение некоторых красноармейских отрядов, которые вследствие неосознанности и распущенности пробовали заниматься в селах открытым массовым грабежом, — только подливали масло в огонь.

Кулаки и богачи покупали железо, нанимали кузнецов ковать штыки, прикрепляли их к палкам, добывали несколько берданок и винтовок и снабжали всем этим одураченных и напуганных односельчан. Попы, учителя и беглые офицеры становились во главе контрреволюционного движения. Поднимались бунты, рылись окопы. Цель — уничтожить и не пускать красноармейцев. Но неорганизованные и действующие безо всякого плана и согласованности, эти кулацкие по своей психологии — общекрестьянские по своему составу бунты и восстания — подавляются и подавлялись Красной армией повсюду без труда. Зачинщики и кулаки обычно удирают, бросив дом и семью на произвол судьбы, а остальное население складывает покорно оружие и, если репрессии за восстание чересчур суровы (расстрелы попавшихся зачинщиков, денежная или хлебная контрибуция) — терпеливо ждут чехословаков и казаков. Зачинщики же и кулаки удирают в стан белой гвардии и составляют ее авангард. Так, например, большое и богатое село Ачит в 20 верстах от Красноуфимска и в 80 верстах от Кунгура, занятое Красной армией, почти было поголовно брошено жителями, бежавшими за 22 версты в Бисертское^{XIV} село, где были уже казаки.

Надо обратить внимание наших военных горе-тактиков и горе-стратегов на своеобразную картину нашего фронта. Кроме патруля в 8 человек на околице Ачита и 3–5 пар конных разведчиков, иногда¹⁾ бродящих по дорогам, — никакого другого сторожевого охранения у нас нет. Это было и будет причиной наших военных неудач. Противник безбоязненно обходит нас где угодно, когда угодно и как угодно. Нападают на отряды почти всегда с тыла и флангов и уничтожают беспощадно беспечные красноармейские отряды. Это делает отсутствие у нас сторожевого охранения — элементарной необходимости каждого военного шага. А отсутствие и полнейшее вдобавок отсутствие всякой связи между частями и отрядами (другой азбучной элементарной истины военного дела) — дает возможность противнику уничтожать наши отряды по частям.

Таким образом, наши отряды в 1000 человек каждый, расположенные в трех селах по большой дороге на расстоянии 15–18 верст каждое друг от друга, были легко уничтожены белогвардейским отрядом в 700 человек. Их операция[ми] руководит реакционное офицерство, в массе сбежавшее сюда со всех концов России. Они делают так. Во-первых, им ровно ничего не стоит точно узнать наши силы и расположение. Любому крестьянину охотно даст эти сведения, а отсутствие элементарного охранения и отсутствие сплошной линии фронта дает возможность забраться их офицерам к нам и в тыл, и на фланге, и прямо в село, где стоит отряд.

^{VI} Степаново — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ленск Кунгурского района Пермского края.

^{VII} Орда — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ординского района Пермского края.

^{VIII} Шляпники — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ординского района Пермского края.

^{IX} Озерки — в 1918 г. деревня Шляпниковской волости Осинского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

^X Янчики — в 1918 г. деревня Шляпниковской волости Осинского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

^{XI} Большие Ключи (Златоустовское) — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Суксунского района Пермского края.

^{XII} Быково — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ачитского района Свердловской области.

^{XIII} Ачит — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — поселок городского типа, административный центр одноименного района Свердловской области.

^{XIV} Бисертское — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Афанасьевское Ачитского района Свердловской области.

Затем делается так. Белогвардейский отряд разбивается на четыре части. Человек сто с пулеметами стоят на фронте, заняв удобную для обороны и трудную для нападения позицию, и укрепив ее, отряды человек по 200, вооруженные только винтовками, обходят наш отряд с обеих сторон и нападают из флангов, а 200 человек конницы заезжают в тыл. Часть остается в засаде, режет телефонные и телеграфные провода и перехватывает конных посыльных, а часть нападает стремительно на наш отряд с тыла. Это делается или ночью, или под утро, когда наши спят.

Одновременно поджоги двух-трех домов, перекрестный огонь противника и одновременное нападение с флангов, а главным образом с тыла, создает ужасную панику. И без того слабо дисциплинированный отряд в 1000 человек разбегается, причем более 800 уничтожаются беспощадно. Расстреливаются, прикалываются. Уничтожают не только белогвардейцы, казаки и чехи, но и сами крестьяне, которые делают это из мародерства, так как знают, что у каждого красноармейца при себе есть деньги. В большинстве случаев это скопленное жалованье, а иногда и награбленные деньги. Покончив с одним отрядом, тот же самый неприятельский отряд, не теряя времени, уничтожает один за другим и следующие наши отряды.

Иногда обстановка местности (болотистая или гористая местность с наших флангов) или отсутствие удобной оборонительной позиции впереди нас для противника заставляет его прибегать к способу № 2. Тогда он не посылает отряды к нам на фланги и в тыл, а создает удобную обстановку у себя на месте. Он выбирает удобное для нашего расстрела и уничтожения место и кругом него группирует, подобно плану № 1, свои силы. Теперь только остается заманить нас в этот мешок. Тогда он делает с фронта притворное нападение и отступает, завлекая нас в ловушку в готовый уже мешок. Так это было под Тюменью, где наши на станции... (название забыл, но это первая станция от Тюмени по направлению к Омску)^{xv} занимали укрепленные оборонительные позиции, которые он обошел, а нас из них выманил. Иногда же и этого не нужно, это когда мы сами наступаем. Так случилось в первых числах августа, когда наш отряд был допущен ими в мешок в четырех верстах от Екатеринбурга, ввиду самого города. Нашим казалось, что вот-вот уже мы берем Екатеринбург обратно. Враг притворно отступил перед нашим натиском.

Казалось бы, что нашим военным руководителям давно следовало понять и раскусить эти детские эксперименты над собою, которые учиняет над ними противник. Однако и теперь, в конце августа, когда я перебирался через фронт обратно через день после отступления из села Новоспасского^{xvi} (между Сызранью и Кузнецком), я изучил причины нашей неудачи и увидел старую, набившую оскомину картину. Я сообщил об этом комиссару Пензенской [пехотной] дивизии [1-й армии] товарищу [А.] Зиновьеву в Кузнецке, но он беспомощно развел руками.

Итак, отсутствие даже намеков на сторожевое охранение, разведку и связь — эти три азбучных кита каждой мало-мальски военной операции — причины наших неудач. А эти три кита отсутствуют ввиду того, что мало дисциплинированные и деморализовавшиеся от вагонных стоянок отряды весьма неохотно будут исполнять эти три азбучных необходимости ввиду их сравнительной тяготы и обременительности, а во-вторых, начальники наших отрядов мало смыслят вообще в тактике, не говоря уже о стратегии. Так, по крайней мере, было до сих пор. Но буду продолжать свое изложение по порядку.

Из Ачита нам, военнопленным, Красная армия дала пропуски лишь до Ялыма^{xvii}. В Ялыме стояла уж[e] белая гвардия. Вернее, ее авангард. Исключительно вооруженные местные крестьяне. Дальнейшее движение было возможно только с помощью пропусков, которые белогвардейцы выдавали от села до села, но никак не дальше. Связь, разведка и сторожевая служба у противника налажена несравненно лучше, хотя все же хромает, но от нашей халатности мероприятия

^{xv} Имеется в виду станция Богандинская Омской железной дороги (ныне — станция Свердловской железной дороги). 18 июля 1918 г. белые окружили и уничтожили здесь красногвардейский отряд из рабочих Надеждинского завода и матросов Балтийского флота под командованием матроса С. С. Заславского: из 300 бойцов вышло из окружения всего 6 человек, включая самого Заславского. (См.: Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 67).

^{xvi} Новоспасское — в 1918 г. село Сызранского уезда Симбирской губернии. Ныне — административный центр Новоспасского района Ульяновской области.

^{xvii} Ялым — в 1918 г. деревня Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — деревня Ачитского района Свердловской области.

врага отличаются, как небо от земли. Причины: строгая дисциплина, служебная субординация и ответственность и обилие (даже чересчур) командного состава. В Ялыме стоял белогвардейский авангард (созданный при помощи кулаков и офицеров из крестьян, местных и бежавших из-под Красной армии). В следующем селе, Бисертском, [в]стали 4 сотни приуральских казаков. Это те части, которые Екатеринбург дал по просьбе местных восставших кулаков. Остальные просьбы о подкреплении остаются беспощадными. Человеческих сил — людского состава — у нашего противника мало, и он очень экономит.

Идя дальше с Бисерти через Кленовое^{xviii}, Кыштым^{xix} и Гробо^{xx}, я вышел на станцию Дружи[ни] но^{xxi} Западно-Уральской железной дороги (от Кузино на Бердяш). По дороге никаких других войск белой гвардии не встречал. Во всех селах и на станциях — коменданты русские прапорщики. Отношение к нам, военнопленным, самое подозрительное, неоднократные тщательные обыски. Мои документы были все в порядке, но несколько интеллигентский вид портил все дело, хотя по документам я по профессии числился конторщиком. Я сильно рисковал своей головой. И если бы красноармейцы расстреляли бы меня, согласно приказу, как пробирающегося в Сибирь через фронт, если б, конечно, кто-нибудь узнал меня в лицо, то в стане белой гвардии опасность быть расстрелянным была больше. Во-первых, здесь большая подозрительность, во-вторых, достаточно малейшего сомнения, чтобы быть расстрелянным. Около Ялыма я видел могилу с тремя фуражками на ней расстрелянных белогвардейцами наших военнопленных только из подозрения, что они шпионы. Несчастные так и не добрались из плена до родины. Подобные расстрелы не единичны. Подозрительность в стане врагов наших доведена до крайности. Крестьяне шпионят друг за дружкой, провоцируют друг друга и друг друга бьют. Бьют жестоко и кроваво.

Мне удалось услышать рассказ в селе Бисертском, как крестьяне тамошние или, вернее, тамошние кулаки расправились с местными советскими работниками, которых удалось им схватить. Главную ненависть они питают к бывшему волостному писарю, человеку грамотному, толковому. Очевидно, это был один из тысячи незаметных для нас героев — советских работников, идейных и честных. Он считался кулаками главным местным врагом и главным советским воротилой. Местный Совет посадил кулаков под стражу. Белогвардейцы их освободили и, в свою очередь, арестовали Совет. Сочинили даже, чтобы подогреть темноту, бумажку о том, что арестованные де Советом кулаки через неделю должны [были] быть расстреляны. С подобными провокационными сочинениями мне затем часто пришлось встречаться в Сибири. Очевидно, это один из трафаретных приемов не брезгующей средствами контрразведки. Арестованные советские работники были тотчас же убиты. Убиты зверски-кроваво. Злополучный бывший волостной писарь, а теперь товарищ председателя Бисертского волостного Совдепа, был убит первым. Мало того, были приведены тут же и убиты его жена и дети: мальчики 12 и 7 лет и девочка 9 лет. Им размозжили головы. Затем был убит председатель Совдепа и все его члены семьи, их^{xxii} были ограблены и избиты, но жизнь была пощажена и заменена изгнанием из пределов волости и уезда. Так расправляются кулаки с беднотой.

На станции Дружи[ни]но, спаленной при отступлении красноармейцами, стоит небольшой отряд чехов (человек 20) и казаков. Около станции Дружи[ни]но густой трупный запах. Это периодическая братская могила красноармейцев и деревенской бедноты. Периодическая потому, что она ежедневно пополняется все новыми и новыми жертвами, приводимыми из окрестных сел и деревень по наговорам и подозрениям. Сюда везут для расследования. Ну, а здесь возиться и расследовать некому, и вот шагах в 500 от бывшего здания станции Дружи[ни]но, в сосновом перелеске, полном земляники, там, где сворачивает маленькая железнодорожная ветка на Бисерский

^{xviii} Кленовое — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Кленовское Нижнесергинского района Свердловской области.

^{xix} Вероятно, ошибка памяти автора или опечатка машинистки, снимавшей копию с его письма. Судя по всему, имеется в виду село Киргишаны Красноуфимского уезда Пермской губернии (ныне — село Нижнесергинского района Свердловской области), а не поселок Кыштым Екатеринбургского уезда Пермской губернии (ныне — город Челябинской области).

^{xx} Гробо — в 1918 г. село Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Ныне — село Первомайское Нижнесергинского района Свердловской области.

^{xxi} Дружинино — в 1918 г. станция Западно-Уральской железной дороги. Ныне — станция Свердловской железной дороги.

^{xxii} Так в документе. Из контекста не ясно, идет ли речь о членах семьи председателя Совета депутатов или же машинистка, печатавшая копию, пропустила строку письма.

завод^{xxiii} (не смешивать с селом Бисертским), высится длинный глиняно-песчаный холм братской могилы, из которого торчат полы шинелей и почерневшие от разложения кисти человеческих рук. Здесь лежит около полутора тысяч безымянных героев, расстрелянных капиталистическими наймитами, и около десятка-двух — расстреливается ежедневно дополнительно. Так производится расследование в стане контрреволюции.

Тут же, на станции, уделывают поломанные и захваченные у нас аэропланы, а в 2 верстах от станции в селе Гробоно находится белогвардейский аэродром. Их аэропланы вечерами реют над станцией. Отсюда идут поезда на Кузино и на Бердяуш раз в сутки по одному. Но, желая избежать проволоочки времени и пересадки в Кузино, я пошел пешком еще 22 версты и вышел на станции Билимбай. Это в 50 верстах от Екатеринбурга по дороге туда от Кунгура. Тогда (8-го августа) здесь проходили поезда с Кузино и обратно.

В Екатеринбурге вся власть у чехословаков. По городу и на станции их караулы и патрули. Их офицеры везде комендантами. Они выдают пропуска. Их эшелоны стоят по станциям. Вместо бело-зеленого сибирского флага и таких же значков, которые я видел по дороге от Бисертского села до Билимбае, — здесь бело-красные флаги и ленточки: национальные чешские знамена и цвета. Настроение в Екатеринбурге торжественно-реакционное. Рабочие окраины словно вымерли. Пусто, безлюдно. Настроение подавленное, боязливо озирающиеся взгляды. Замкнутость. Зато в центре звон колоколов. Позолоченные крестные ходы — попов, разодетых барынь, старух и хорошо одетых господ. Здесь же дефилируют на парадах герои дня — чехи. Газеты захлебываются от бешеной пены ненависти против Советов и большевиков. Каких только легенд здесь не печатают. И никто так не изощряется в наглой клевете и ненависти, как эсеры и меньшевики. А обыватель? Обыватель с удовольствием читает газеты, смакует ненависть против большевиков, но начинает уже вздыхать и по большевикам. Причины. Все товары подорожали, а домохозяева одни набавили на квартиры вдвое, а другие... просто выселяют с квартир без всяких разговоров.

На Тюмень из Екатеринбурга поезда не ходят. Ходят лишь до Богдановичей только военные. А от Тюмени к Екатеринбургу — только до Поклевской. Дело оказывается в том, что в направлении Камышлов — Егоршино имеются солидные советские отряды, которые упорно бьются и пробиваются, окруженные со всех сторон. Против них чехословаками и белой гвардией были двинуты большие силы, но их пришлось вернуть с полпути. Наши наступали на Екатеринбург, о чем я описал выше, и нужно было отбиваться.

Помимо этого Камышловско-Егоршинского фронта, есть фронт и у Ирбита, и империалистам приходится кидать сюда силы, хотя главные силы у них направлены на Кунгур — Пермь с Екатеринбурга и от Красноуфимска [и должны по]вернуть на линию Вятка — Вологда на соединение с Архангельским десантом. Это цель их военных операций. Для этого они сейчас кинули много сил в направлении от Уфы на Пермь (главным образом казачьи отряды) и на Казань — Уржум — Вятка, чтобы отрезать наши силы в Перми и Кунгуре с тыла. Везде один неизменный тактический трафарет по плану № 1 и в мелочах, и в полной картине. Направление Сызрань — Пенза — Самара — Симбирск являются второстепенными и лишь маскируют направление вышеуказанных главным образом ударов, защищая их тыл. Энергичный и решительный удар на Сызрань — Самару, во-первых, и Екатеринбург, во-вторых, с параллельным движением на Бердяуш — с. Кузино и блокада Казани со стороны Волги и Камы сразу разбили бы всю стратегию белой гвардии.

Надо добавить, что в Сибири масса их сил занята походом на Читу и Забайкалье, где до сих пор еще советская власть, и белогвардейцы дальше Танхоя не подвинулись. Таким образом, свободного пути до Владивостока, о чем они мечтают, у них еще нет. Американской и японской помощи еще нет, и нам надо спешить. В Казани им досталось, судя по их газетам, громадная военная добыча и полмиллиарда по номинальной цене золота. Казань необходимо немедленно блокировать и окружить, обрезав кругом. Для этого нужно вдвое меньше сил, чем брать ее в лоб. Кроме всех направлений, белогвардейцы имеют фронт за Бийском — Алтайский и за Семипалатинском — Семиреченский, а на Лене, за Киренском, — Ленский. Но все эти направления второстепенны и на них они мало тратят сил.

^{xxiii} Ныне поселок Бисер Горнозаводского района Пермского края.

Спрашивается, сколько у противника сил? Чехословацких дисциплинированных войск, вооруженных и годных к бою, не более 45–50 тысяч. Из них громадная часть разбросана эшелонами по большим станциям железных дорог и большим городам, где несут охрану и караульную службу, а главным образом являются реальной опорой новой власти, которая без них еле держится. Я думаю, что непосредственно для боевых операций чехословаки не имеют более 20–30 тысяч — на все фронты. Хотя эта цифра мною не проверена и вычислена примерно, но я думаю, что в действительности она еще меньше. К этому количеству чехословаков надо прибавить несколько эшелонов поляков (они формируются в Челябинске и Омске) и сербов. Кроме того, предположена организация военнопленных итальянцев и румын. Но этих сил еще пока нет.

Затем идут казаки. Сколько их — учесть трудно. Они вместе с бандами беглых офицеров, стадами бегущих теперь через Дон в Сибирь с Украины, составляют главные силы Дутова^{xxiv} на Стерлитамакском и Верхнеуральском фронтах. Кроме того, казаки же наступают от Уфы на север через Красноуфимск на Кунгур и от Бугуруслана или Белебея на север на Сарапул и Пермь. По всей вероятности, казаки же отправлены из Казани на Уржум — Котельнич. Казацкие силы не должны быть очень велики, так как единодушия у них нет, и в Челябинске до сего времени сидят в тюрьме 200 казаков, не пожелавших идти против Советов. А по Иртышу очень немногие станицы сделали набор. Большая часть станиц держит «вооруженный нейтралитет», и пока их не трогают. Мобилизация казаков не удалась. Казацкие банды составлены только главным образом из Оренбургских и Приуральских казаков (Челябинского округа: Миасс и т. п.), да и в этих местах молодежь, бывшая на фронте, настроена по-большевистски и враждует со стариками.

Кроме этих регулярных войск — теперь создается так называемая «Народная армия». Прежде всего, на добровольческих началах. Сюда идут детки средней буржуазии и мещанство. Учащаяся молодежь, юнкера, прапорщики — вот ядро этой армии. Некоторые темные элементы дают сюда небольшой процент волонтеров — вот и весь добровольческий элемент — этих сил очень и очень немного. Но сильную помощь оказывают здесь враждебно настроенные [к] нам крестьяне (которые, как я описал выше, являются партизанами-добровольцами на местах, неся сторожевую, караульную и разведочную службу и обслуживая связь). Это сильно экономит силы регулярных армий.

Что же касается до мобилизации населения, то таковая еще не проводилась. В Сибири крестьянство буржуазно, но буржуазия и не хочет воевать, раз его хата с краю. Что касается до Уфимской и Самарской губерний, то там мобилизацию пришлось отменить. Население слишком идет охотно получить оружие. Причина: возврат помещичьих земель (кое-где) и толки об этом — повсюду. Рабочих вооружать совершенно нельзя. В Новониколаевске они бастуют, в Челябинске бастуют печатники, в Тюмени рабочие тайно вооружаются, причины — увеличения рабочего дня. На некоторых производствах, особенно на железных дорогах, работают уже по 12 [часов] в сутки; уменьшение окладов и организованный локаут со стороны заводчиков и хозяев, [в]ставших в Сибири у власти.

Еще кое-как сносно рабочим в Самаре. Там существует пока что оборонческий Совет и ширма Учредилки. В Сибири этого нет. Там властвуют кадеты. Учредилка признана неправильной, несвоевременной и вредной. Печать правых эсеров и меньшевиков закрывается и преследуется законом. Вновь собранная Областная Сибирская дума добавляется обильным соусом из представителей торгово-промышленного класса. Получается нечто вроде Предпарламента Авксентьевского приготовления. Никаких «свобод» в Сибири и в помине нет. Всякие собрания запрещены по всем линиям железных дорог и в 10-верстной полосе, что означает включение сюда всех населенных в Сибири мест и городов. Шпионаж и слежка, доносы и наговоры в ходу по всей Сибири.

Царит белый террор. Одного намека на причастность или даже сочувствие к советской работе достаточно для заключения в тюрьму. Тюремны переполнены во всех городах. Расстрелы царят повсюду. Первоначально расстреливают всех захваченных, под конец же начинают уже квалифицировать (вновь захваченных и приводимых) и расстреливают только советских выборных работников и красноармейцев. Подобную расправу санкционировало и Омское правительство. Расстреливают по ночам ежедневно, выводя за город. Это повсеместно. Классификацией противников и квалификацией ведают специальные повсюду изданные следственные комиссии, которые приговоров

^{xxiv} Имеется в виду Александр Ильич Дутов (1879–1921), атаман Оренбургского казачьего войска.

не выносят, но дают заключения о виновниках. Эти комиссии состоят под председательством кровожадных полковников, а работают в них кадеты, меньшевики и эсеры. Особенно много последних.

Рабочие начинают уже организовываться. На заборах появляются нелегальные прокламации, [которые] печатаются на гектографе от подпольных большевистских организаций. Не так давно [белым] удалось найти подобную партийную ячейку в Челябинске, кажется, на мельнице Петровского^{xxv}. Было арестовано трое рабочих, а при них гектограф и прокламации. Мне пришлось ехать из Екатеринбурга на Тюмень через Челябинск — Омск, и должен констатировать, что в Челябинске уже нет гражданского мира. Кучка крупной буржуазии у власти и вершит по-своему, а рабочие и даже мещански настроенный обыватель уже с нетерпением ждут большевиков. Причины: вздорожание квартир, кабала хозяев, увеличение трудового дня, уменьшение платы, отсутствие фабрикатов Европейской России.

От Екатеринбурга до Челябинска нам, военнопленным, пришлось случайно ехать в составе чехословацкого эшелона, направлявшегося из Екатеринбурга в Уфу (9-го августа). Я разговорился с чехами. Они чувствуют себя героями дня и избалованы тем цацканьем, которым их окружает воспрянувшая духом буржуазия. Тон чехов надменный, самоуверенный. Все они нагло обмануты. Они убеждены, например, что они защищают завоевания революции от «продавшихся немецким империалистам большевиков». У них нет ни капли сомнения, что «Троцкий^{xxvi} их продал Мирбаху^{xxvii}» и что Красная армия состоит исключительно из немцев и мадьяров, которых Вильгельм^{xxviii} шлет большевикам на помощь. Подобный вздор они говорили мне так искренно и уверенно и так часто называли себя социал-демократами, что мне стало досадно за отсутствие нашей агитации в их среде. Очевидно, че[ш]ские газеты, нами издаваемые, вроде «_____»^{xxix}, который я видел потом в Пензе, — к ним не доходят. Да что об этом говорить. Наши русские советские газеты совершенно не доходят к ним на фронт. Вятка, Пермь, не говоря уже о прифронтовой местности Урала и Красной армии, там стоящей, совершенно не имеют никаких газет, никакой информации из центра России, кроме разных вздорных провокационных слухов. А между прочим, снабжать наш северо-восточный Уральский фронт газетами и брошюрами Петроград[а] и легко, и необходимо, но пока что налицо возмутительнейший пробел.

От Екатеринбурга до Челябинска железнодорожные мосты были при отступлении нами взорваны. Но движение вновь восстановлено, так как сделаны параллельные временные мосты, покоившиеся на штабелях шпал. Все мосты как Сибирской, так и Северо-Златоустовской [железнодорожной] и другие дороги охраняются чехами исключительно. Из Челябинска я поехал в Тюмень через Омск, что было очень трудно для меня, так как назвал раньше местом своей родины Минусинск, благодаря отдаленности этого города, чтобы затруднить в случае сомнения в моей личности наведение справок и предполагая проездом из Екатеринбурга на Омск соскочить по пути в Тюмени. Теперь пришлось выдумывать легенду о матери, живущей случайно в Тюмени. Так как в Омске меня хорошо почти все знают в лицо, я до Омска не доехал и пересел в Тюмень на Куломзино.

В Тюмень я приехал 11-го августа, сразу с поезда пошел за 30 верст в деревню, где жила моя семья, но семьи там не нашел. Никому не показываясь, кроме одного соседа, в доброжелательное отношение которого ко мне я верил, — я узнал, что семья уехала в Тюмень. Пришлось на другое утро, переночевав в лесу, вернуться в город, где меня почти все знали и мое появление было равносильно добровольной сдаче под расстрел. К счастью, очень раннее время, в которое я пришел в Тюмень (7 часов утра), когда все мужчины и все добровольные буржуазные сыщики еще спят и только хозяйки плетутся на базар, а главным образом, сильно измененная моя наружность (я был в старом солдатском грязном платье и с большой бородой, в каком виде никогда не бывал) помогли мне прокрасться совершенно незаметно в дом, где жила моя семья и за которым, как оказывается, велась слежка усиленная. Поэтому пришлось только дать распоряжение

^{xxv} Вероятно, имеется в виду мельница торгового дома «Н. И. Петров и Ф. И. Поляков».

^{xxvi} Имеется в виду Лев Давидович Троцкий (1879–1940), на тот момент — нарком иностранных дел РСФСР.

^{xxvii} Имеется в виду граф Вильгельм фон Мирбах (1871–1918), германский посол в Москве.

^{xxviii} Имеется в виду германский император Вильгельм II (1859–1941). Вступил на престол 15 июня 1888 г. После поражения в Первой мировой войне и Ноябрьской революции 1918 г. в Германии был вынужден отречься от престола и эмигрировать в Голландию. Скончался 4 июня 1941 г.

^{xxix} Так в документе.

семье немедленно готовиться к отъезду и распродавать все громоздкое. А затем я тотчас же улетучился и жил полторы сутки на постоялом дворе, притворяясь больным, чем даже разжалобил одного постояльца-мужика, который подал мне помимо моего желания полтинник «Христа ради».

13-го августа моя семья уже была готова к выезду и было куплено старенькое штатское платье и добыт один паспорт от одного знакомого на имя совершенно безобидного казанского мещанина с женой. Придя рано утром к семье и переодевшись в новый костюм, я уже возвратился в заправского мещанина и окраиной города пробрался к вокзалу. Сел в вагон к семье одновременно с третьим звонком и весь путь через Омск до Челябинска, а также возле Уфы провел очень нервно. И в Омске, и в Уфе меня знали в лицо многие. Но судьба меня сохранила. Ехать было трудно, так как я вез тещу, жену и троих детей, из которых младшему грудному было всего два месяца — он родился в Тюмени в мае. Сочинив новую легенду о том, что у меня в Арзамасе Нижегородской губернии свой домишко и небольшой кожевенный завод и что я пробираюсь на родину с семьей — с невероятными трудностями, а где и хитростью, удалось достать мне пропуск и билеты сначала до Самары, затем до Сызрани, далее до Коптевки^{xxx}. Везде и охрана, и коменданты — исключительно чехи. Помню, что в Самаре коменданты: Фиала и Шевчик.

Последний пункт, до которого ходили поезда, был Коптевка. Здесь комендант, чешский офицер, очень тщательно обыскал мой багаж, но, не найдя ничего, спросил лишь, «не жид ли я». Этот вопрос он задает всем, успокоившись, что я буржуй и православный, он отпустил меня с миром. Наняв лошадей, мы сделали 45 верст до станции Прасковья^{xxxI}, причем нигде ни сил, ни патрулей белогвардейских не встретил. За селом Ново-Спасским на окраине села Шелеметьево^{xxxII} я увидел первую заставу красноармейцев, и тяжелая гора скатилась с плеч. В Кузнецке я подробно рассказал все и открыл свою настоящую фамилию товарищу Зиновьеву, комиссару Пензенской дивизии. А 24-го сего августа приехал вместе с семьей через Москву благополучно в Петроград. Я привез с собой все сибирские и самарские газеты, которые по пути покупал, и думаю, что выдержки из них должны быть использованы в нашей советской прессе.

В заключение я добавлю еще кое-что, о чем приходилось слышать и беседовать во время своего вынужденного путешествия. Прежде всего — печальные новости о многих погибших тюменских товарищах. Всех фамилий точно никто не знает, но погибло смертью храбрых много героев. Погиб наш партийный товарищ Серов^{xxxIII}, товарищ председателя Тюменского губсовдепа, тот, который так энергично до самого конца направлял в Петроград вагоны с хлебом и [з] Ялutorовска. Он был в эти дни при красноармейском отряде. Когда последний был окружен, он был заколот вместе с другими красноармейцами. Их приканчивали беспощадно и кроваво. Вообще от рассказов очевидцев об этих белогвардейских расправах волосы становятся дыбом. Окруженных и безоружных заставляли самих рыть себе могилы, и все рыли. Говорят очевидцы, что один брюнет-красноармеец 24–25 лет поседел, пока рыл могилу. А затем все стойко умерли и были сброшены в свои могилы. Один красноармеец 40 лет из местных тюменских рабочих, вырыв себе могилу, стал просить на коленях сохранить ему жизнь. «Ради пяти моих маленьких детей сохраните мне жизнь» — умолял он. Казацкий офицер молча рассек ему голову шашкой.

Во время моей работы в Тюмени я все время обращал внимание товарищей на одного из комиссаров Красной армии, некоего Чурикова^{xxxIV}, который все время якшался с меньшевиками, сам

^{xxx} Коптевка — станция Сызранско-Вяземской железной дороги (ныне — станция Куйбышевской железной дороги), расположенная на линии Сызрань — Пенза.

^{xxxI} Имеется в виду станция Прасковьино Сызранско-Вяземской железной дороги (ныне — станция Куйбышевской железной дороги), расположенная на линии Сызрань — Пенза.

^{xxxII} Вероятно, имеется в виду село Голодяевка Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне — село Садовое Новоспасского района Ульяновской области).

^{xxxIII} Имеется в виду большевик Иван Павлович Серов (1890–1918), петроградский рабочий активист, член исполкома Петровета. Весной 1918 г. на почве недоедания у него развилась цинга, и врачи запретили ему жить в Петрограде. Серов уехал в Тюмень, где занял должность председателя Тюменского губернского продовольственного комитета. 2 июня 1918 г. он был назначен членом чрезвычайного военно-оперативного штаба Тюменской губернии. После отступления красных из Тюмени вступил в РККА и был назначен комиссаром батальона. Погиб в бою под Камышловом в конце июля 1918 г.

^{xxxIV} Так в документе. Вероятно, имеется в виду прапорщик Авраам Чувиков. Из богатой крестьянской семьи. Участвовал в Первой мировой войне сперва в качестве рядового солдата, 10 февраля 1917 г. окончил 2-ю Омскую школу подготовленных прапорщиков пехоты и стал офицером. Весной 1918 г. Чувиков был назначен начальником штаба Красной армии

пускал по городу разные провокационные слухи и, называя себя человеком беспартийным, был во всяком случае человеком малонадежным. Он кончил, безусловно, печально. Его отряд тоже был окружен, по-видимому, помимо его воли. Тогда он смело подбежал к казацкому офицеру и стал его приветствовать как освободителя, говоря, что он меньшевик, что служил в Красной армии с целью предательства и что городские меньшевики могут за него поручиться. Казацкий офицер обещал на его просьбу сохранить ему жизнь, и когда его отряд был перебит, ему сказали, что он свободен. Он завернулся, чтобы уходить, но один из казаков ударил его шашкой сзади. Шашка скользнула по голове и резнула плечо. Чуриков обернулся и вскрикнул, закрыв лицо руками. Но следующими ударами шашки у него были отрублены пальцы и кисти рук и раскроен череп. Очевидцы говорят, что вместе с ним тут же погиб и товарищ Шелехов^{xxxv}.

В Екатеринбурге я слышал рассказ, как был убит военный комиссар Голощеков^{xxxvi}. Оказывается, он запоздал, отдавая последние распоряжения по эвакуации города, и выехал на автомобиле, но его шофер, местный екатеринбургский житель, оказался предателем и имел связь с белой гвардией, которой сообщил о маршруте Голощекова, посоветовав в 4 ½ верстах от города сделать засаду. В условном месте он остановил мотор, и Голощеков был схвачен и зверски убит. Шофер за это получил награду, а у Голощекова де нашли при себе три миллиона денег. Все это рассказывал чех.

Один из попутчиков, ехавший до Самары и пробиравшийся тоже в Советскую Россию, описывал картины расстрелов в Казани, которые он видел. Эти картины подтверждали другие очевидцы. Смертью храбрых пал товарищ Яков Шейнкман^{xxxvii}. Его схватили с чужим паспортом, и кто-то высказал подозрение, не сам ли Шейнкман ли это. Да, я Шейнкман, — сказал спокойно уважаемый и незабвенный товарищ. Он был расстрелян. Геройской смертью пала товарищ Б[р]ауде^{xxxviii}. Ее расстреляли «как гражданскую жену Шейнкмана»^{xxxix}. Приставив к крепостной стене на бульваре, ей хотели завязать глаза. «Я идейная коммунистка — выкрикнула она, — и смерти не боюсь. Стреляйте». Крикнула она и широко расправила грудь, подняв [и] раскинув руки. Чехи изрешетили пулями ее грудь.

Я интересовался судьбою своего младшего брата, тоже бывшего офицера, неоднократно раненого на фронте, который работал в рядах нашей партии и в Казанской следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией^{xl}. Мне передавал один очевидец, что он слышал об его аресте, но о дальнейшей судьбе не слышал.

Что касается до моей семьи в Тюмени, то ей пришлось тоже несколько поволноваться. Хотя она и жила в 30 верстах от города, на заимке возле водяной мельницы в лесу в стороне от тракта, однако в первый день занятия Тюмени туда примчался специально командированный за мною

в Тюмени. Согласно воспоминаниям корнета С. В. Маркова, Чувиков «был небольшого роста человек, крепкого и коренастого телосложения, гладко выбритый брюнет в офицерской форме без погон... Он произвел на меня впечатление человека очень решительного и, при условии большего образования, могущего сделаться блестящим организатором. В данный же момент он представлял собой самоучку из народа, революционной волной неожиданно для самого себя выброшенного на ответственный и самостоятельный пост, за который он судорожно вцепился» (Марков С. В. Указ. соч. С. 265). В июне 1918 г., после эвакуации в Тюмень омских большевиков, был отнесен от власти вместе с другими тюменцами. По сведениям историка А. А. Кононенко, А. Чувиков пытался организовать в городе выступление против омичей, но 9 июля 1918 г. заговор был раскрыт и омские большевики разоружили около 100 тюменских красноармейцев (Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009. С. 84, 85). Сведения о гибели Чувикова летом 1918 г., приведенные в письме Тарасова-Родионова, не соответствуют действительности. На 20 июля 1919 г. прапорщик А. Чувиков состоял в войсках Мурманского района вооруженных сил Северной области, то есть служил в белой армии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

^{xxxv} Предположительно, имеется в виду меньшевик Г. Шелехов, весной 1918 г. — редактор тюменской газеты «Рабочая жизнь» (Кононенко А. А. Указ. соч. С. 70).

^{xxxvi} Так в документе. Имеется в виду большевик Филипп Исаевич Голощекин (1876–1941), член президиума Уралоблсовета и Уральского обкома РКП(б), военный комиссар Уральского военного округа. Сведения о его поимке и расстреле белыми при взятии Екатеринбурга не соответствуют действительности.

^{xxxvii} Имеется в виду большевик Яков Семенович Шейнкман (1890–1918), председатель Казанского губисполкома и губкома РКП(б).

^{xxxviii} Вероятно, имеется в виду Вера Петровна Брауде (урожд. Булич) (1890–1961), заместитель председателя Казанской губЧК.

^{xxxix} На самом деле Я. С. Шейнкман был женат на Софии Альфредовне Яненц (1890–1981). А Вера Петровна Брауде была женой секретаря Казанского губернского Совета профсоюзов Самуила Максимовича Брауде (1886–1949). Обе женщины благополучно пережили взятие Казани белыми.

^{xl} Имеется в виду поручик Василий Игнатьевич Тарасов-Родионов, офицер военного времени, в годы Первой мировой войны служивший в 3-й роте 16-го Финляндского стрелкового полка.

грузовик с 25 казаками, одним казацким и одним чешским офицером. Им поручено было схватить «адъютанта Крыленко»^{XLII}, как меня почему-то величали. Тотчас из травы неожиданно кругом дома и в саду выросла стража, рассказывает моя жена, как неожиданно появились вечером подползшие бесшумно и оцепившие всю заимку белогвардейцы. В избенке перерыли все имущество, рылись на чердаке, по амбарам и подымали пол. Но жена заблаговременно успела сжечь все компрометирующее. Опричники укатили безрезультатно, оставив жену на свободе. Возможно, что от тюрьмы ее спас грудной ребенок и двое других детей, бывших на ее попечении. После этого обыска местные буржуи с заимки стали травить жену и детей и заставили ее перебраться в город.

Но все это не важные мелочи. А важно то, что пока теперь Сибирское правительство, как Вы увидите из привезенных мною газет, враждует с Самарским правительством, и каждое, в свою очередь, дуется на Дутова: пока, одним словом, согласия в стане наших врагов нет. Пока их силы напряжены до крайности и заняты еще ликвидацией советских отрядов внутри Сибири и пока еще не открыт к ним доступ американцам и японцам с Владивостока, пока у них еще не организована армия путем принудительного набора и потому более половины чехословацких войск несут караульную и патрульную службу по городам и железным дорогам — мы должны энергично и решительно, не теряя ни минуты, напрячь все наши силы, взять инициативу военных операций в свои руки и мощным сокрушающим ударом на Самару и Екатеринбург подрубить щупальцы спрута через Казань к Вологде. Казань же нужно пока тесно блокировать, а после успешного удара на Самару и Екатеринбург — Казань сама явится, как зрелый плод.

А главным образом решительность и быстрота, единство стратегических операций и элементарное соблюдение сторожевого охранения, связи и разведки — сейчас вопрос нашей жизни или смерти. А затем как можно больше наших советских популярных газет, вроде «Бедноты»^{XLIII} и «Красной Газеты»^{XLIII}, туда на фронт и как можно больше наших газет, вроде московских «Известий» и «Чешско-Советской газеты», туда на фронт — сбрасывать с города. Агитационная литература в гражданской классовой войне в тысячу раз полезнее всяких бомб. Почему же мы непростительно кустарничаем и спим?

В заключение необходимо отметить еще несколько мелких штрихов воскресшей буржуазной власти. На вокзалах Екатеринбурга, Тюмени и Омска мне пришлось встречать много офицеров, одевших погоны. Я видел оживших генералов, полковников, штабс-капитанов и подпоручиков. Многие из них щеголяют аксельбантами. Ударный казацкий батальон в Петропавловске тоже нацепил погоны, а на них наклеил трафареты мертвой головы. Вообще в Сибири командный состав воскресил старые порядки полностью, вплоть до битья в зубы. Я видел, как комендант станции Миасс, подпоручик, бил в зубы какого-то штатского. Публика безмолвствовала. Но погоны одели не все офицеры. Большая часть ходит все еще без погон, дожидаясь приказа, и ограничивается ношением на левом рукаве щитка с числом звездочек, указывающих степень чина. Эту моду взяли от чехов. Но козыряние процветает вовсю, у дверей салон-вагона военного министра Сибири Гришина-Алмазова^{XLIV} стоят парные часовые, отдающие честь по-ефрейторски.

^{XLII} Имеется в виду прапорщик Николай Васильевич Крыленко (1885–1938). Родился в семье чиновника. В 1909 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1914 г. — юридический факультет Харьковского университета. С 1904 г. член РСДРП. Участник революции 1905–1907 гг. С 1911 г. — сотрудник газеты «Звезда». В 1913 г. работал в газете «Правда» и большевистской фракции IV Государственной думы. В 1914 г. эмигрировал, в 1915 г. — вернулся в Россию. В апреле 1916 г. направлен в действующую армию, прапорщик. После Февральской революции — председатель армейского Комитета 11-й армии Юго-Западного фронта. В Октябрьскую революцию — член Петроградского военно-революционного комитета, член ВЦИК. В первом составе СНК — член Комитета по военным и морским делам — нарком. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. — Верховный главнокомандующий. В феврале — марте 1918 г. — член Комитета революционной обороны Петербурга. С 1918 г. председатель Ревтрибунала, с 1919 г. — Верховного ревтрибунала при ВЦИК. В 1927–1934 гг. — член ЦКК ВКП(б). Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР. С 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. — нарком юстиции СССР. В 1938 г. расстрелян.

^{XLIII} «Беднота» — советская ежедневная газета, ориентированная на крестьянскую аудиторию. Печатный орган ЦК ВКП(б). Издавалась в Москве с 27 марта 1918 г. по 31 января 1931 г.

^{XLIII} «Красная газета» — ежедневная советская газета. Печатный орган Ленсовета (Ленсовета). Издавалась в Петрограде (Ленинграде) с января 1918 г. по февраль 1939 г.

^{XLIV} Имеется в виду командующий Сибирской армией и управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (1880–1919).

Оказывается, масса офицерства скрывалась по деревням вокруг Тюмени, и с приходом чехов все эти гады вылезли из своих нор, нацепили погоны и ордена и фланируют по улицам Тюмени, руководя шпионажем и расстрелами. Видную [роль] играет в Тюмени французский офицер по фамилии, кажется, Мута^{xlv}. Я помню, что еще в начале июня он был арестован на тюменском вокзале по приказу товарища Шебалдина^{xlvi}. При аресте он признался, что он французский офицер, ранен под Верденом и приехал из Омска в Тюмень, так как не сочувствует чехам, а сочувствует большевикам. Шебалдин, кажется, поверил ему и, во всяком случае, быстро его освободил. Теперь эта гадина играет главную роль в Тюменском штабе и не скрывает, что ездил к нам с целью шпионажа, и что никто иной, как он, привез из Петрограда или Вологды от Французской миссии полтора миллиона рублей в Омск для передачи чехословакам.

Приехала в Тюмень и Брешко-Брешковская^{xlvii}. Эта выжившая из ума старуха брызжет слюной на митингах, ходит по улицам с кружечкой, собирая на белую гвардию. Между прочим, ей почему-то внезапно взбрело в голову, что Петроград в руках англичан. Она тотчас же, окруженная толпой, пошла на телеграф и послала в Петроград приветственную телеграмму союзникам, свергнувшим большевиков. На телеграфе улыбнулись, но телеграмму приняли.

В финансово-экономической политике Сибирское правительство [это] полное восстановление самодержавных полукрепостнических порядков. Даже продажа водки вновь пошла как в старину. Но водка отпускается по карточкам, по бутылке на душу, и расценивается в казенной продаже по 15 рублей 20 коп[еек] бутылка. В вольной продаже ее можно купить по 25–30 рублей бутылка. Белогвардейцы и чехи имеют покупательное преимущество.

На следующей станции за Челябинском в Полетаеве устроена таможня. Никто не имеет права провезти из Сибири более фунта масла и 5 фунтов муки. Сибирь объявила Самаре таможенную войну. Принудительные налоги белая гвардия накладывает произвольно и широко. Так, на буржуазию города Троицка белая гвардия наложила принудительный заем в 2 миллиона рублей. Буржуи смогли внести всего лишь 150 тысяч. В результате тридцать два видных местных торгово-промышленников (фамилии их были опубликованы) посажены в тюрьмы впредь до уплаты.

Вообще, даже буржуазия начинает поживать от приемов военной диктатуры, которая охватывает Сибирь. Собственник начинает жаловаться, что ничто не изменилось, ни поборы, ни контрибуции, ни реквизиции, только вместо Красной армии это делает теперь белая гвардия. Кстати, название это стало теперь в Сибири ругательным, и за него сажают на 4 месяца в тюрьму, так же как и за слово «товарищ», хотя в последнем случае заключение часто заменялось 50 ударами розог. Запрещено и слово «буржуй» под угрозой штрафа в 30 рублей. Белую гвардию приказано именовать впредь «Народной армией».

Один ехавший со мною в вагоне полковник, помещик из Уфы, служащий в Уфимском штабе, жалуется, что Самарское правительство очень нерешительно возвращает землю помещикам и заигрывает с большевиками. По его словам, в этих губерниях нужно ждать рецидива большевизма и только после вторичного подавления можно ожидать успокоения. На рекламы Самарского и Сибирского правительства о разрыве Брестского «позорища» и возобновления войны с Германией, по его словам, не следует смотреть серьезно, не надо забывать, сказал он, что власть сейчас фактически в руках кадетов, а они реальные политики и понимают, что Россия воевать фактически не может, да [и] германская ориентация среди кадетов очень сильна. Но миф о новой войне с Германией нужен для того, чтобы получить финансовую и военную помощь от союзников, которые без этого не особенно охотно ее давали, а затем это импульс для чехословаков. Без этой

^{xlv} Возможно, автор перепутал фамилию французского офицера с фамилией японского генерала Нобуёси Мута (1868–1933), возглавлявшего Японскую военную миссию в Сибири в 1918–1919 гг. О миссии генерала Н. Мута писали в антибольшевистских газетах.

^{xlvi} Имеется в виду Владимир Иванович Шебалдин (1893–1963). Из семьи рабочих. Член РСДРП(б) с 1916 г. В декабре 1917 г. избран членом президиума Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 9 марта 1918 г. назначен Омским Советом депутатов комендантом отдела по охране революции — органа, выполнявшего функции ЧК. После эвакуации из Омска прибыл вместе с другими омскими партийными и советскими деятелями в Тюмень. В июне — июле 1918 г. — комендант Тюмени по охране революции.

^{xlvii} Имеется в виду член партии эсеров Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934), за заслуги в революционном движении получившая прозвище «бабушка русской революции».

легенды чехи драться не стали бы. Полковник цинично удивлялся глупости французов и чехов. Разве они не знают, — восклицал он, что Краснов^{XLVIII} и германские коменданты на Дону охотно пропускают к нам съезжающихся русских офицеров, стремящихся в Сибирь с России и Украины. Легенда о том, что в рядах Красной армии почти исключительно сражаются немцы, сочинена для той же цели и поддерживается официально.

С товарищеским приветом,
А. Тарасов-Родионов
27-го августа 1918 года

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 306. Л. 1-27. Копия. Машинопись.

1) Здесь и далее в документе подчеркнуто на пишущей машинке. Вероятно, в оригинале письма было подчеркнуто автором.

2) Исправлено. Здесь и далее в документе ошибочно: *Елым*.

References

Filipp Mironov: Tikhyy Don v 1917–1921 gg. Dokumenty i materialy [Philip Mironov: The Silent Don in 1917–1921. Documents and Materials]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya” Publ., 1997. (In Russian).

Ganin A. V. [The First Year of Soviet Military Intelligence]. *Voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Military-Historical Archive], 2011, no. 1 (133), pp. 174–191. (In Russian).

Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'ye: vlast' i obshchestvo v 1917–1921 gg.* [Tyumen at a Crossroads: Power and Society in 1917–1921]. Tyumen: TyumGU Publ., 2009. (In Russian).

Markov S. V. *Pokinutaya Tsarskaya sem'ya. 1917–1918: Tsarskoye Selo — Tobol'sk — Ekaterinburg* [Abandoned Royal Family. 1917–1918: Tsarskoe Selo — Tobolsk — Ekaterinburg]. Vienna: Amalthea Publ., 1928. (In Russian).

Melgunov S. P. *Sud'ba imperatora Nikolaya II posle otrecheniya* [The Fate of Emperor Nicholas II after Abdication]. New York: Telex Publ., 1991. (In Russian).

Roshchevsky P. I. *Grazhdanskaya voyna v Zaural'ye* [Civil War in the Trans-Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1966. (In Russian).

Tarasov K. A. [A. I. Tarasov-Rodionov — a Person Involved in the “Tsar’s Case”?]. *Imperatorskaya sem'ya i yeye okruzheniye. 1917–1919. Sbornik materialov nauch. konf. 13–14 sentyabrya 2018 g.* [The Imperial Family and Its Entourage. 1917–1919. Collection of Materials of the Sci. Conf. September 13–14, 2018]. Saint Petersburg: GMI SPb. Publ., 2019, pp. 86–96. (In Russian).

Zakharchenko N. M. *Aleksandr Ignat'yevich Tarasov-Rodionov (stranitsy biografii)* [Alexander Ignatievich Tarasov-Rodionov (Biography Pages)]. Moscow: Probel-2000 Publ., 2012. (In Russian).

^{XLVIII} Имеется в виду генерал Петр Николаевич Краснов (1869–1947), атаман войска Донского. Родился 10 сентября 1869 г. в г. Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1888 г. окончил Павловское военное училище. На службе в русской армии. Во время Русско-Японской войны работал военным корреспондентом. В 1909 г. окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны. С ноября 1914 г. — командир 1-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии, с мая 1915 г. — командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, с июля 1915 г. — начальник 3-й Донской казачьей дивизии, с 16 сентября 1915 г. — начальник 2-й Сводной казачьей дивизии. С июня 1917 г. — начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, с августа 1917 г. — командир 3-го конного корпуса. Во время Октябрьской революции по приказу А. Ф. Керенского выступил со своим корпусом на Петроград, но потерпел поражение и был арестован. В ноябре 1917 г. уехал из Петрограда на Дон. Участник Гражданской войны на Юге России. 16 мая 1918 г. избран атаманом войска Донского. 15 февраля 1919 г. из-за конфликта с А. И. Деникиным и поражений на фронте был вынужден уйти в отставку. С 1920 г. — в эмиграции в Германии. Зарабатывал литературным трудом. В годы Второй мировой войны стал коллаборационистом и сотрудничал с нацистами. Казнен 16 января 1947 г. в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не реабилитирован.

СООБЩЕНИЯ

94(47)«10/17»:581.9

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-152-153

Этноботаническая база данных PhytoLex*

В базе данных представлены материалы проектов «Растения и люди в Российской империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик» (поддержан ЕУСПб) и «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)» (поддержан РФФИ, № 17-06-00376)¹. Начавшись как фитонимическое исследование, проект в дальнейшем стал этноботаническим и в настоящее время направлен на изучение растений и их роли в жизни человека, а также предписаний и практик, извлеченных из рукописных и печатных источников. Информация о растениях в базе включает сведения не только об их названиях, но и о внешнем виде, использовании, географии произрастания и торговли.

Источниками базы являются рукописи и печатные издания XI–XVIII вв. различных жанров (документы Аптекарского приказа, Медицинской канцелярии и Медицинской коллегии, фондов Дворцового ведомства, пособия по ботанике, медицине, ветеринарии и этнографии, словари, травелоги, фольклорные тексты), а также гербарии XVIII в. из собрания БИН РАН (см. цв. вклейку, рис. 12). Если оригинальный источник снабжен иллюстрациями, они также загружаются в базу (см. цв. вклейку, рис. 13). На данный момент учтено около 40 000 словоупотреблений.

Единицей описания является название растения или его части (плод, семя, сок и т. д.), а также образованные от них прилагательные. Условием вхождения фитонима в базу является его написание кириллицей, что может свидетельствовать о первом этапе его адаптации в языке. Представлены как исконно русские, так и заимствованные фитонимы, в том числе иноязычные транслитерированные лексемы, не получившие дальнейшего распространения. Названия грибов, мхов, лишайников, хвощей, плаунов и водорослей — и сами эти слова — включаются в базу в связи с тем, что в народной таксономии они достаточно часто объединяются с растениями, а также вследствие отсутствия специальных исследований об их использовании в исследуемый период. Цитаты, содержащие названия растений, могут подаваться в текстовом формате или в виде скриншота pdf-файла.

Поиск на главной странице осуществляется по современным русским или латинским названиям и по названиям, имеющимся в источниках XI–XVIII вв. Вкладка «Расширенный поиск» включает возможность выбора из множества других параметров: функции растения, используемая часть, способ обработки и запасаения, источник цитаты и т. д. Предусмотрен выбор хронологического отрезка (см. цв. вклейку, рис. 14). Идентификация растений производилась на основе ботанических баз данных Plants of the World Online (<https://powo.science.kew.org/>) и GBIF (<https://www.gbif.org/ru/>). Современные русские названия приводятся в соответствии с электронными ресурсами «Википедия» (ru.wikipedia.org) и «Плантариум» (plantarium.ru).

* Работа выполнена при поддержке ЕУСПб в рамках проекта «Растения и люди в Российской империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик».

¹ PhytoLex [Электронный ресурс]. URL: <https://phytolex.eusp.org/> (дата обращения: 18.08.2023).

Этноботаническая база данных PhytoLex предназначена для антропологов, историков, филологов, ботаников, интересующихся особенностями номинации и использования растений в Древней Руси, Московской Руси и Российской империи XVIII в.

В разделах «Новости проекта» и «Блог» можно ознакомиться с докладами и статьями участников проекта, а также с литературными новинками по этноботанической теме.

База продолжает пополняться новыми материалами. Дальнейшие планы подразумевают как количественный рост данных, так и добавление новых функций, в частности геокодирование населенных пунктов, где зафиксированы те или иные фитонимы, и добавление в возможности поиска привязки к географическим точкам и регионам.

*Колосова В. Б., Коваленко К. И.
Европейский Университет в Санкт-Петербурге,
Институт Лингвистических исследований РАН*

902(470.4/5)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-154-157

«Археология Волго-Уралья» в семи томах: современный научный подход к реконструкции древней и средневековой истории региона

Институт археологии им. А. А. Халикова Академии наук Республики Татарстан выпустил семитомное академическое издание «Археология Волго-Уралья» (рис. 1), подготовка которого осуществлялась с 2016 г. Это издание представляет современный академический взгляд на более чем полуторавековой опыт археологических исследований одной из наиболее значимых и уникальных историко-культурных областей Евразийского континента. Исследование позволяет по-новому взглянуть на археологические данные и сделать их основой для комплексной реконструкции истории населения Волго-Уральского региона с древности до раннего Нового времени.

Рис. 1. Семь томов «Археологии Волго-Уралья»

Несколькими поколениями ученых, изучавших археологические памятники Волго-Уральского региона, накоплен обширный фонд источников, позволяющих с достаточной степенью объективности представить динамику развития материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения северо-восточной части Европы; выяснить сложные вопросы происхождения и дальнейшего взаимодействия славянских, финно-угорских и тюркоязычных народов, населявших эти территории. Благодаря целенаправленной и многолетней работе крупных археологических центров, Среднее Поволжье и Приуралье сегодня представляют собой один из наиболее изученных регионов России.

Это первое академическое издание, объединяющее материалы развитого средневековья, полученные за более чем 200 лет полевых и аналитических изысканий на всех видах археологических памятников исследуемой эпохи от дельты Волги до таежной зоны Предуралья. Коллективный научный труд представляет интерес не только для археологов, но и для специалистов других исторических дисциплин, а также для всех интересующихся средневековой историей Поволжья и Предуралья.

В составе авторского коллектива настоящего издания около 100 исследователей — ведущие археологи из крупных научных центров и вузов Казани, Москвы, Уфы, Ижевска, Самары, Йошкар-Олы, Чебоксар, Саранска, Астрахани, Сыктывкара, Кирова. Общий объем семитомного издания составляет около 600 печатных листов. В процессе подготовки проекта проводилась кропотливая работа по изготовлению новых цветных обобщающих карт и иллюстраций, относящихся к археологическому наследию народов региона.

Издание имеет следующую общую структуру: Том I. Каменный век; Том II. Энеолит и бронзовый век; Том III. Ранний железный век; Том IV. Эпоха Великого переселения народов; Том V. Волжская Булгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII — начало XIII в.); Том VI. Период Улуса Джучи (вторая треть XIII — первая половина XV в.); Том VII. Позднее средневековье (середина XV — XVII в.).

В первом томе «Каменный век», который открывает многотомное академическое издание, представлены обобщенные данные многолетних исследований памятников палеолита, мезолита и неолита Среднего Поволжья и Приуралья, включая северо-восток Европейской части России. Эти регионы, выбранные в качестве географических рамок тома, входят в более широкую по охвату территорию Волго-Уральского региона. Авторами раскрыты закономерности взаимодействия человека и природной среды начиная с ледниковой эпохи вплоть до климатического оптимума голоцена (современного межледникового этапа четвертичного периода). Реконструированы системы жизнеобеспечения первобытных коллективов, рассмотрены процессы генезиса и взаимодействия палеолитических, мезолитических и неолитических каменных индустрий и археологических культур¹.

Второй том «Археологии Волго-Уралья» посвящен энеолиту и бронзовому веку региона. Эра ранних металлов, начавшаяся с первых попыток освоения металлургии меди в V тыс. до н. э., ознаменовалась появлением первых металлических изделий в Волго-Уралье, но еще не сопровождалась вытеснением из обихода каменных орудий. На юге региона возникают коллективы, переходящие от присваивающего хозяйства к производящему, появляется скотоводство. Распространение бронзы — сплава меди с мышьяком, оловом и иными металлами — начинается в регионе в III тыс. до н. э. Источником металлов были местные медные руды и импортируемое сырье из месторождений меди и олова, находящихся за пределами региона. Отсутствие в регионе месторождений олова привело к тому, что до конца бронзового века, наряду с бронзовыми орудиями, повсеместно использовались медные и каменные изделия. С увеличением номенклатуры металлических изделий расширялся и ареал производящего хозяйства; придомное скотоводство распространилось на лесостепь, зону широколиственных лесов и подтаежную ландшафтную зону².

¹ Археология Волго-Уралья. Т. 1. Каменный век. Казань, 2021.

² Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань, 2021.

Третий том «Археологии Волго-Уралья» включает результаты новейших исследований раннего железного века. Он охватывает древности I тыс. до н. э. — в основном с IX в. до н. э. до II/III вв. н. э. — и содержит описание основных археологических культур Волго-Уралья. В первой части тома основное внимание уделено первой фазе раннего железного века, когда в степной зоне распространились ранние кочевники — скифы, савроматы и др., а в лесной зоне обитали носители ананьинской, городецкой и других археологических культур, составлявшие периферию скифо-сибирского мира. Культуры второй фазы раннего железного века, которые рассматриваются во второй части тома, представляют сарматский мир в степной зоне и постананьинский — в лесной. Подробно характеризуются поселенческие и погребальные памятники, жилые сооружения, хозяйство и социальные отношения населения раннего железного века как степной, так и лесной ландшафтных зон³.

Четвертый том обобщает результаты исследований археологических материалов, отражающих культурные и исторические процессы, происходившие на территории Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху Великого переселения народов. Эта эпоха вошла в историю как время масштабных миграций, изменивших этническую карту Евразии и вызвавших радикальные трансформации в социально-экономическом и политическом укладе жизни ее обитателей. В издании представлено систематическое изложение имеющихся археологических данных, сгруппированных по природно-географическому, хронологическому и историко-культурному принципам. В каждом разделе тома приведены основные позиции исследователей по вопросам интерпретации археологических материалов⁴.

Хронологические рамки пятого тома «Археологии Волго-Уралья» определяются периодом с начала VIII в. до монголо-татарских завоеваний 1236 г., а территориальные — лесными и лесостепными зонами Северо-Восточной Европы и частично степными районами России, где в эпоху средневековья проживали предки современных марийцев, удмуртов, коми, мордвы, поволжских татар, чувашей и башкир. В первом разделе тома обобщены материалы археологических памятников Волго-Уралья VIII–X вв. Второй раздел полностью посвящен археологии Волжской Болгарии домонгольского времени. В последнем разделе речь идет об этнокультурных процессах в VIII–XIII вв., исследуемых на материалах археологии и антропологии. Завершается раздел (и том в целом) кратким очерком о монголо-татарских завоеваниях 1236 г., ставших своеобразным рубежом в истории народов Восточной Европы⁵.

Шестой том издания «Археология Волго-Уралья» представляет собой обобщение археологических сведений о прошлом Волго-Уралья второй половины XIII — начала XV в., то есть периода становления и расцвета на данной территории Улуса Джучи (Золотой Орды). Это первое академическое издание, объединяющее материалы развитого средневековья, полученные за более чем 200 лет полевых и аналитических изысканий на всех видах археологических памятников исследуемой эпохи от дельты Волги до таежной зоны Предуралья. Коллективный научный труд представляет интерес не только для археологов, но и для специалистов иных исторических дисциплин, а также для всех интересующихся средневековой историей Поволжья и Предуралья⁶.

Седьмой том, заключительный, является первым опытом академического исследования периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Он отличается новизной как по структуре статей, так и по заявленной хронологии и охвату описываемой территории. В данной работе впервые представлены материалы по Волго-Уральскому региону, полученные в результате масштабных исследований памятников XVI–XVII вв. В первую очередь это — Казань, Свияжск, Чебоксары, Царевококшайск, Козьмодемьянск и др. В основу структуры текста

³ Археология Волго-Уралья. Т. 3. Ранний железный век. Казань, 2021.

⁴ Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань, 2022.

⁵ Археология Волго-Уралья. Т. 5. Средние века (VIII — начало XIII в.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. Казань, 2022.

⁶ Археология Волго-Уралья. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII — первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022.

положена последовательность культурных горизонтов развития региона в период расцвета татарских ханств в Поволжье после распада Улуса Джучи и раннего формирования пространства Российского государства⁷.

*Научно-исследовательская археологическая лаборатория
Вятского государственного университета*

⁷ Археология Волго-Уралья. Т. 7. Позднее средневековье (середина XV — XVII в.). Казань, 2022.

Сокращения

АНД Института истории НАН РБ – Архив археологической научной документации Института истории Национальной академии науки Республики Беларусь
АО – Археологические открытия
АТД – Административно-территориальное деление
БИН РАН – Ботанический институт имени В. Л. Комарова Российской академии наук
ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ЕУСПб – Европейский университет в Санкт-Петербурге
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИМЛ – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИОН РАНХиГС – Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы
ККП – коэффициенты парной корреляции Пирсона
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР / Российской академии наук
МАМЮ – Московский архив министерства юстиции
МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси
ОПИ ГИМ – отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ОФР – Очерки феодальной России
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской Империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РВМ – Конгрегация религиозных деятелей Девы Марии
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ – Российская государственная библиотека
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКЦ – Римско-Католической Церкви
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
СВСР – Конференция католических епископов Филиппин
СПБИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

Научное издание
Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 3

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций

В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 13, 72. Усл. печ. л. 18, 37.

Тираж 150 экз. Заказ № 17897

Дата выхода в свет 09.11.2023 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

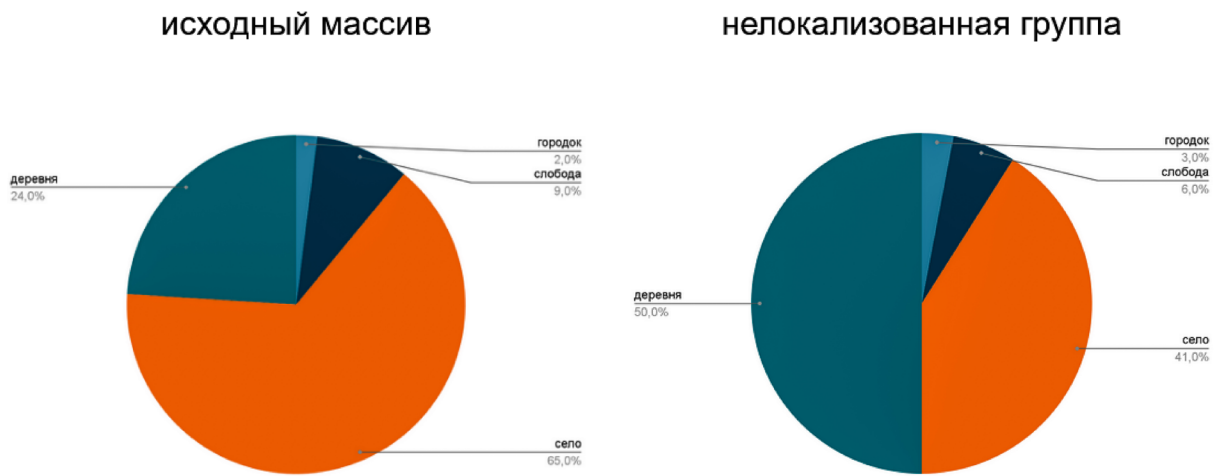

Рис. 1. Соотношение долей населенных пунктов в исходном и нелокализованном массиве

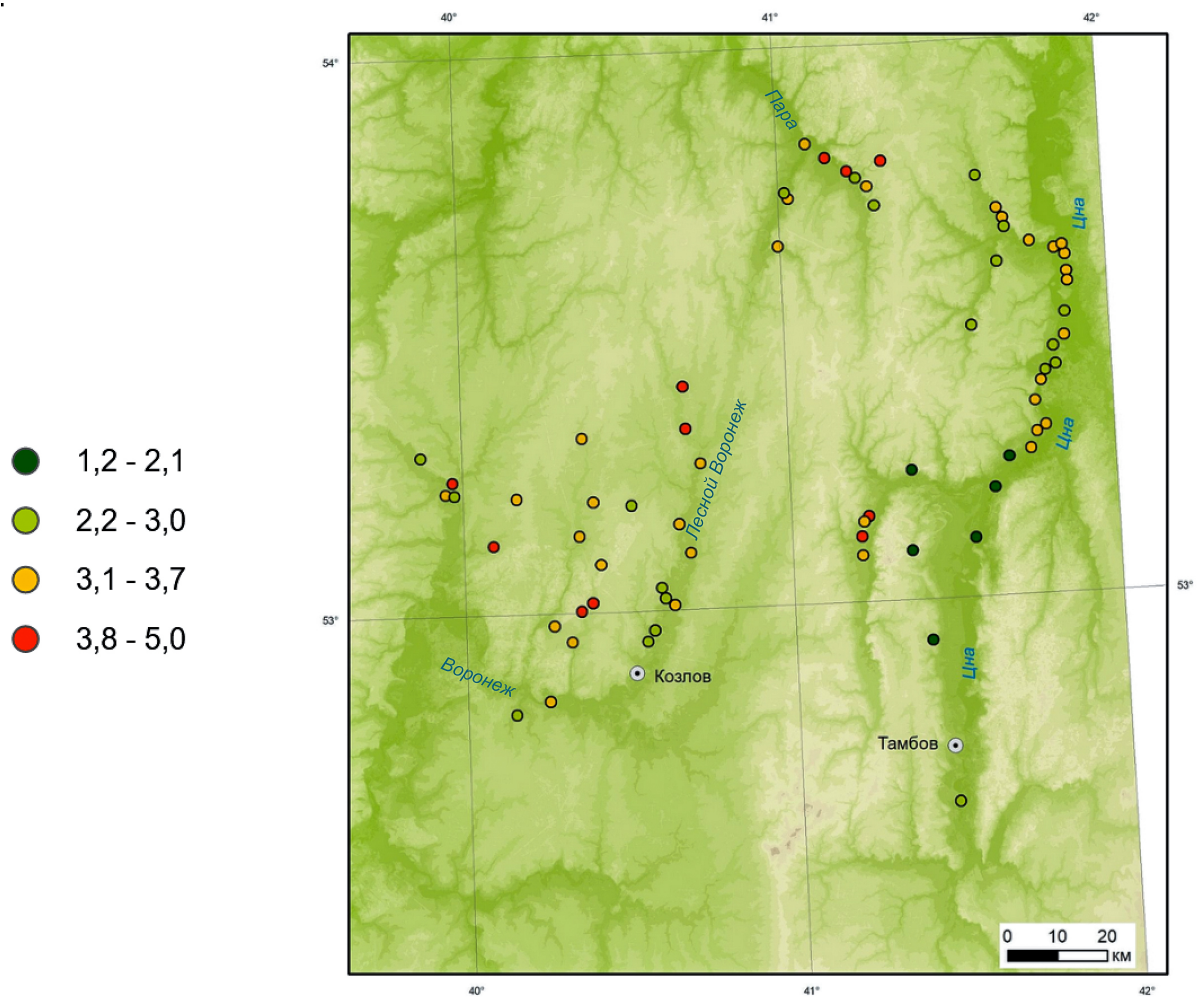

Рис. 2. Картограмма плотности двора сел

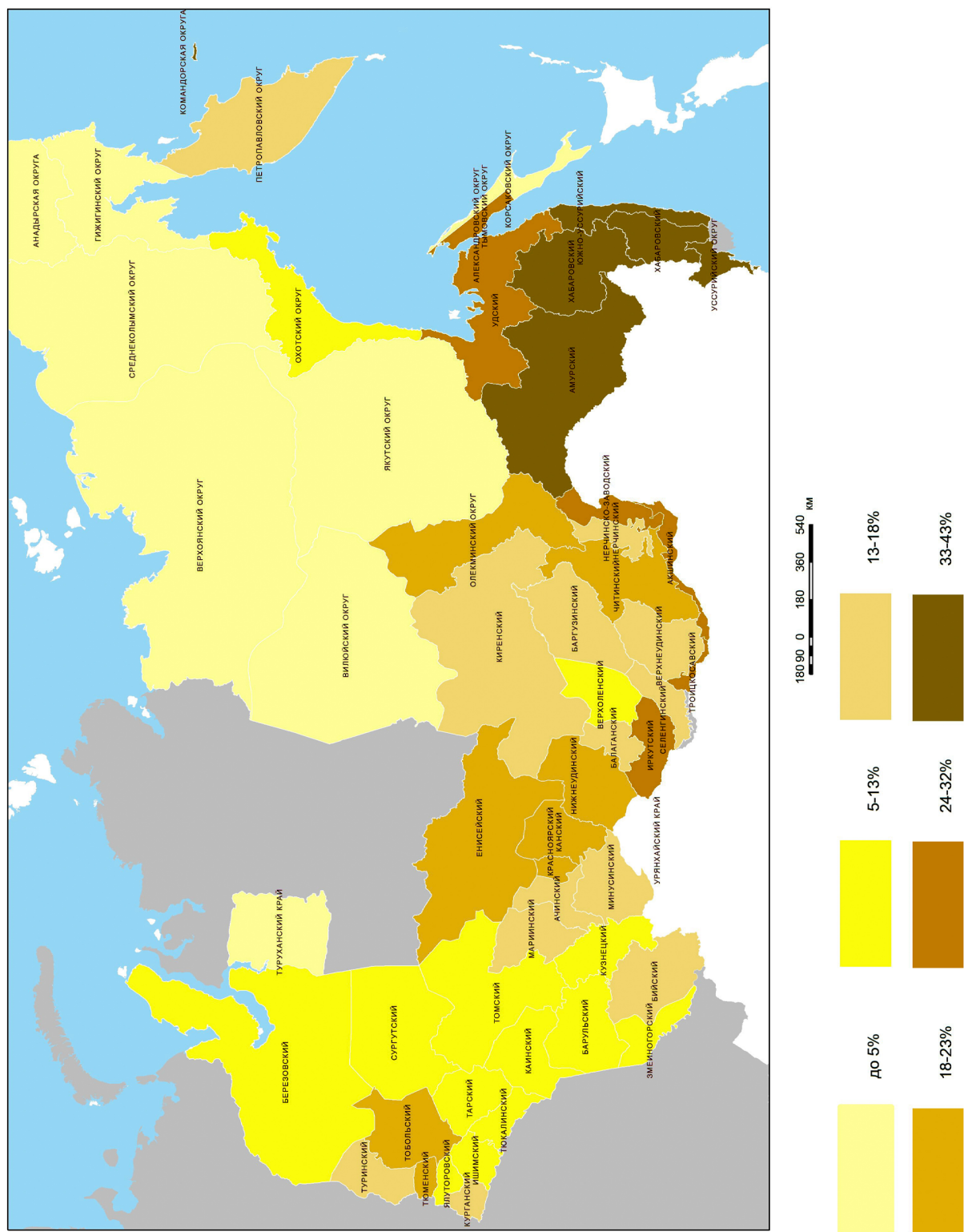

Рис. 3. Уровень грамотности населения в возрасте 20–29 и 40–49 лет по восточным уездам и округам Российской империи (1897 г.)

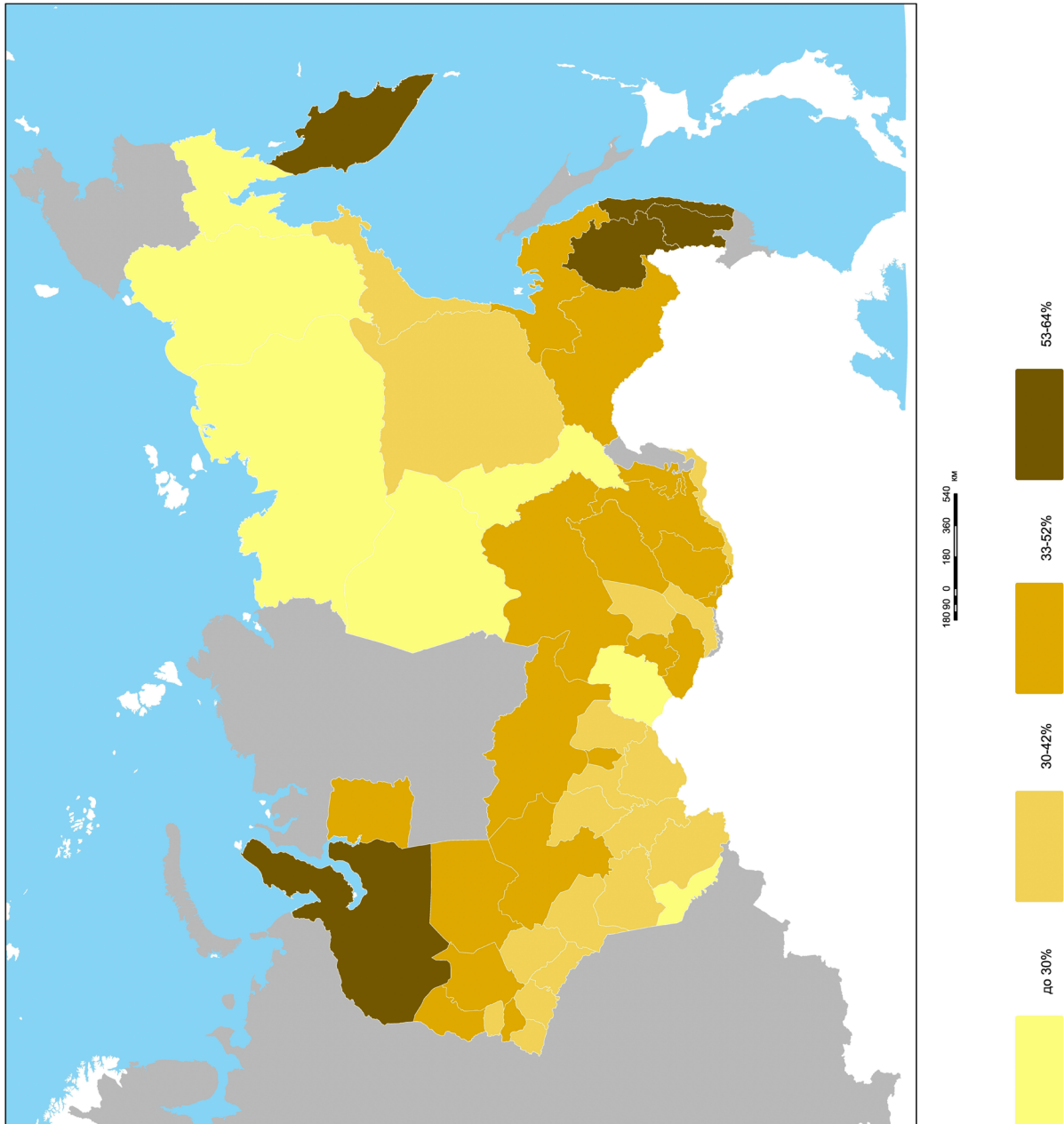

Рис. 4. Уровень грамотности городского населения в возрасте 20–29 и 40–49 лет по восточным уездам и округам Российской империи (1897 г.)

Диспаритет в грамотности (город/село)

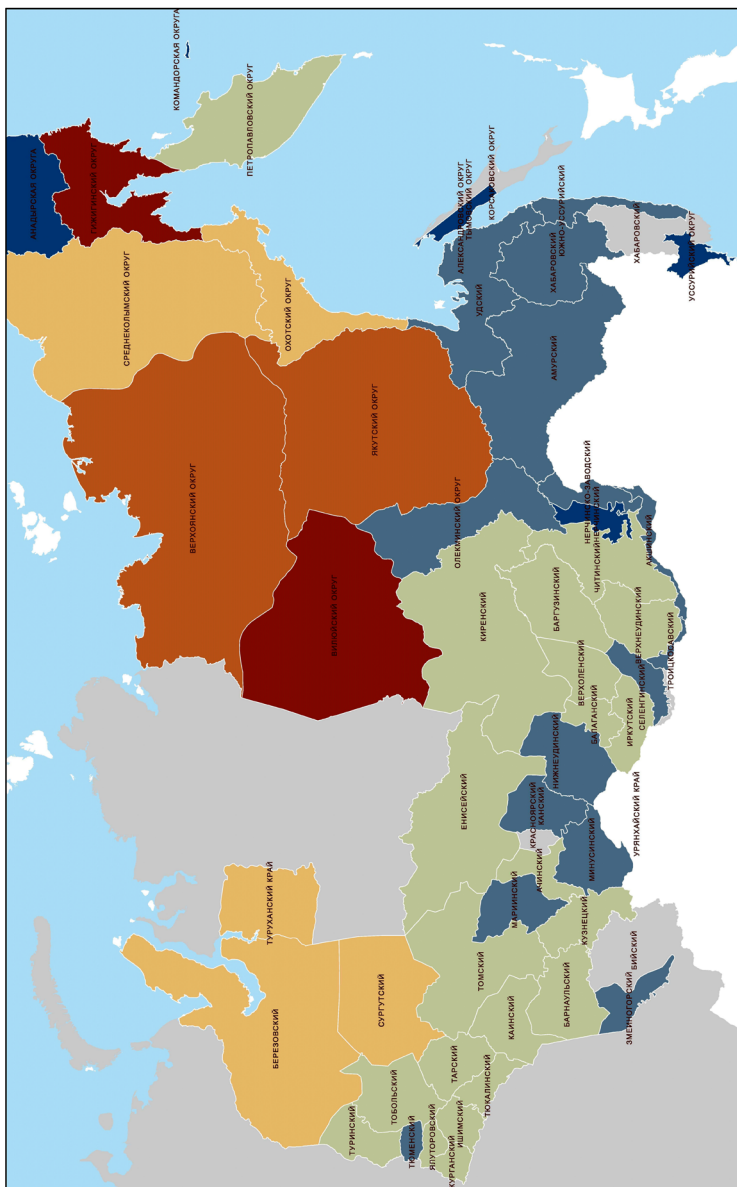
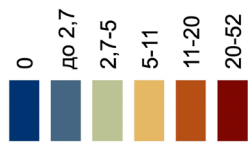

Рис. 5. Поселенческий диспарат в уровне грамотности по восточным уездам и округам Российской империи (1897 г.)

Диспаритет в грамотности (м/ж)

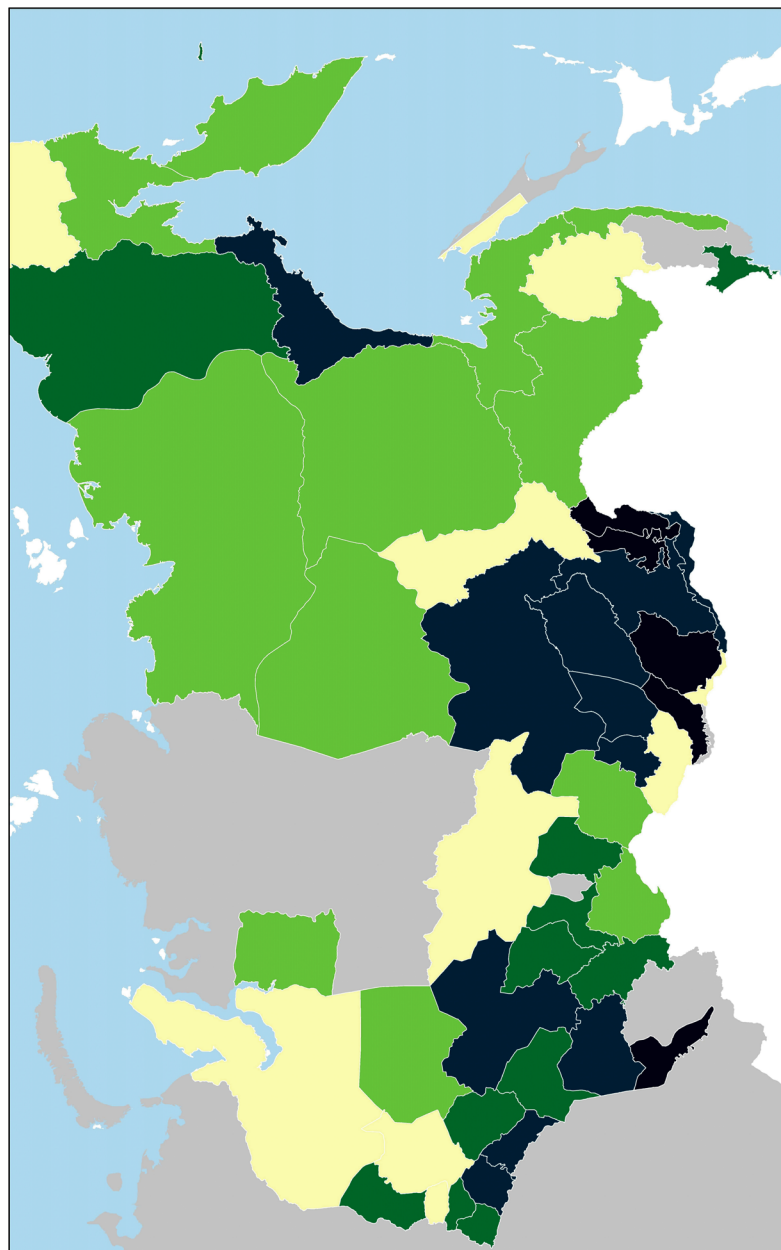
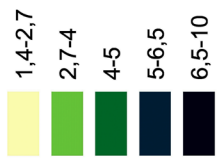

Рис. 6. Гендерный диспаратит в уровне грамотности по восточным уездам и округам Российской империи (1897 г.)

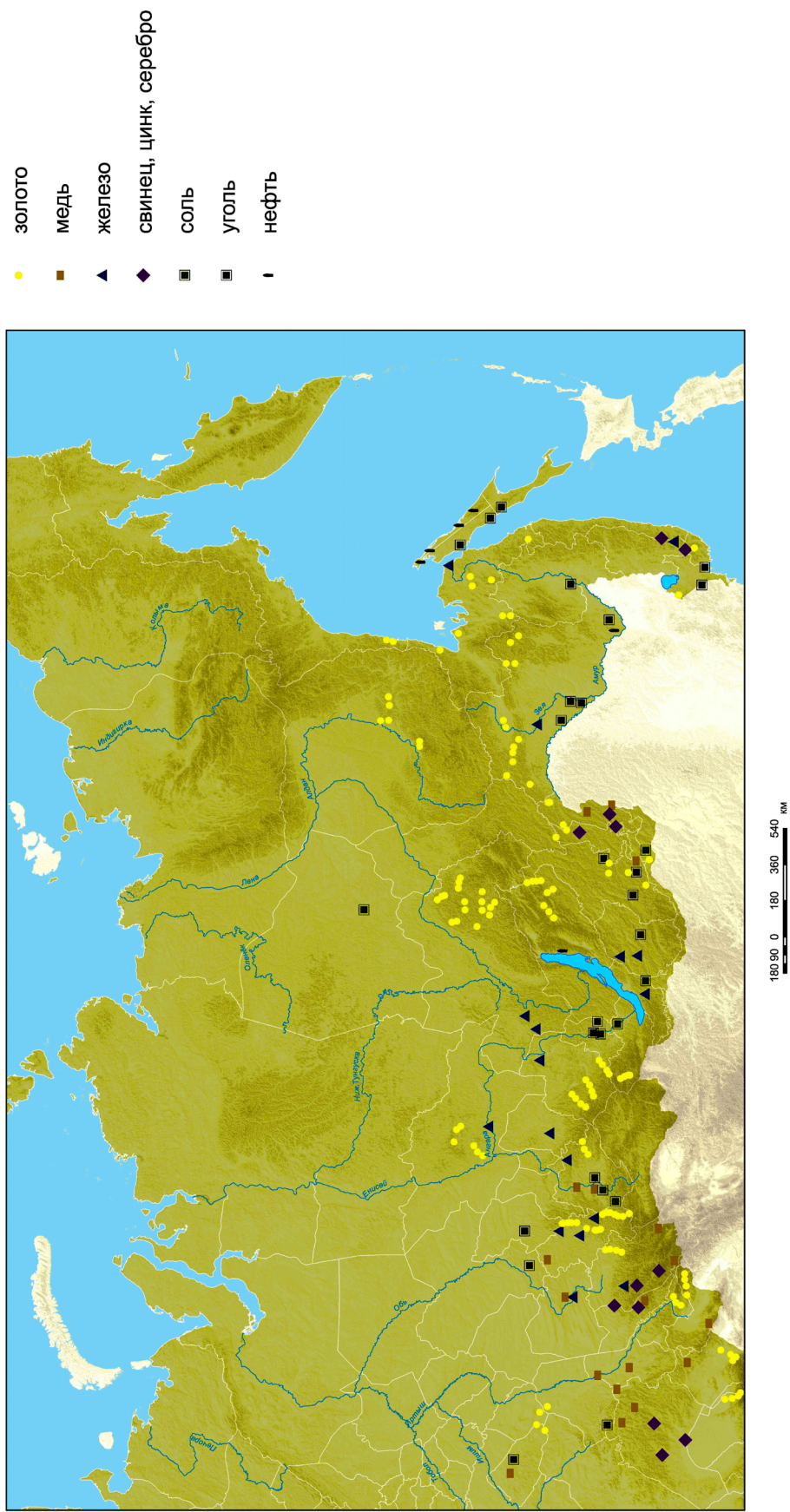

Рис. 8. Разрабатывавшиеся месторождения природных ресурсов в восточных регионах Российской империи (1914 г.)

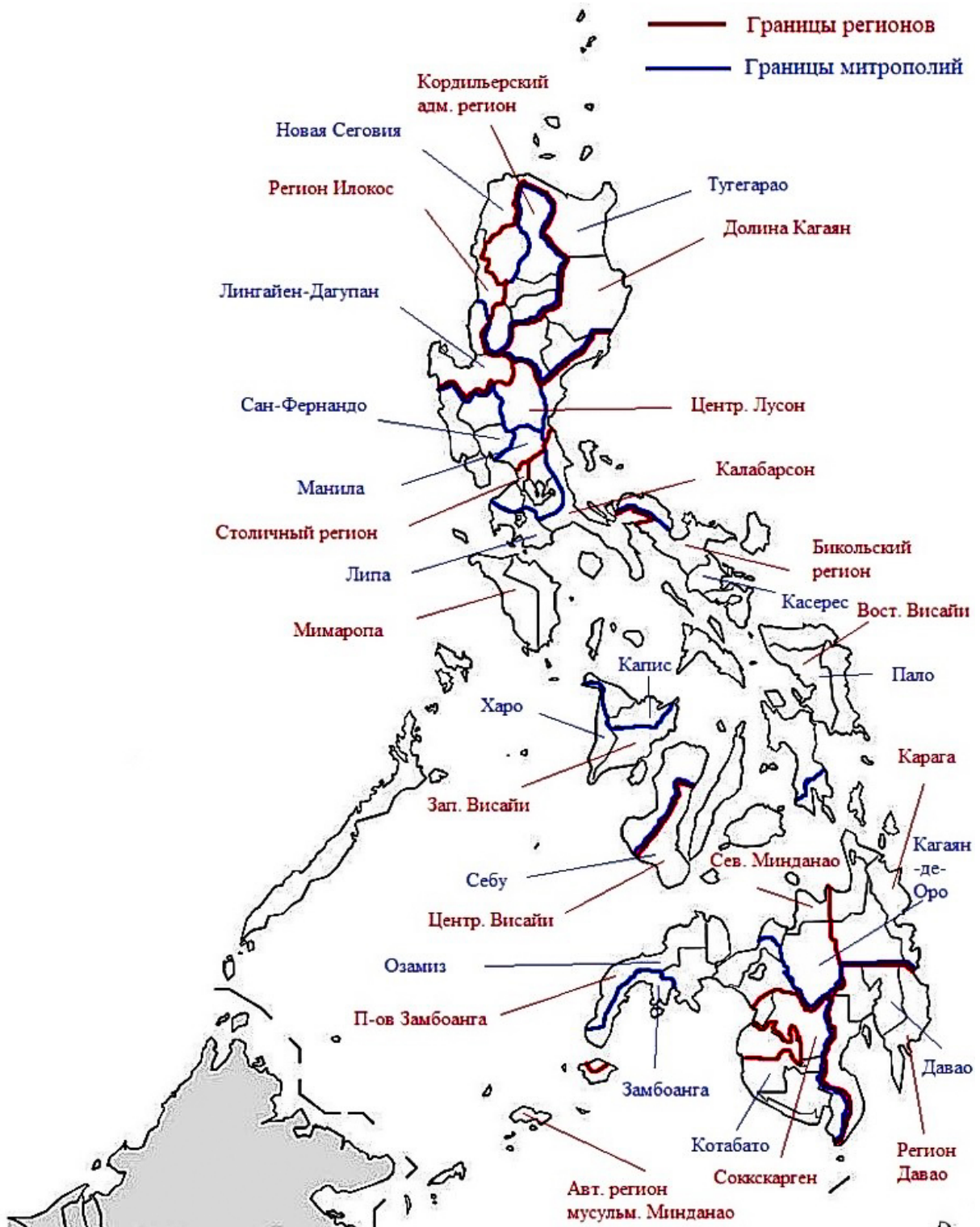

Рис. 10. Карта корреляции государственного и церковного АДТ Филиппин

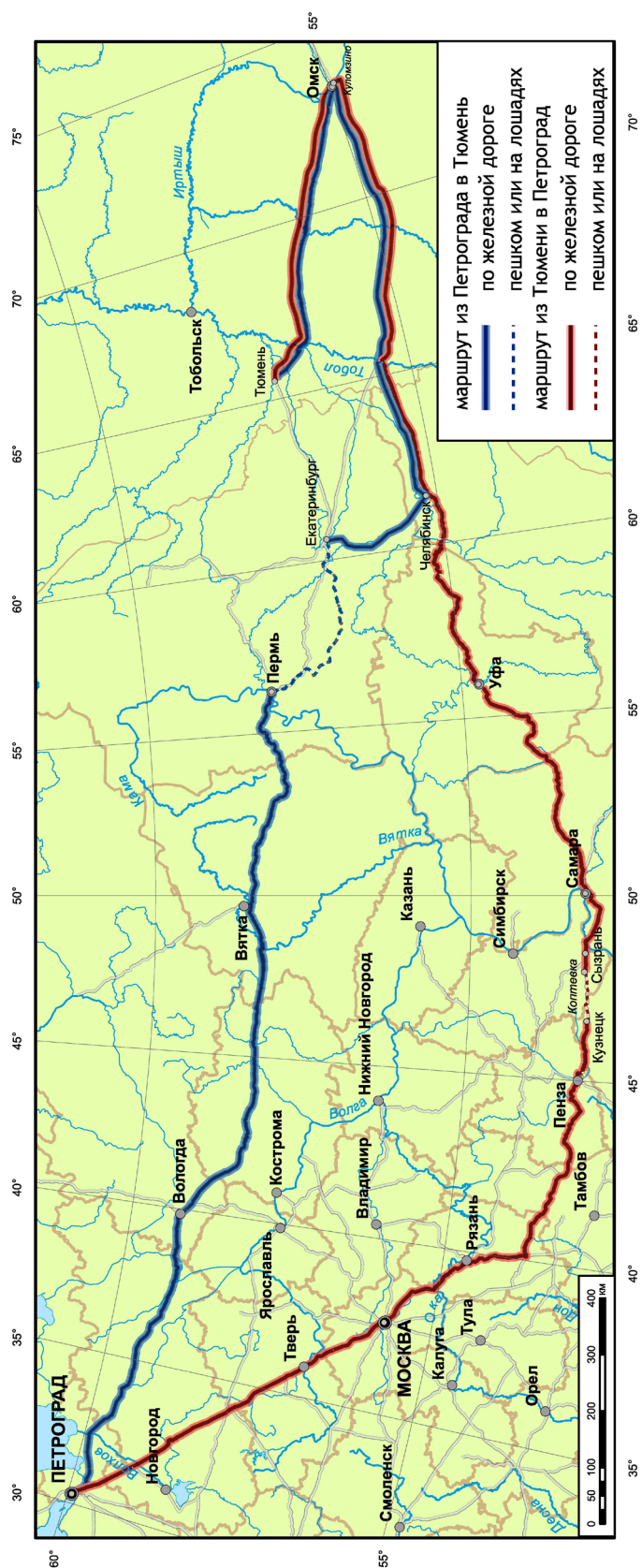

Рис. 11. Карта-схема путешествия А. И. Тарасова-Родионова из Петрограда в Тюмень и обратно (27 июля — 24 августа 1918 г.)

Изображение

LE01052392

ID изображения	LE01052392
Место хранения	БИН РАН
Коллекция / гербарий	гербарий Энса
Ссылка на внешний ресурс	https://herbariumle.ru/?t=occ&id=29816
Растения, представленные на изображении	Название растения по современной ботанической классификации Часть растения Бар-код Nepeta multifida L. None

Рис. 12. Копия листа из гербария Абрахама Энса. 1-я пол. XVIII в. БИН РАН

Изображение

Achillea nobilis subsp. nobilis L.; Achillea tomentosa L.

ID изображения	Achillea nobilis subsp. nobilis L.; Achillea tomentosa L.
Опубликовано в:	Самуила Георга Гмелина ... Путешествие по России для исследования трех царств естества. Перев. с нем. Часть первая. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах - Самуила Георга Гмелина ... Путешествие по России. Часть первая.
Страницы публикации	204-205
Растения, представленные на изображении	Название растения по современной ботанической классификации Часть растения Бар-код Achillea nobilis subsp. nobilis L. растение None Achillea tomentosa L. растение None
Комментарий	См. № 18398. См. № 18404.

Рис. 13. Иллюстрация из издания «Путешествие по России для исследования трех царств естества. Перев. с нем. Часть первая. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах» Самуила Георга Гмелина. Часть первая. СПб., 1771. Стр. 204–205

Расширенный поиск

Параметры поиска сбросить

Современное название растения...

Введите текст Д...

Выберите поле

Введите текст для поиска

+ Добавить условие

1000 1100 1200 1300 1400 1500 1600 1700 1725 1750 1775 1800 1825

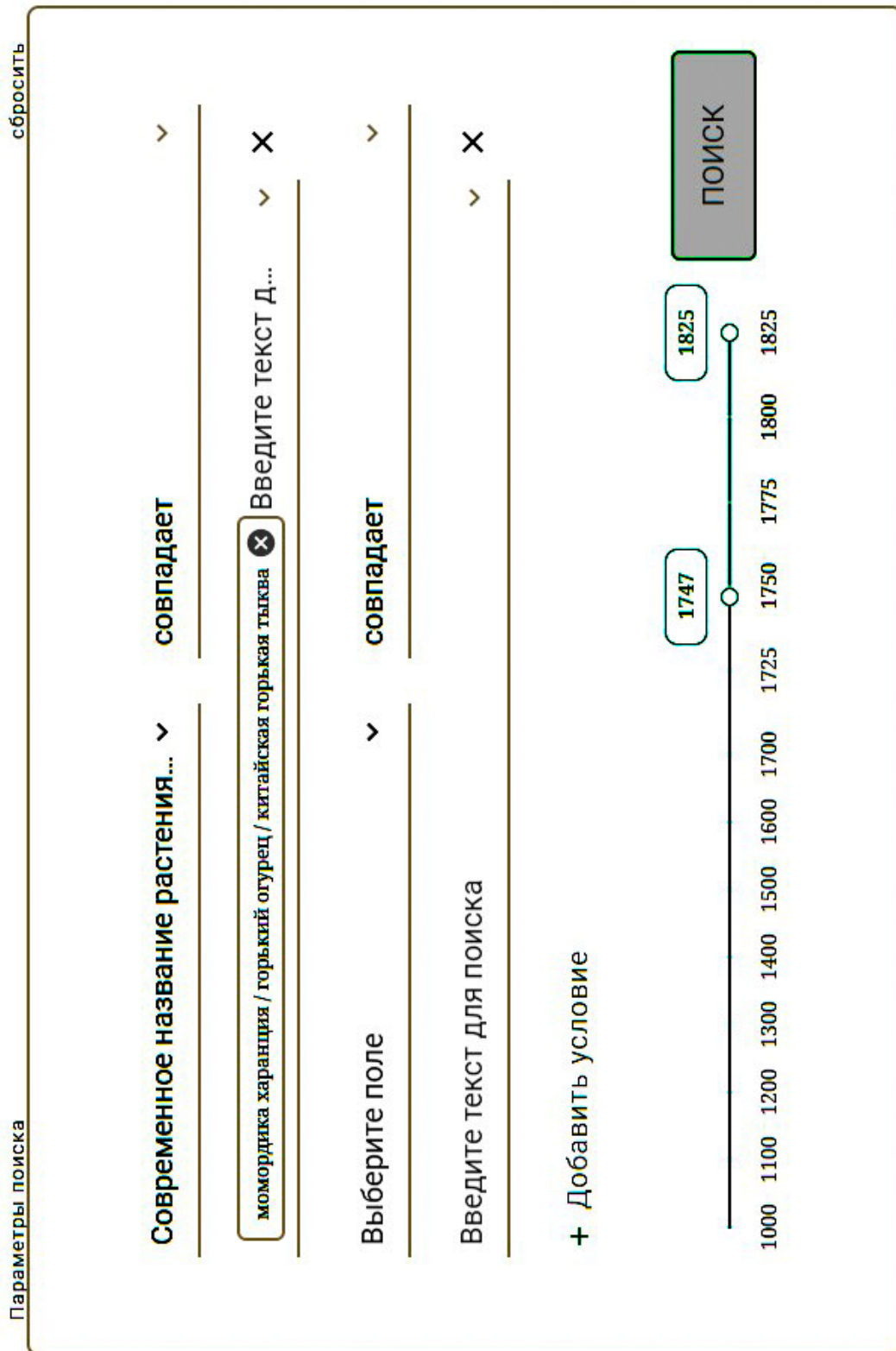

Рис. 14. База данных PhytoLex. Пример заполнения поля расширенного поиска